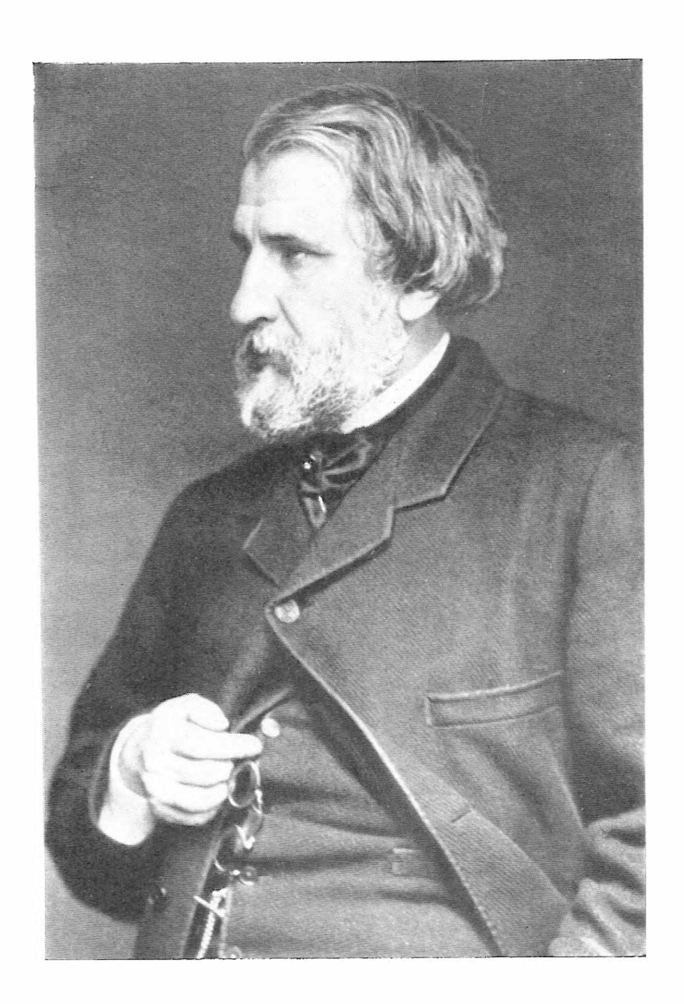
Г. Бялый А. Муратов

Тургенев в Петербурге

Тургенев в Петербурге

Г. А. БЯЛЫЙ, А. Б. МУРАТОВ

Тургенев в Петербурге

ЛЕНИЗДАТ
1970

$\frac{7-2-2}{134-1969}$

Вся старая русская литература неразрывными нитями связана с Петербургом. Без преувеличения можно сказать, что каждый камень города воспет поэтами. Многие улицы и площади его носят имена писателей и поэтов. На многочисленных мемориальных досках запечатлена своеобразная литературная биография города. Больше того, город сам стал литературным героем, и образ его появился на страницах классических русских произведений. Есть Петербург Пушкина, Гоголя, Некрасова, Достоевского. Вспомним прекрасные строки С. Маршака:

Давно стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя ложится Невский,
Весь Летний сад — «Онегина» глава,
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

Автор «Записок охотника» не упомянут в этом поэтическом перечне, но так же, как, например, у Некрасова или Белинского, Петербург у Тургенева оказался в центре литературно-общественной биографии. С Петербургским университетом связана юность писателя. Здесь, в столице, печатались первые его произведения. В Петербурге завязалась дружба с Белинским, оказавшая большое влияние на формирование мировоззрения Тургенева. Личность и творческая судьба писателя неотделимы от истории лучшего петербургского и общерусского журнала «Современник». В Петербурге увидели свет многие романы и повести Тургенева, в Петербурге же он получил признание в качестве драматурга. Здесь писателя, уже на склоне лет, восторженно чествовала петербургская молодежь. Петербургская земля приняла его прах.

Память о Тургеневе жива и в городе наших дней — социалистическом Ленинграде. Ленинград — один из крупнейших центров изучения жизни и творчества Тургенева. Уже в 1919 году в городе было создано «Тургеневское общество», возглавленное знаменитым юристом А. Ф. Кони. В 1921 году вышел в свет изданный этим обществом «Тургеневский сборник» — одно из первых научных изданий советского времени. Планомерное изучение творчества Тургенева началось с 1930 года, когда на

базе Пушкинского дома был создан Институт новой русской литературы. В 1950-е годы в институте была организована специальная «тургеневская» группа. За время своего существования тургеневская группа внесла большой вклад в изучение и популяризацию наследия великого русского писателя. Собрано и обработано много тургеневских материалов, рукописных и книжных, издано значительное количество исследований и материалов о Тургеневе. В 1960—1968 годах Институт русской литературы при участии ученых других городов нашей страны осуществил издание первого Полного собрания сочинений и писем Тургенева.

В Литературном музее института развернута большая экспозиция, посвященная жизни и творчеству писателя. В фондах музея хранятся уникальные изобразительные материалы, относящиеся к Тургеневу, его литературному окружению и его эпохе. В рукописном отделе института собрано большое количество автографов великого писателя, а также многочисленные микрофильмы и фотокопии рукописей Тургенева, находящихся в Парижской национальной библиотеке и других зарубежных государственных и частных собраниях.

В ленинградских театрах идут пьесы Тургенева и инсценировки его произведений; за годы советской власти их было немало — начиная со знаменитой инсценировки «Певцов», в которой роль Якова Турка исполнял Ф. И. Шаляпин, и кончая постановками «Месяца в деревне» в Академическом театре комедии и «Нахлебника»

в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина, осуществленными в 1960-х годах.

В городе постоянно ведется большая работа научно-популярного характера: организуются вечера и временные выставки, посвященные Тургеневу; издаются брошюры и книги; городское экскурсионное бюро проводит маршрутные экскурсии на тему «И. С. Тургенев в Петербурге».

В честь писателя бывшая Покровская площадь названа площадью Тургенева.

Тургенев не создал такого цельного образа Петербурга, как Гоголь или Достоевский. Но Петербург, — и как столица самодержавной Российской империи, и как центр общественно-литературной жизни, — всегда присутствовал в сознании Тургенева, где бы он ни жил и что́ бы ни писал. В этом смысле Тургенев был подлинно петербургским писателем. Не случайно любое его произведение сразу же становилось предметом живых, а подчас и ожесточенных, споров прежде всего в петербургских общественно-литературных кругах.

О тех этапах жизни и творчества Тургенева, которые теснейшим образом связаны с Петербургом, и пойдет речь на страницах этой книги.

Все ссылки на произведения и письма Тургенева приводятся по изданию: И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах. Сочинения, тт. I—XV. Письма, тт. I—XIII. М. — Л., «Наука», 1960—1968. Вви-

ду многочисленности ссылок они даются непосредственно в тексте книги в условном сокращении: указываются курсивом том (римской цифрой) и страница (арабской); в случаях ссылок на письма — перед номером тома ставится буква П.

В сокращении (указываются автор, том и страница) даются ссылки на следующие издания: В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1953—1959; А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. М., Изд-во АН СССР, 1954—1964; Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1940—1952; Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, тт. 1—9. М. — Л., Гослитиздат, 1961—1964; Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений, тт. I—XII. М., Гослитиздат, 1948—1953; А. В. Никитенко. Дневник, тт. I—III. Л., Гослитиздат, 1955—1956; Д. И. Писарев. Сочинения, тт. I—IV. М., Гослитиздат, 1955—1956; А. К. Толстой. Собрание сочинений, тт. 1—4. М., «Художественная литература», 1963—1964; Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI. М., Гослитиздат, 1939—1953.

В сокращении (указываются автор и страница) даются также ссылки на издания: П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960; Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Л., «Academia», 1928; В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его

существования. Историческая записка. СПб., 1870; И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950; Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., Госполитиздат, 1958; Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). М. — Л., «Academia», 1934.

В ссылках на издание «Тургеневский сборник», вып. I—IV. М. — Л., «Наука», 1964—1968, указываются название, номер выпуска, страница.

В ссылках на статью: И. А. Гончаров. Необыкновенная история. — В кн.: «Сборник Российской публичной библиотеки, т. II. Материалы и исследования, вып. I». Пг., 1924 — указываются название статьи и страница сборника.

Даются в сокращении названия изданий: «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников». М.—Л., «Academia», 1930, и «Тургенев и круг „Современника“. Неизданные материалы. 1847—1861». М. — Л., «Academia», 1930; после сокращенного названия указывается страница.

Все даты приводятся по старому стилю. Двойная датировка сохранена лишь в случаях ссылок на письма Тургенева из-за границы.

Петербург 1830-х годов

Ученье в университете

Первые литературные опыты

Столичные театры

Детские годы Тургенева прошли в родовом поместье его матери — селе Спасском-Лутовинове, близ города Мценска Орловской губернии, «в аллеях старого деревенского сада, полного сельских ароматов, земляники, птиц, дремлющих лучей солнца и теней; а вокруг — двести десятин волнующейся ржи!» *(П IX, 424)*. Картины среднерусской природы оставили глубокий след в душе будущего автора «Записок охотника», но жизнь в родительском доме была для него источником тяжких впечатлений и постоянно вызывала в памяти воспоминания об ужасающем барском произволе. Мать Тургенева, своенравная и жесто-

кая помещица, не терпела малейшего неповиновения даже со стороны самых близких людей. Отношения между домочадцами сложились так, что отец старался держаться в стороне от семьи, а подросшие сыновья вынуждены были впоследствии разорвать с матерью близкие связи.

И вместе с тем Варвара Петровна Тургенева (урожденная Лутовинова) отличалась редкой по тому времени образованностью, которую стремилась передать детям. Дети росли, — как, впрочем, и было принято в дворянских семьях, — на попечении «гувернеров и учителей, швейцарцев и немцев, доморощенных дядек и крепостных нянек» *(XV, 206)*. В 1822 году, когда Тургеневу было четыре года, родители его вместе с детьми совершили большое заграничное путешествие: отец Ивана Сергеевича был тяжело болен и намеревался проконсультироваться у европейских врачей. Проездом Тургеневы останавливались в Петербурге; они приехали в столицу в середине мая, а уже 19 мая в объявлении «С.-Петербургских ведомостей» об отъезжающих сообщалось: «Сергей Николаевич Тургенев, отставной полковник, с супругою Варварою Петровною, малолетними сыновьями: Николаем и Иваном, с отставным штаб-ротмистром Николаем Николаевичем Тургеневым и дворянином Иваном Богдановичем фон-Барановым, дерпским уроженцем; при них крепостные люди: Павел Андреев, Иван Сергеев, девки Софья Данилова и Катерина Петрова; спросить по Фурштатской улице в доме Эльтекова под № 619». Объявление об отъезде Тургеневых из Петербурга повторилось, как это было принято, еще дважды — 23 и 26 мая. 26 мая или несколько дней спустя семья покинула Россию. Никаких более подробных сведений о пребывании Тургеневых в Петербурге в 1822 году не сохранилось.

В 1827 году семья переехала в Москву, и Иван Тургенев продолжил домашнее образование в московских пан-

сионах. И до́ма, и в пансионах много внимания уделялось иностранным языкам, но, что особенно примечательно, родной язык и литература в семье Тургеневых также были в большом почете. Варвара Петровна превосходно говорила и писала по-русски (ее письма могут служить образцом живой и колоритной русской речи), а Сергей Николаевич Тургенев стремился дать своим сыновьям воспитание в духе передовых педагогических теорий того времени: его кумирами были швейцарский педагог-демократ Песталоцци и русский просветитель Н. И. Новиков.

Среди гостей в доме Тургеневых не раз бывали прославленный поэт В. А. Жуковский и популярный романист М. Н. Загоскин, автор «Юрия Милославского». Правда, Варвара Петровна больше любила французских писателей, старых и новых, но она внимательно следила и за успехами отечественной словесности. В письмах к сыновьям она иной раз цитировала Карамзина, Жуковского и даже только что входивших в известность Гоголя и Лермонтова.

В 1833 году Тургенев поступил в Московский университет. Но вскоре обстоятельства жизни семьи переменились. В 1834 году старший брат Ивана Сергеевича, Николай, был определен в Петербургское артиллерийское училище, и летом того же года отец перевез в столицу и младшего своего сына, успевшего закончить в Московском университете первый курс. Братья поселились на углу 1-го Спасского переулка и Шестилавочной (впоследствии Надеждинской) улицы, в доме Родионова (ныне улица Маяковского, участок дома 52). 18 июля 1834 года Иван Тургенев подал прошение о приеме его в «число своекоштных студентов Ст.-Петербургского университета по историко-филологическому факультету» *(П I, 425)*. Выдержав экзамены на второй курс, он был принят на 1-е отделение философского факультета (так тогда именовался историко-

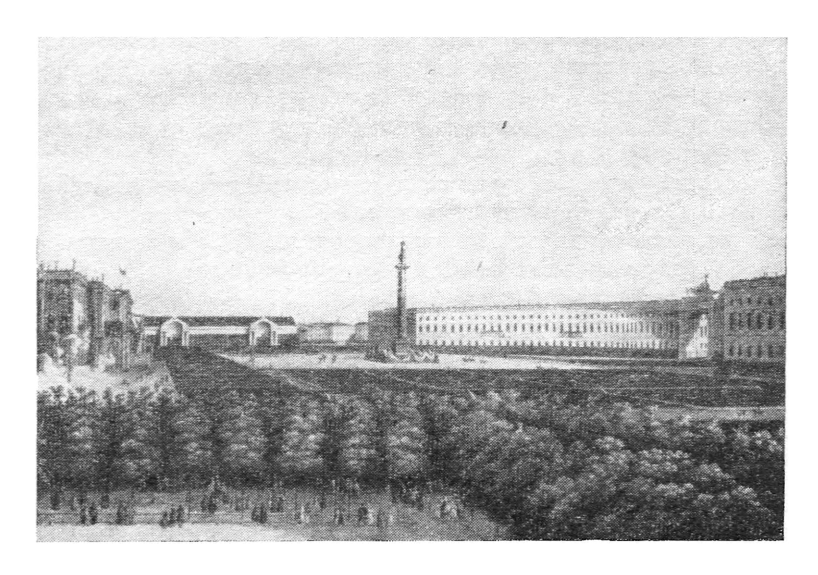
филологический факультет). С этого времени начинается петербургский период в жизни Тургенева.

Петербург второй половины 30-х годов бурно развивался, меняя свой облик и ритм жизни, как этого требовали нужды европейской столицы. Он становился олицетворением тогдашней России. «...Петербург — разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европою, раскланивается с заморским людом» [1], — писал Гоголь в 1836 году, противопоставляя старозаветную Москву новой русской столице. Гимн Петербургу, как воплощению современной России, сложил Пушкин в те же годы в «Медном всаднике». Немного позднее, в 1841 году, Герцен писал в статье «Москва и Петербург»: «Говорить о настоящем России — значит говорить о Петербурге, об этом городе без истории в ту и другую сторону, о городе настоящего, о городе, который один живет и действует в уровень современным и своеземным потребностям на огромной части планеты, называемой Россией» [2].

Город строился и украшался. В 1834 году состоялась торжественная церемония открытия на Дворцовой площади Александровской колонны — самой высокой в мире по тем временам, заканчивалось строительство Нарвских триумфальных ворот. Напротив Академии художеств появились сфинксы, привезенные из далеких Фив, где они были куплены русским правительством по рекомендации молодого дипломата А. Н. Муравьева. В 1835 году набережную Невы и Сенатскую площадь украсило большое парадное здание Сената и Синода. Интенсивно строился Исаакиевский собор (к 1837 году здание было возведено до карниза). Меняется вид Невского проспекта. Новые черты в его облик внесла прокладка Михайловской улицы

---

[1] Н. В. Гоголь, т. VIII, стр. 178.
[2] А. И. Герцен, т. II, стр. 33.

Парад по случаю открытия Александровской колонны.
Литография П. И. Разумихина с оригинала В. Е. Раева.

(ныне улица Бродского), выполненная по проекту архитектора Росси, с целью открыть вид с главной магистрали города на недавно построенный Михайловский дворец. Михайловская улица украшается двумя одинаковыми парадными зданиями. Окончательно архитектурно оформляется Михайловская площадь (ныне площадь Искусств): здесь заканчивается строительство здания Дворянского собрания (ныне помещение Филармонии). Реконструируется по проекту Тома де Томона здание Большого театра (находилось на месте здания Консерватории). В конце 1837 года перед Казанским собором устанавливают памятники М. И. Кутузову и Барклаю де Толли. «...Искусства

воздвигли в столице нашей памятники, вполне заслуживающие внимание просвещеннейших любителей Изящного»[1], — писал А. Башуцкий, один из первых историков Петербурга, подчеркивая отличительную черту города первой трети XIX века.

Петербург превращается в парадную столицу России, и в то же время в его жизни и облике отражаются обострившиеся социальные противоречия. «Город пышный, город бедный» — так назвал Петербург Пушкин в одном из стихотворений 1828 года.

Петербург — город аристократии и бедного люда, город важных господ и мелких чиновников, город преуспевающих дельцов и голодающих мастеровых, — город разительных социальных контрастов. Вместе с тем Петербург — город передовой современной мысли. Здесь живут Пушкин и Гоголь, Глинка и К. Брюллов. Здесь рождается национальный театр («Ревизор») и национальная опера («Иван Сусанин»). Здесь произошло первое революционное выступление XIX века — восстание декабристов, и память о нем еще была свежа. Живой ритм современности привлекает в Петербург молодежь, которая связывает с первым городом России свои ожидания и надежды. К концу 1830-х годов окончательно оформляются два направления русской общественной мысли — западничество и славянофильство, и не случайно для одних будущее России воплощено в «городе настоящего» — Петербурге, для других — в старомодной и консервативной Москве. А. И. Герцен не любил Петербург, как официальный центр деспотической империи Николая I, и он же написал в 1841 году: «Петербург любить нельзя, а я чувствую, что не стал бы жить ни в каком другом городе России. ...Там

---

[1] А. Башуцкий. Панорама Санкт-Петербурга, ч. II. СПб., 1834, стр. 102—103.

издаются журналы, там ценсура умнее, там писал и жил Пушкин, Карамзин; даже Гоголь принадлежал более к Петербургу, чем к Москве»[1].

Передовые люди России остро ощущали трагическую сторону жизни Петербурга. В самом деле, общественная атмосфера 30-х годов — это атмосфера николаевской реакции, и Петербург был ее воплощением. Впоследствии Тургенев так охарактеризовал господствовавшее общественное настроение тех лет: «Время было тогда очень уже смирное. Правительственная сфера, особенно в Петербурге, захватывала и покоряла себе всё. ...Общество еще помнило удар, обрушившийся на самых видных его представителей лет двенадцать перед тем; и изо всего того, что проснулось в нем впоследствии, особенно после 55-го года, ничего даже не шевелилось, а только бродило — глубоко, но смутно — в некоторых молодых умах» *(XIV, 15, 18)*. В 30-х годах и сам Тургенев был одним из тех, в ком лишь «глубоко, но смутно» бродило и вырабатывалось сознание необходимости глубоких общественных перемен в России. Но каких — Тургенев еще не знал.

Он приехал в Петербург восторженным юношей, с мировоззрением еще не определившимся. По своим литературным вкусам он был романтиком, увлекался Бенедиктовым, Марлинским, Жуковским и Байроном и в то же время преклонялся перед именем Пушкина. Свое призвание он видел в ученой карьере. В автобиографической повести «Пунин и Бабурин» (1874) Тургенев писал, что «со времени ... поступления в университет... стал республиканцем» и увлекся деятелями Великой французской революции *(XI, 187)*, но значение этого признания не следует переоценивать. Этот «республиканизм» был скорее романтическим настроением, чем осознанным мировоззрением.

[1] А. И. Герцен, т. II, стр. 36, 37.

Одним из первых произведений, созданных Тургеневым в Петербурге, была ода по случаю открытия 30 августа 1834 года Александровской колонны на Дворцовой площади. Эта ода, написанная под явным воздействием очерка Жуковского «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 г.», начиналась панегириком в честь Александра I и славила «Николая век счастливый». Конечно, и это было только шаблонной одической формулой, а не отражением сложившихся взглядов. Они еще не сформировались в систему, и даже ужасы крепостного права, которые Тургенев видел в деревне в детстве, не вполне им были осмыслены в 30-х годах.

О жизни Тургенева в бытность его студентом Петербургского университета известно мало. Немногочисленные мемуарные свидетельства современников и написанные Тургеневым в конце жизни «Литературные и житейские воспоминания» — вот и всё, что дошло до нас об этом периоде жизни писателя, — периоде становления, поисков и стремлений найти свое место в литературе.

Петербургская жизнь Тургенева началась с глубокого потрясения. 30 октября 1834 года здесь скончался его отец. Варвара Петровна в это время лечилась за границей и возвратилась в Россию лишь в начале 1835 года. Тем сильнее должна была сказаться смерть отца на настроении братьев. В «Мемориале» (кратких записях наиболее значительных событий в жизни) Тургенев записал: «Смерть отца 30-го октября. Сочинение „Стено" (!)»[1] *(XV, 199)*. Драматическая поэма «Стено», о которой вспоминает Тургенев, с ее обостренными поисками смысла жизни и явным налетом романтического пессимизма, во многом могла быть навеяна смертью отца.

---

[1] На рукописи «Стено» помета: «Начата 21-го сентября 1834-го года. Окончена 13-го декабря 1834-го года».

Понтонный мост у Исаакиевской площади.
Литография 1850-х годов.

Запись следующего, 1835 года в «Мемориале» начинается словами: «Новый год в Петербурге. Maladie de croissance [болезнь роста]. Маменька возвращается в Петербург» *(XV, 199)*.

Сразу же по приезде в Петербург Тургенев, как и его брат Николай, должен был напомнить о себе тем людям, которые могли оказаться полезными в его дальнейшей жизни и служебной карьере. Николая Тургенева еще раньше наставлял отец, отдавший сына в артиллерийское

училище — «на службу», как он говорил. Иван Сергеевич после смерти отца оказался на попечении матери. Варвара Петровна, женщина образованная, умная и много читавшая, всё же была уверена, что писательство — не дворянское дело, и не раз говорила: «Дворянин должен служить и составить себе карьеру и имя службой, а не бумагомаранием. Да и кто же читает русские книги?» [1]

Варвара Петровна не уставала хлопотать за сына. Определяя его в университет и думая о его будущем, она искала и возобновляла старые связи с «нужными людьми». Именно с этим обстоятельством связано появление в печати первого произведения Тургенева — рецензии на книгу А. Н. Муравьева «Путешествие по святым местам русским» [2]. Почти 40 лет спустя, в 1875 году, писатель с удивлением прочел заметку, в которой говорилось об этом его «первом печатном произведении», и сразу же отправил письмо в редакцию «Вестника Европы», так объясняя причины появления рецензии: «Мне тогда только что минуло семнадцать лет, я был студентом С.-Петербургского университета; родственники мои, ввиду обеспечения моей будущей карьеры, отрекомендовали меня Сербиновичу, тогдашнему издателю «Журнала министерства просвещения»... Сербинович, которого я видел всего *один* раз, желая, вероятно, испытать мои способности, вручил мне ту книгу Муравьева с тем, чтобы я разобрал ее; я написал нечто по ее поводу — и вот теперь, чуть не через сорок лет, я узнаю, что это «нечто» удостоилось тиснения!» *(XV, 165).*

---

[1] В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961, стр. 67.

[2] Автор «Путешествия...», по отзыву А. В. Никитенко, — «фанатик, который, впрочем, себе на уме, то есть, по пословице, с помощью монахов, на святости идей строит свое земное счастье» (А. В. Никитенко, т. I, стр. 165).

Тургенева не привлекала чиновная карьера, о которой хлопотала для него Варвара Петровна, что и вызывало антагонизм между матерью и сыном. Он учился, имея перед собой иную цель — стать ученым, быть может профессором. Будущая деятельность рисовалась ему как служение людям, обществу, как благородный труд во имя России, во имя ее просвещения.

Интересно то, что впоследствии Тургенев почти никогда не вспоминал о своем учении в Петербургском университете. В предисловии к «Литературным и житейским воспоминаниям», написанном в 1868 году, он так охарактеризовал свое отношение к русскому университетскому образованию тех лет: «Окончив курс по филологическому факультету С.-Петербургского университета в 1837 году, я весною 1838 года отправился доучиваться в Берлин. Мне было всего 19 лет; об этой поездке я мечтал давно. Я был убежден, что в России возможно только набраться некоторых приготовительных сведений, но что источник настоящего знания находится за границей» *(XIV, 8)*.

Так думали тогда многие студенты Петербургского университета. Их восхищали лекции молодых профессоров, возвратившихся из-за границы; всех остальных, которые «не имели случая черпнуть учености в иностранных университетах», считали тогда «людьми отсталыми и дурными профессорами» [1].

Уровень преподавания в Петербургском университете, справлявшем в 1834 году свое пятнадцатилетие, действительно был тогда ниже, чем в других русских университетах. Вот как вспоминал о нем В. В. Григорьев, востоковед, окончивший филологический факультет в 1834 году,

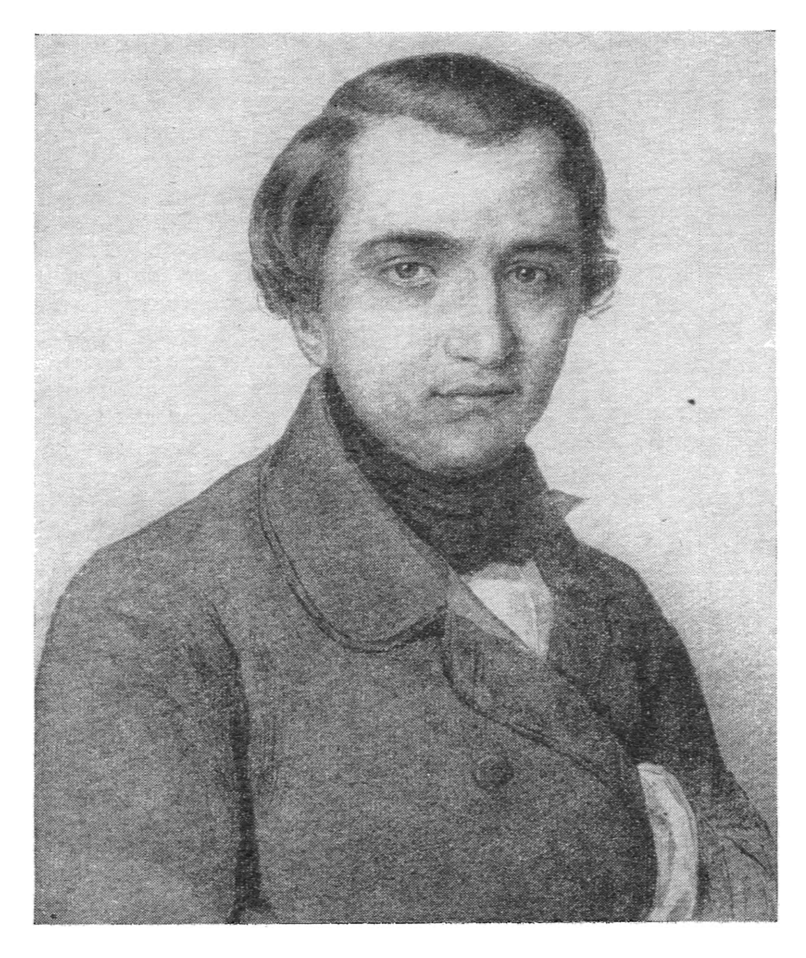
[1] Э-г- [А. А. Чумиков]. Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830—1840 гг. (Из воспоминаний бывшего студента). — «Русская старина», 1881, № 2, стр. 372.

впоследствии начальник Главного управления по делам печати (1874—1880), академик, профессор университета и его историк: «Оставляя университет, и действительные студенты эти, и кандидаты выходили из него с весьма малым запасом сведений и еще с меньшею любовью к науке. Жиденькое знание профессорских тетрадок или печатных учебников, испарявшееся со сдачею каждого экзамена и оставлявшее в голове только названия пройденных наук, смутное представление об их содержании и объеме да случайно застрявшие в памяти факты и положения, — вот всё, что обыкновенно выносили тогда студенты из университета. Об источниках и литературе преподававшихся предметов никто никакого понятия не имел: студент, выходивший из университета с знанием, каким образом приобретаются научные сведения, и умением работать наукообразно, являлся у нас исключением крайне редким, тогда как в Дерптском и, еще более, в Виленском университете, знание и умение это приобретались большинством. Причинами такого положения вещей были, без сомнения: плохая подготовка, с которою молодые люди вступали в университет, неудовлетворительность профессорского преподавания и отсутствие в заведении той научной закваски, которая в Московском университете вырабатывала хороших студентов при тех же самых неблагоприятных условиях» [1].

Эта характеристика довольно точна, хотя и нуждается в оговорке. Конечно, Московский университет 1830-х годов более успешно, чем Петербургский, умел «возбудить вопросы, научить спрашивать... Но больше лекций и профессоров развивала студентов аудитория юным столкновением, обменом мыслей, чтений...» [2]. Из аудиторий Московского университета вышли Герцен и Огарев,

---

[1] В. В. Григорьев, стр. 104—105.
[2] А. И. Герцен, т. VIII, стр. 122—123.

И. С. Тургенев.

С акварели К. А. Горбунова. 1838—1839 годы.

Полежаев и Лермонтов, Белинский и Пирогов. Герцен, подробно рассказавший историю духовного становления своего поколения, имел полное право среди имен, вписавших славные страницы в историю России и обязанных своим развитием Московскому университету, назвать и имя Тургенева.

Тургенев уже не застал в Московском университете многих из тех, о ком пишет Герцен; не знал он и самого Герцена, учившегося в 1833 году на третьем курсе. Но «юное столкновение мнений, обмен мыслей», о которых так много говорится на страницах «Былого и дум», не могли пройти мимо впечатлительного шестнадцатилетнего юноши. Не случайно в первом своем романе «Рудин» Тургенев связал умственное развитие героя с Московским университетом; а ведь этот роман во многом автобиографичен. Тот же Герцен, говоря о характере Рудина, сказал, что это «Тургенев 2-й, наслушавшийся философского жаргона молодого Бакунина» [1].

В Петербургском университете Тургенев не мог найти этой атмосферы споров и пробуждающегося общественного сознания. Там были «партии», «сходки» и т. д., но, по свидетельству учившегося одновременно с Тургеневым Е. А. Матисена, «всё это без всякого политического характера» [2]. Да и состав студентов в столичном университете был другой: здесь получали образование многие юноши из аристократических семейств. Нередко приходившие на лекции в сопровождении французов-гувернеров, они не помышляли о серьезном занятии наукой. Многие тотчас по выходе из университета надевали военный мундир. Молодой столичный университет тех лет был еще

---

[1] А. И. Герцен, т. IX, стр. 359.

[2] М. [Е. Матисен]. Воспоминания разных лет. — «Русская старина», 1881, № 5, стр. 156.

очень далек от политических потрясений, которые возникнут в его стенах четверть века спустя.

Поэтому, сколь ни кратковременным было пребывание Тургенева в Московском университете (с сентября 1833-го по май 1834 года), общественная атмосфера студенческой жизни Москвы еще не была забыта Тургеневым — студентом Петербургского университета. Она дала определенный толчок развитию будущего писателя, вызывая в нем недовольство поверхностным преподаванием, отсутствием в университетских лекциях связи с живой современностью.

В программу историко-филологического отделения философского факультета входил в те годы широкий круг дисциплин. Но уровень преподавания действительно свидетельствовал об отсутствии в молодом университете хорошей «научной закваски», о которой говорил В. В. Григорьев. И несмотря на то, что с 1832 года готовились изменения в университетском уставе и что в Россию вернулись многие молодые магистранты Петербургского университета, «усовершенствовавшиеся в науках» за границей, система преподавания в годы студенчества Тургенева оставалась прежней.

Все философские дисциплины, например, читал с 1832 года А. А. Фишер, воспитанник Венского университета. Плохо зная русский язык, он излагал «по собственным запискам о предмете» лишь «азбуку философии в кантовской разработке»[1]. Фишер был крайне реакционным профессором, он предпринял яростную атаку на «естественное право», видя в нем рассадник свободомыслия. Фишер, пользовавшийся особым расположением Николая I, как бы воплощал ту систему образования, которая соответствовала основам николаевской России. Туманно-схоластические лекции Фишера не удовлетворяли

[1] В. В. Григорьев, стр. 88—89.

Тургенева. Об этом свидетельствуют его многочисленные пометы на полях и исправления конспектов лекций петербургского профессора метафизики [1].

Статистику в Петербургском университете читал А. Л. Крылов, будущий цензор Тургенева. Крылов излагал свой предмет по популярным в те годы учебникам Зябловского и Гасселя.

В 1836—1837 годах его сменил В. С. Порошин, о котором В. В. Григорьев пишет: «...чтения Порошина показались студентам удивительно глубокими, и вскоре, благодаря разнообразию своей образованности и гуманистическим тенденциям при благородстве характера, сделался он, несмотря на полное отсутствие красноречия, одним из самых любимых профессоров в университете и приобрел в нем почти такое же значение, как Грановский в Московском» [2].

Лекции по законодательству, которые читал молодой кандидат Н. А. Палибин, вызвали интерес у Тургенева. Они давали ему представление о сословном расслоении в России и о юридических правах крестьянства.

Несмотря на свое увлечение античностью, и прежде всего греческой литературой, Тургенев почерпнул не много знаний и навыков у маститых профессоров Ф. Б. Греффе, Ф. К. Фрейтага и поэтому дополнительно занимался греческим и латинским языками с известным в те годы преподавателем Ф. А. Вальтером на дому.

С. Н. Тургенев пригласил для домашних занятий с сыном также доктора права Берлинского университета Ф. А. Липмана — друга Жуковского и А. И. Тургенева. Липман занимался с Тургеневым всеобщей историей. При-

---

[1] См.: В. А. Громов. Студенческие записи Тургенева по истории, статистике, законодательству и философии. — «Тургеневский сборник», вып. I, стр. 226—228.

[2] В. В. Григорьев, стр. 169.

глашение этого ученого вызвано было тем, что университетские лекции оказались для Тургенева «недостаточны».

Курс всеобщей истории читал в университете профессор И. П. Шульгин, излагавший свой предмет строго по учебнику «Изображение характера и содержание истории трех последних веков»; в 1835 году его заменил академического склада ученый М. С. Куторга, дарование которого развернулось, к сожалению, после окончания Тургеневым университета. Об уровне преподавания истории может свидетельствовать, например, то, что лекции профессора русской истории Н. Г. Устрялова, эрудированного ученого, но плохого лектора, предлагавшего слушателям обзор исторических источников без каких бы то ни было обобщений, были восприняты студентами как счастливое исключение на фоне скучных лекций других преподавателей истории.

В первый год учения в Петербургском университете Тургенев слушал лекции по древней истории и истории средних веков Н. В. Гоголя, но тогда не понял своеобразия того курса, который очень неровно, — иногда вяло, а иногда живо и увлекательно, — читал автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Тургенев вспоминал: «...я был одним из его слушателей в 1835 году, когда он преподавал (!) историю в С.-Петербургском университете. Это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом. Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две[1]; во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре, — он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран, и всё время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в исто-

---

[1] Как установил Н. И. Мордовченко, это не соответствует действительности («Уч. зап. ЛГУ», 1939, № 46, вып. 3, стр. 358).

рии — и что г. *Гоголь-Яновский*, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор „Вечеров на хуторе близ Диканьки“. На выпускном экзамене из своего предмета он сидел, повязанный платком, якобы от зубной боли, — с совершенно убитой физиономией — и не разевал рта. Спрашивал студентов за него профессор И. П. Шульгин. Как теперь вижу его худую, длинноносую фигуру с двумя высоко торчащими — в виде ушей — концами черного шелкового платка. Нет сомнения, что он сам хорошо понимал весь комизм и всю неловкость своего положения: он в том же году подал в отставку. Это не помешало ему, однако, воскликнуть: „Непризнанный взошел я на кафедру — и непризнанный схожу с нее!“ Он был рожден для того, чтоб быть наставником своих современников; но только не с кафедры» *(XIV, 75—76)*.

Тургенев ждал от лекций строгой научности и объективного изложения предмета. Этого не было, вероятно, во многих лекциях Гоголя. А заинтересованный, «художественный» взгляд профессора на события истории и подчас острая актуальность лекций были во многом недоступны студенческой аудитории тех лет. Поэтому некоторые слабые лекции, прочитанные Н. В. Гоголем, заслонили для Тургенева, как и для многих его однокурсников, те «яркие истины», которые он стремился донести до своих слушателей. «Хоть бы одно студентское существо понимало меня. Это народ бесцветный, как Петербург» [1], — горько жаловался Гоголь в письме М. Н. Погодину.

Ни Гоголь, ни Шульгин, ни Куторга, ни Устрялов не заинтересовали Тургенева. По курсу всеобщей истории он получил самые низкие оценки: в 1835 году — 2, а в 1836 году — $2^1/_2$. Впрочем, причина столь низких баллов

---

[1] Н. В. Гоголь, т. X, стр. 344.

кроется и в том, что Гоголь, по существу, не дал студентам систематического курса, а экзаменовавший слушателей Шульгин требовал знания своего учебника и совершенно отрицательно относился ко всякого рода самостоятельности в изучении предмета.

Н. В. Гоголь.
Рисунок Э. Дмитриева-Мамонова. 1852 год.

Любопытные воспоминания об экзамене Шульгина по курсу Гоголя оставил сокурсник Ивана Сергеевича, студент-юрист Н. М. Колмаков: «Профессор Шульгин на экзамене задавал нам такие вопросы, которые вовсе не входили в программу лекций Гоголя. Вот тут случилась такая оказия: в числе студентов старшего курса был и приснопамятный Иван Сергеевич Тургенев. Ему попался на экзамене вопрос о пытках, или так называемом божьем суде. Известно, что Иван Сергеевич обладал знанием иностранных языков, а потому неудивительно, что он много читал из иностранных источников и на заданный вопрос мог отвечать весьма обширно. Отвечая, Тургенев, между прочим, сказал, что в числе пыток огнем и другими способами был еще особый род оных, именно: испытание посредством телячьего хвоста, намазанного салом. Услышав это, Шульгин, пытливо взглянув на Тургенева, поспешно

сказал: «Что такое? что такое?». Тургенев продолжал: «Да, посредством телячьего хвоста, намазанного салом; приводили взрослого теленка, брали его хвост, намазывали его густо-прегусто салом и заставляли человека, подвергнутого испытанию, взяться за этот хвост и держаться что есть мочи, а между тем теленка ударяли крепко хлыстом. Разумеется, теленок рвался и бежал опрометью. Если испытуемый удерживался, то считали его правым, если нет — виноватым». Шульгин с усмешкой выслушал и сказал: «Где это вы вычитали?» Тургенев смело наименовал автора. Ответ Тургенева не понравился Шульгину: он сжал свои губы, — произошла немая, неприятная сцена. Засим он стал задавать Тургеневу другие вопросы по части хронологии, и, разумеется, Шульгин достигнул своего: Тургенев сделал ошибку и получил неодобрительную отметку»[1].

Действительно, Тургенев имел право говорить, что «в России возможно набраться только некоторых приготовительных сведений». Преподаватели, подобные Шульгину, не могли дать многого студентам.

Однако среди них были и такие, к которым Тургенев относился иначе. В автобиографии[2], написанной в 1875 году, он сказал о себе: «Запас сведений, вынесенный им из Петербургского университета, был не велик: из всех его профессоров один только П. А. Плетнёв умел действовать на слушателей» *(XV, 207)*.

П. А. Плетнев, широко известный тогда литератор и литературный критик, близкий друг Пушкина, Жуковско-

---

[1] Н. М. Колмаков. Очерки и воспоминания. — «Русская старина», 1891, № 5, стр. 461—462.

[2] Автобиография (1875) написана от третьего лица. Предназначалась для тома VI (посвященного Тургеневу) «Русской библиотеки», которую издавал М. М. Стасюлевич.

го и Гоголя, начал свою педагогическую деятельность в Петербургском университете в 1832 году. Нельзя сказать, что с приходом его в университет уровень преподавания литературы заметно повысился. Плетнев ощущал себя больше живым участником литературной жизни, чем преподавателем. Но в этом-то и заключалась, может быть, главная причина его популярности в студенческой среде. С Плетневым в аудитории вошла живая литература. Даже сам тон, каким он о ней говорил, соответствовал романтическому энтузиазму молодежи тех лет. Тургенев вспоминал впоследствии: «Как профессор русской литературы, он [Плетнев] не отличался большими сведениями; ученый багаж его был весьма легок; зато он искренно любил „свой предмет", обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом и говорил просто, ясно, не без теплоты. Главное: он умел сообщить своим слушателям те симпатии, которыми сам был исполнен, — умел заинтересовать их. ... Притом его — как человека, прикосновенного к знаменитой литературной плеяде, как друга Пушкина, Жуковского, Баратынского, Гоголя, как лицо, которому Пушкин посвятил своего Онегина, — окружал в наших глазах ореол. ...Оживленное созерцание,

П. А. Плетнёв.
Рисунок П. Т. Бориспольца.

участие искреннее, незыблемая твердость дружеских чувств и радостное поклонение поэтическому — вот весь Плетнев. Он вполне выразился в своих малочисленных сочинениях, написанных языком образцовым, — хотя немного бледным» *(XIV, 19, 20)*. Плетневу Тургенев был обязан поддержкой своего еще робкого литературного дарования.

То искреннее участие, о котором вспоминает Тургенев, Плетнев распространял на своих молодых слушателей. Он стремился найти таланты, поддерживал их, ободрял, приглашал на свои литературные вечера. «С особенным сочувствием и благодушием, — вспоминал Я. К. Грот, — относился он к молодежи: всякий студент мог быть уверен, что, обратясь к нему, найдет не только дружеский прием, но совет и поддержку...» [1] Всё это получил от него и Тургенев. Вот что рассказал он в очерке «Литературный вечер у П. А. Плетнева»: «В начале 1837 года я, будучи третьекурсным студентом С.-Петербургского университета (по филологическому факультету), получил от профессора русской словесности, Петра Александровича Плетнева, приглашение на литературный вечер [2]. Незадолго перед тем я представил на его рассмотрение один из первых плодов моей Музы, как говаривалось в старину, — фантастическую драму в пятистопных ямбах под заглавием „Стенио" [3]. В одну из следующих лекций Петр Александрович, не называя меня по имени, разобрал, с обычным своим благодушием, это совершенно нелепое произведение... Выходя из здания университета и увидав меня на улице, он подо-

---

[1] Я. К. Грот. Труды, т. III. СПб., 1901, стр. 292.

[2] Тургенев не совсем точен: описываемый им «литературный вечер у Плетнева состоялся, скорее всего, не в 1837-м, а в 1836-м или в 1838 году. (См.: М. П. Алексеев. Письма И. С. Тургенева П. А. Плетневу. — В кн. «Литературный архив», т. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 183; XIV, 424—425).

[3] Имеется в виду поэма «Стено».

звал меня к себе и отечески пожурил меня, причем, однако, заметил, что во мне что-то есть! Эти два слова возбудили во мне смелость отнести к нему несколько стихотворений; он выбрал из них два и год спустя напечатал их в „Современнике“ [1], который унаследовал от Пушкина» *(XIV, 11)*.

Тургенев впоследствии неоднократно отказывался считать свои первые подражательные поэтические опыты началом серьезной литературной деятельности. Нет ничего оригинального и в первом опубликованном в «Современнике» стихотворении «Вечер». Это обычное романтическое стихотворение, похожее на десятки других произведений такого рода, помещавшихся тогда в русских журналах. Традиционны здесь и тема, и лексика, и композиция: вначале лирический вечерний пейзаж, а затем философское раздумье о «ночи и мраке», о «слиянии света с тьмой», о жизни и смерти, о загробных тайнах. Но тем значительнее заключенное в только что приведенных словах Тургенева признание. В те годы, когда ему еще было неясно собственное призвание, ободряющие слова Плетнева безусловно сыграли свою роль. Стихи тогда сочиняли все: это «считалось делом важным» *(XIV, 17)*. Плетнев же увидел в Тургеневе писателя.

Петр Александрович жил «в большом доме на Фонтанке, у Обухова моста» *(XIV, 314)*. (Дом этот не сохранился; он находился на месте нынешнего дома № 8 по Московскому проспекту.) Тургенев бывал там неоднократно. В очерке «Литературный вечер у П. А. Плетнева» он описывает памятное ему первое посещение своего университетского профессора. Среди присутствовавших были

---

[1] Стихотворение «Вечер. *Дума*» опубликовано в «Современнике», 1838, № 1, а «К Венере Медицейской» — в «Современнике», 1838, № 4.

люди известные в литературном мире и даже знаменитые. «С точностью не могу теперь припомнить, — писал Тургенев, — о чем в тот вечер шел разговор; но он не отличался ни особенной живостью, ни особенной глубиной и шириной поднимаемых вопросов. Речь касалась то литературы, то светских и служебных новостей — и только. Раза два она приняла военный и патриотический колорит, — вероятно, благодаря присутствию трех мундиров» *(XIV, 15)*. Жалобы на цензуру, литературные сплетни, беглое упоминание о только что поставленном «Ревизоре» да о новом готовящемся переводе Жуковского, разговор о Растопчиной и о таких, менее чем третьестепенных, поэтах, как Тимофеев и Крешев, — вот что осталось в памяти Тургенева об этом вечере.

Тургенев, возможно, ждал от беседы известных литераторов (среди них были А. В. Кольцов, В. Ф. Одоевский и другие), собравшихся в доме человека, связанного с литературным кругом Пушкина, серьезных литературных споров. Поэтому и не осталось в его памяти содержание происходивших тогда разговоров. Но зато до мельчайших подробностей запомнил он мимолетную встречу с Пушкиным, подлинным кумиром молодежи. «Пушкин был в ту эпоху для меня, как и для многих моих сверстников, чем-то вроде полубога. Мы действительно поклонялись ему» *(XIV, 12)*, — вспоминал Тургенев. Даже первые литературные опыты Тургенева несут на себе отпечаток этого юношеского преклонения перед Пушкиным: поэма «Параша» (1843) полна реминисценций из «Евгения Онегина» и написана под явным воздействием пушкинского романа.

«Войдя в переднюю квартиры Петра Александровича, — писал Тургенев о первом вечере у Плетнева, — я столкнулся с человеком среднего роста, который, уже надев шинель и шляпу и прощаясь с хозяином, звучным голосом воскликнул: «Да! да! хороши наши министры!

нечего сказать!» — засмеялся и вышел. Я успел только разглядеть его белые зубы и живые, быстрые глаза. Каково же было мое горе, когда я узнал потом, что этот человек был Пушкин, с которым мне до тех пор не удавалось встретиться; и как я досадовал на свою мешковатость!» *(XIV, 11—12)*.

Тургенев еще раз встретился с Пушкиным, и тоже мимолетно, на одном из утренних концертов в доме полковника В. В. Энгельгардта, приятеля Пушкина по обществу «Зеленая лампа» (ныне Малый зал Ленинградской филармонии, Невский проспект, дом 30). В этом доме устраивались великосветские балы, маскарады и концерты. Тургенев вспоминал: «Он [Пушкин] стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом посматривал кругом. Помню его смуглое, небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых, крупных зубов, висячие бакенбарды, темные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и кудрявые волосы... Он и на меня бросил беглый взор; бесцеремонное внимание, с которым я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатление неприятное: он словно с досадой повел плѐчом — вообще он казался не в духе — и отошел в сторону».

Эта встреча состоялась незадолго до смерти поэта. «Несколько дней спустя я видел его лежавшим в гробу — и невольно повторял про себя:

Недвижим он лежал, и странен
Был томный мир его чела...»

(XIV, 13)

Смерть Пушкина была воспринята Тургеневым как подлинная трагедия. Вероятнее всего, Тургенев был на отпевании Пушкина в Конюшенной церкви. «Это были действительно народные похороны, — записал 1 февраля 1837 года

А. В. Никитенко, один из университетских наставников Тургенева, в своем дневнике. — Всё, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге, — всё стекалось к церкви, где отпевали поэта». Были среди этих людей и студенты Петербургского университета, которые «тайком, как воры, должны были прокрадываться», чтобы поклониться праху великого поэта. «В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр и студенты присутствовали бы на лекциях... — объясняет Никитенко. — Попечитель мне сказал, что студентам лучше не быть на похоронах: они могли бы собраться в корпорации, нести гроб Пушкина — могли бы «пересолить», как он выразился». Как видим, сам Никитенко не посчитался со «строгим предписанием». Более того, возвратившись с похорон в университет, он «вместо очередной лекции ... читал студентам о заслугах Пушкина» [1].

А. В. Никитенко, как и П. А. Плетнев, принадлежал к той небольшой группе университетских преподавателей, которая оставила заметный след в жизни Тургенева. Молодой профессор, либерал по убеждениям, он был любимцем слушателей. Уважение студентов вызывала сама личность профессора. Его судьба была необычна и даже, может быть, по-своему романтична. Крепостной графа Шереметева, он благодаря воле и настойчивости и при содействии передовых людей, в частности К. Ф. Рылеева, получил вольную, окончил философско-юридический факультет Петербургского университета, защитил диссертацию по политической экономии и, уже в бытность Тургенева в университете, стал профессором по кафедре русской словесности, а вскоре — цензором. Никитенко был в гуще литературных и политических споров 30-х годов. Он, так же как и Плетнев, охотно говорил на лекциях о современной ли-

---

[1] А. В. Никитенко, т. I, стр. 196, 197.

тературе. Никитенко считал, что главная цель его лекций — «согревать сердца слушателей любовью к чистой красоте и истине и пробуждать в них стремление к мужественному, бодрому и благодарному употреблению нравственных сил»[1]. Но своим курсом теории словесности Никитенко был недоволен: в эпоху николаевской реакции с кафедры Петербургского университета не было возможности говорить о гражданских проблемах современной литературы. «...Моя наука, — писал он в своем дневнике в 1841 году, — сущая нелепость и противоречие. Я должен преподавать русскую литературу, — а где она? Разве литература у нас пользуется правами гражданства? Остается одно убежище — мертвая область теории. Я обманываю и обманываюсь, произнося слова: *развитие, направление мыслей, основные идеи искусства*. Всё это что-нибудь, и даже много, значит там, где существуют общественное мнение, интересы умственные и эстетические, а здесь просто швырянье слов в воздух. Слова, слова и слова!»[2]. Студенты

А. В. Никитенко.
Литография с рисунка Н. Ванифатьева, 1840-е годы.

[1] А. В. Никитенко, т. I, стр. 193,
[2] Там же, стр. 240.

несомненно чувствовали в лекциях молодого профессора неудовлетворенность современным состоянием литературы, глубокую заинтересованность в ее судьбах.

К Никитенко и обратился Тургенев, поверяя ему свои первые литературные опыты и пытаясь разрешить многочисленные творческие сомнения. «Препровождая Вам мои первые, слабые опыты на поприще русской поэзии, я прошу Вас не думать, чтоб я имел малейшее желание их печатать — и если я прошу у Вас совета — то это единственно для того, чтобы узнать мнение Ваше о моих произведениях, мнение, которое я ценю очень высоко», — писал он 26 марта 1837 года. Больше всего его смущает опять поэма «Стено». Причина, по которой Тургенев, несмотря на явные недостатки «Стено» и скептический отзыв Плетнева, решился узнать мнение другого своего университетского наставника, видимо, заключалась в том, что юноша не вполне доверял отзыву Плетнева. Об этом он прямо говорит в том же письме к Никитенко: «Мнения его, которые я, впрочем, очень уважаю, — не сходятся с моими». И поясняет: «Еще одна просьба: не говорите об этом Петру Александровичу [Плетневу], я обещал *ему* — перед знакомством с Вами — доставить мои произведения — и до сих пор не исполнил обещания... Притом — я Вам скажу откровенно — при первом знакомстве с Вами я к Вам почувствовал неограниченную доверенность...» *(П I, 163, 164).*

Неизвестно, что́ отвечал Никитенко на эти письма Тургенева. Ясно только одно: профессор поддержал молодого поэта. Он пригласил Тургенева на свои «пятницы». Дружеские отношения с Никитенко Тургенев сохранял и в начале 40-х годов.

Такая поддержка была необходима Тургеневу в период литературного ученичества. В то время по своим интересам и склонностям он был романтиком. Все сверстники

Тургенева прошли примерно тот же путь. Настоящими романтиками были юные Герцен, Огарев, Грановский и другие друзья молодости Тургенева. Даже Гончаров в юности сочинил романтические стихи, те самые, которые затем приписал главному герою своего романа «Обыкновенная история» Александру Адуеву. Романтизм был увлечением молодежи 30—40-х годов.

Романтическая предыстория творчества Тургенева не прошла бесследно. Для писателя навсегда осталась близкой и «флеровая мантия меланхолии» в духе Жуковского, и характерно-романтическая грусть, «не лишенная бодрости, а животворная и сладкая» (слова Жуковского), и поэзия воспоминаний, печальных и радостных одновременно.

К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты,
С твоим блаженством и страданьем!.. —

эти стихи Жуковского (из элегии «Вечер») звучат как эпиграф к лирическим повестям Тургенева вроде «Первой любви» и «Вешних вод». Элементы романтики впоследствии стали органичной частью реалистической системы Тургенева.

Но не только сентиментально-меланхолический романтизм в духе Жуковского был близок молодому Тургеневу. Едва ли не большее влияние оказал на него романтизм протестующий — лермонтовского или байроновского типа.

В 1859 году в лекции о Пушкине Тургенев поставил силу «байроновского лиризма» рядом с силою «критики, юмора». Обе эти «пронзительные силы» в свое время были нужны, по мысли Тургенева, для борьбы с николаевским деспотизмом и крепостным застоем. «Сила независимой, критикующей, протестующей личности восстала против фальши, против пошлости, ... против того ложно общего,

неправедно узаконенного, что не имело разумных прав на подчинение себе личности...» *(XIV, 39, 40)* — такими словами закончил Тургенев характеристику Пушкина и Лермонтова. Протестующий романтизм и критический реализм почти сливались в его сознании.

Так было в 1859 году, когда Тургенев стал уже одним из признанных мастеров русского реализма. Нет ничего удивительного в том, что в начале своего писательского пути он был вполне во власти романтических традиций. Свое первое произведение — драматическую поэму «Стено», о которой речь была выше, Тургенев впоследствии справедливо расценил как «рабское подражание байроновскому Манфреду». С его собственных слов известно, что в университете он «*целовал* имя Марлинского на обертке журнала — плакал, обнявшись с Грановским, над книжкою стихов Бенедиктова — и пришел в ужасное негодование, услыхав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку» *(П III, 62)*. Тургенев вспоминал об увлечениях молодежи своего поколения: «Стихотворения Бенедиктова появились в 1836 году маленькой книжечкой с неизбежной виньеткой на заглавном листе — как теперь ее вижу — и привели в восхищение всё общество, всех литераторов, критиков, всю молодежь. И я, не хуже других, упивался этими стихотворениями, знал многие наизусть, восторгался «Утесом», «Горами» и даже «Матильдой на жеребце», гордившейся „усестом красивым и плотным“» *(XIV, 23)*. Это увлечение Бенедиктовым и Марлинским даже вытесняло в сознании Тургенева поэзию Пушкина. «...Но, правду говоря, — писал Тургенев в 60-х годах, — не на Пушкине сосредоточивалось внимание тогдашней публики... Марлинский всё еще слыл любимейшим писателем, барон Брамбеус царствовал, «Большой выход у Сатаны» почитался верхом совершенства, плодом чуть не вольтеровского гения, а критический отдел в «Библиотеке для

Начальная страница драматической поэмы «Стено».

чтения»[1] — образцом остроумия и вкуса; на Кукольника[2] взирали с надеждой и почтением, хотя и находили, что «Рука всевышнего» не могла идти в сравнение с «Торквато Тассо», — а Бенедиктова заучивали наизусть» *(XIV, 16)*.

В этом признании интересно указание на всеобщность увлечения романтической литературой. И Тургенев в этом смысле был одним из многих: он тоже заучивал стихи Бенедиктова наизусть, восторгался Марлинским, совмещая всё это с любовью к Пушкину, подлинное значение которого еще не было в то время им понято и прочувствовано.

В 30-х годах Тургенев пишет много стихотворений, поэм, переводов, драм, сатиру с намеками на русскую жизнь, даже начинает автобиографию в духе «Исповеди» Руссо. Литературные кумиры молодого поэта-романтика чрезвычайно многообразны. Здесь и Шекспир, и Маттисон, и Жуковский, и Бенедиктов, и Марлинский. Писателя волнует только сегодняшнее состояние его души; он бросает или не доводит до конца начатое. Тургенев весь в поисках, он еще не нашел себя.

Тургенев был романтиком не только по своим литературным вкусам. Романтизм накладывал отпечаток на его отношение к людям, на его представления о любви и дружбе. Слово д р у ж б а было в те годы для Тургенева «священно».

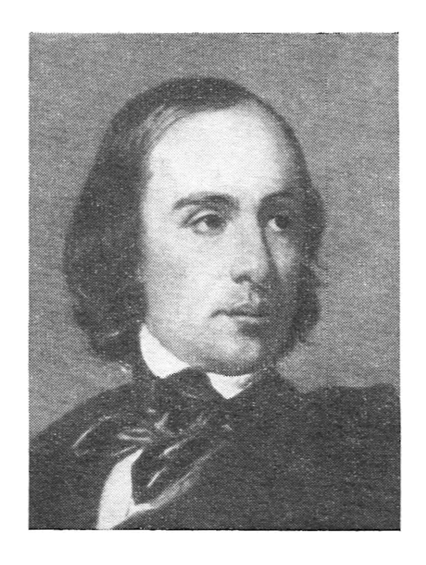
Но об университетских товарищах Тургенева почти ничего не известно. Несколько сохранившихся писем его

---

[1] Б а р о н Б р а м б е у с — псевдоним реакционного журналиста О. И. Сенковского, издателя «Библиотеки для чтения»; «Большой выход у Сатаны» — фельетон Сенковского.

[2] Н. В. К у к о л ь н и к — реакционный писатель, автор исторической пьесы «Рука всевышнего отечество спасла» и драматической фантазии «Торквато Тассо».

к Г. С. Дестунису, впоследствии профессору кафедры классической филологии в Петербургском университете, носят сугубо деловой характер (Тургенев просит конспекты лекций, спрашивает о домашних заданиях и т. д.). Известно также, что Тургенев поддерживал отношения с другим своим сокурсником С. И. Барановским, впоследствии профессором русского языка в Гельсингфорсском университете. Зато о своей горячей романтической дружбе с Т. Н. Грановским писатель сам рассказал в заметке, написанной по поводу смерти знаменитого историка. Они откровенно делились друг с другом своими «чувствованиями». «Я познакомился с ним в 1835 году, — вспоминал Тургенев, — в С.-Петербурге, в университете, в котором мы были оба студентами, хотя он был старше меня летами и во время моего поступления находился уже на последнем курсе. Он не занимался исключительно историей; он даже писал тогда стихи (кто их не писал в молодости?), и я смутно помню отрывок из драмы „Фауст", прочитанный мне им в один темный зимний вечер, в большой и пустой его комнате, за шатким столиком, на котором вместо всякого угощения стоял графин воды и банка варенья.

Т. Н. Грановский.
Портрет маслом работы П. З. Захарова. 1845 год.

В отрывке этом Фауст был представлен (со слов одной старинной немецкой легенды) высоко поднявшимся на воздух, в стеклянном ящике, вместе с Мефистофелем; обозревая широко раскинувшуюся землю, реки, леса, поля, жилища людей, Фауст произносил задумчивый, полный грустного созерцания монолог, показавшийся мне тогда прекрасным... Мефистофель безмолвствовал; я, впрочем, и теперь не могу себе представить, какие бы речи вложил Грановский в уста бесу... Ирония, особенно ирония едкая и безжалостная, была чужда его светлой душе. Помню я еще другой вечер и другое чтение: мы вместе с жадностью перелистывали только что вышедшее собрание стихотворений одного поэта [Бенедиктова], имя которого, теперь если не безызвестное, то уже отзвучавшее, прогремело тогда по всей России. С каким восторгом приветствовал Грановский новые надежды русской поэзии, как исполнялся весь благородной радостию сочувствия!» *(VI, 372).*

Грановский, по мысли Тургенева, целиком принадлежал к эпохе 30-х годов: эта эпоха его воспитала и придала ему то свойственное романтикам обаяние, которое испытали на себе его слушатели в Московском университете, — доброту и отзывчивость, душевную красоту и человечность. «От него веяло чем-то возвышенно-чистым, — писал Тургенев о Грановском, — ему было дано (редкое и благодатное свойство) не убеждениями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное в душе другого; он был идеалист в лучшем смысле этого слова, — идеалист не в одиночку. Он имел точно право сказать: „Ничто человеческое мне не чуждо“, и потому и его не чуждалось ничто человеческое» *(VI, 373).*

Одна из характерных черт жизни Петербурга 30-х годов — увлечение театром, в особенности оперой и балетом. «Балет и опера — царь и царица петербургского театра.

Они явились блестящее, шумнее, восторженнее прежних годов... — писал Гоголь в статье «Петербургские записки 1836 года». — Опера принимается у нас очень жадно. До сих пор не прошел тот энтузиазм, с каким бросился весь Петербург на живую, яркую музыку „Фенеллы“ [1], на дикую, проникнутую адским наслаждением музыку „Роберта“ [2]. „Семирамида“ [3], на которую за пять лет перед сим равнодушно глядела публика, „Семирамида“ в нынешнее время, когда музыка Россини почти анахронизм, приводит в совершенный восторг ту же самую публику» [4].

Тургенев тоже поддается этому общему увлечению театром. Он часто бывает на концертах, в опере, в драме.

В 30-х годах родилась русская национальная опера. 27 ноября 1836 года состоялось первое представление оперы Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). «Об энтузиазме, произведенном оперою „Жизнь за царя“, и говорить нечего, — писал Гоголь, — он понятен и известен уже целой России. Об этой опере надобно говорить много или ничего не говорить» [5]. Опера Глинки вызвала бурное восхищение в передовом русском обществе. На первом представлении в Большом театре были Пушкин, Крылов, В. Одоевский, Кольцов и другие петербургские писатели, музыканты, присутствовали царь и придворные. Наиболее полно впечатление передовых кругов Петербурга выразил Одоевский. Он писал в «Письме к любителю музыки об опере г. Глинки „Иван Сусанин“»: «...Как выразить удивление истинных любителей музыки, когда они с первого акта уверились, что этою оперою решался вопрос важный

---

[1] Измененное по требованию русской цензуры название оперы Обера «Немая из Портичи».

[2] Опера Мейербера «Роберт-Дьявол».

[3] Опера Мейербера «Признательная Семирамида».

[4] Н. В. Гоголь, т. VIII, стр. 180, 183.

[5] Там же, стр. 183.

Большой театр в Петербурге.
Литография с картины Т. Дица. Середина XIX века.

для искусства вообще и для русского искусства в особенности, а именно: существование *русской* оперы, *русской* музыки, наконец — существование вообще *народной* музыки»[1].

С Глинкой Тургенев был знаком лично и встречался с ним в 1834—1835 годах. Впоследствии он вспоминал об этих встречах как о значительных событиях своей жизни. «Он [Глинка] бывал у нас, когда мы жили вместе с бра-

[1] В. Ф. Одоевский. Музыкально-литературное наследие. М., Музгиз, 1956, стр. 119.

том — которого он, кажется, любил» *(П III, 79—80)*, — писал Тургенев композитору В. Н. Кашперову 5 января 1857 года. Тургенев присутствовал и на первом представлении «Жизни за царя». Однако, как он признавался много лет спустя, не понял значения того, что совершалось перед его глазами. «В „Жизни за царя" я просто скучал. Правда, голос Воробьевой (Петровой), которой я незадолго перед тем восхищался в „Семирамиде", уже надломился, а г-жа Степанова (Антонида) визжала сверхъестественно... Но музыку Глинки я всё-таки должен бы был понять» *(XIV, 16)*, — с сокрушением писал он. Именно «должен бы был понять», но не понял: в 30-х годах он еще не видел неизбежности того решительного перелома в общественном сознании, который позволит вскоре и ему стать под знамя «критического направления», возглавленного Белинским. Поэтому и на первом представлении «Ревизора» он лишь «много смеялся», как и вся публика, также не поняв великого значения этой комедии для русской литературы и театра.

Первое представление «Ревизора» Гоголя, состоявшееся в Александринском театре (ныне Театр драмы имени А. С. Пушкина) 19 апреля 1836 года, имело для русского драматического театра то же значение, что и опера Глинки для музыкального. Русская сатирическая комедия, представленная в те годы на русской сцене по существу лишь «Ябедой» Капниста, комедиями Крылова да «Недорослем» Фонвизина, а с 1831 года — «Горем от ума» Грибоедова, не могла удовлетворить постоянно росшую потребность в оригинальной русской реалистической драматургии. В сезон 1836/37 года в Петербурге была поставлена 51 новая пьеса, 30 из них были переводными; из 84 пьес старого репертуара оригинальных было только 26. Эти цифры красноречиво говорят о засилии на русской сцене переводных произведений. Причем, надо еще иметь в виду,

что среди пьес, считавшихся оригинальными, большинство составляли водевили и мелодрамы, нередко являвшиеся лишь переделкой европейских образцов.

Против засилия легких жанров в русском театре решительно выступил Н. В. Гоголь. «Из театра мы сделали игрушку, вроде тех побрякушек, которыми заманивают детей, позабывши, что это такая кафедра, с которой читается разом целой толпе живой урок...»[1] — писал он в 1836 году. Таким «уроком» и стал гоголевский «Ревизор». Но этого-то как раз и не поняли в те годы многие, в том числе и Тургенев. Восхищаясь Гоголем-писателем, он всё еще воспринимал его сквозь призму своих романтических увлечений. Значение Гоголя было понято им позже, после появления критических статей Белинского.

В 1836 году Тургенев весьма посредственно закончил Петербургский университет. В «Мемориале» он записал: «Я не выдерживаю на кандидата» *(XV, 200)*. Многое в университетском преподавании не интересовало его, и даровитый студент не считал нужным тщательно выполнять казенные требования университетской программы. Из-за низких оценок по всеобщей и русской истории Тургенев не набрал того количества баллов, которое давало право на получение кандидатского диплома. Звание «действительного студента», разумеется, не удовлетворяло его: он ведь готовился к научной деятельности. Воспользовавшись тем, что по новому университетскому уставу курс обучения на философском факультете стал четырехгодичным, Тургенев испросил разрешения вторично прослушать лекции третьего курса, а затем вновь сдавать экзамены.

В июле 1837 года он получил наконец степень кандидата. В аттестате Тургенева было сказано: «Иван

---

[1] Н. В. Гоголь, т. VIII, стр. 186.

Тургенев, ... поступивший в число своекоштных студентов Императорского С.-Петербургского университета по 1-му отделению философского факультета, находясь в оном с июля месяца 1834 по июля 10-е 1837 года, при благонравном поведении, окончил полный курс учения и оказал следующие успехи: в законе божием, политической экономии и русской истории — очень хорошие; в греческой и римской словесности, истории русской литературы, всеобщей истории и французском языке — отличные; и, по окончательном испытании, признан советом университета достойным степени кандидата 1-го отделения философского факультета 10-го июля 1837 года...» *(П I, 633)*.

Окончив университет, Тургенев, однако, не оставлял мысли о дальнейшем учении. Научная деятельность влекла его неудержимо, и в мае 1838 года он отправился в Берлин, куда в те годы министерство народного просвещения обычно направляло своих стипендиатов-магистрантов.

Но поездка за границу имела для Тургенева не только учебные цели. Она была вызвана общей неудовлетворенностью укладом жизни в России. Впоследствии Тургенев писал: «Тот быт, та среда и особенно та полоса ее, если можно так выразиться, к которой я принадлежал — полоса помещичья, крепостная, — не представляли ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротив: почти всё, что я видел вокруг себя, возбуждало во мне чувства смущения, негодования — отвращения, наконец. Долго колебаться я не мог. Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дороге; либо отвернуться разом, оттолкнуть от себя „всех и вся“, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я так и сделал... Я бросился вниз головою в „немецкое море“, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я наконец вынырнул из его волн — я всё-таки

очутился „западником“, и остался им навсегда» *(XIV, 8—9)*.

Суммируя свои юношеские жизненные впечатления, Тургенев имел право сказать, объясняя свое «бегство» в Германию: «Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел... Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда» *(XIV, 9)*.

Магистерские экзамены

На казенной службе

Встреча с Полиной Виардо

Дружба с Белинским

Создание „Современника“

В конце 1839 года Тургенев возвратился в Россию. Зиму он проводит в Петербурге, поселившись на Гагаринской улице, у Пустого рынка, в доме Ефремовой (ныне улица Фурманова, дом 12). Он весь во власти литературных интересов и новых, европейских впечатлений, которыми стремится поделиться со своими старыми университетскими наставниками и знакомыми.

Но Петербург разочаровал Тургенева. И прежде всего, его угнетало состояние литературы. «Оттого ли, что я гораздо более ожидал от Петербурга, чем он может дать, — но мне здесь довольно грустно, — писал Тургенев

4 декабря 1839 года Т. Н. Грановскому. — Судите сами: у Плетнева я был и застал его над корректурой „Современника". От него я узнал, что Гоголь живет у Жуковского, хандрит жестоко и едет обратно в Рим. Он прочел им как-то главы две-три из нового своего романа [„Мертвые души"] — и, говорят, превосходная вещь этот роман; но он делает это с большим трудом — и печатать не хочет».

О себе Тургенев пишет: «...Я всё еще колеблюсь погрузиться в русский литературный мир — в „сей грязный омут, господа"». И дальше: «Но боже мой! где ж ты, молодое поколенье, черт возьми!» *(П I, 175, 176)*.

Постепенно Тургенев расставался со многими прежними романтическими увлечениями. Как это видно из приведенного письма, он трезво судит о петербургских литераторах, о современной литературе и еще не решается целиком посвятить себя писательскому труду. «В нем едва началось брожение — его волнуют смутные мысли; он робок и бесплодно-задумчив» *(П I, 194)* — так сказал Тургенев о себе самом в одном из писем М. Бакунину.

А между тем Тургенев получает приглашения сотрудничать в петербургских журналах. А. В. Никитенко, ставший ответственным редактором «Сына отечества», предлагает ему сотрудничество в своем журнале. Но Тургенев медлит и не дает решительного ответа.

Приезд в Петербург был для Тургенева знаменателен тем, что он видел М. Ю. Лермонтова. Правда, Тургенев оставался при этом не более чем сторонним наблюдателем, но природная способность угадывать за внешностью человека свойства его характера и его внутреннее состояние позволили ему живо запечатлеть образ поэта. Тургенев вспоминал: «Лермонтова я тоже видел всего два раза: в доме одной знатной петербургской дамы, княгини Шаховской, и несколько дней спустя, на маскараде в Благо-

родном собрании[1] под новый, 1840 год[2]. ... В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких плечах возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь тотчас сознавал всякий... Внутренно Лермонтов, вероятно, скучал глубоко; он задыхался в тесной сфере, куда его втолкнула судьба. На бале Дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки... и т. д.».

(XIV, 80—81)

Воспоминания Тургенева служат прекрасным комментарием к стихотворению, написанному Лермонтовым 1 января 1840 года, «Как часто, пестрою толпою окружен...».

Тургенев уловил и запомнил все движения, все жесты любимого поэта и смог через несколько десятилетий

---

[1] Благородное собрание находилось на Невском проспекте, в доме 15.

[2] Тургенев ошибся. Он был на маскараде, вероятнее всего, в 1839 году *(XIV, 548)*. Место встречи также нуждается в уточнении. См.: Э. Г. Герштейн. Судьба Лермонтова. М., «Советский писатель», 1964, стр. 77—78.

так живо запечатлеть его образ, быть может, еще и потому, что в начале 40-х годов сам был под обаянием «известного рода байроновского жанра». П. В. Анненков, известный критик и близкий друг Тургенева, посвятивший рассказу о жизни Тургенева в 40—50-х годах несколько прекрасных страниц воспоминаний, отметил, что будущему писателю пришлось на протяжении многих лет «перевоспитывать» самого себя, чтобы «отделаться от множества привычек, полученных в начале своей карьеры, найти другой способ сноситься с людьми, чем тот, которому он следовал доселе»[1]. И. А. Гончаров, познакомившийся с Тургеневым почти десятилетие спустя, рассказывал, как в откровенные минуты Тургенев признавался, что в молодости «он с жадностью и завистью смотрел на тогдашних львов большого света, Столыпина (прозванного *Монго*) и поэта Лермонтова, когда ему случалось их встречать»[2].

В середине января 1840 года Тургенев снова уехал за границу. Он совершил большую и продолжительную поездку по Италии и Германии и в октябре прибыл в Берлин, чтобы прослушать там цикл лекций в университете.

В мае 1841 года Тургенев вернулся в Россию. С сентября он поселился в Москве, готовясь к магистерскому экзамену, который должен был открыть ему путь к профессуре. Однако надежды Тургенева не оправдались. После долгой переписки между деканом словесного отделения Московского университета И. И. Давыдовым, ректором М. Т. Каченовским и попечителем московского учебного округа графом С. Г. Строгановым Тургенев получил отказ, официально мотивированный тем, что в Московском университете уже пятнадцать лет фактически не существует кафедры философии. В деле С.-Петербургского уни-

---

[1] П. В. Анненков, стр. 379—380.

[2] И. А. Гончаров. «Необыкновенная история», стр. 8—9.

верситета значится: в начале 1842 года «кандидат С.-Петербургского университета Иван Тургенев просил начальство Московского университета подвергнуть его испытанию на степень магистра философии, но как в сем последнем не открыто еще кафедры философии, то просьба г. Тургенева не могла быть удовлетворена, и он с вышеозначенным намерением отправляется в С.-Петербург»[1].

В марте 1842 года Тургенев подал на имя ректора С.-Петербургского университета П. А. Плетнева официальное прошение о допуске его к магистерским экзаменам и в апреле — мае 1842 года успешно выдержал их.

Тургенев в это время поселился на квартире брата, на углу Графского переулка и Шестилавочной (Надеждинской) улицы, в доме Касовской (ныне улица Маяковского, дом 33, или Саперный переулок, дом 2). Вот как он описывал свою квартиру и занятия: «Брат мне отвел прекрасную комнату с камином и *тремя*, заметьте — тремя вольтеровскими креслами: а сколько подушек — уму непостижимо. Мы живем на уединенной улице — шуму не слышно ни в какое время дня — брата почти не бывает дома; я пью утром славный чай — с прекрасными кренделями — из больших чудесных английских чашек; у меня есть и лампа на столе. Словом, я блаженствую и с трепетным, тайным, восторженным удовольствием наслаждаюсь уединеньем — и работаю — много работаю» *(П I, 222)*.

Экзаменаторами Тургенева были профессора, лекции которых он слушал, будучи студентом. На первом устном экзамене (8 апреля 1842 года) по философии Тургенев отвечал на вопросы — «что есть философия, ее содержание; истина субъективная; изложение сущности философии

---

[1] Цит. по статье: А. Н. Егунов. Письменные ответы Тургенева на магистерском экзамене. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. II, стр. 87.

Платоновой; о методе философствования в разные времена», — и ответил «очень хорошо». Столь же успешно прошли и два других экзамена 1 и 4 мая. На экзамене по латинской словесности за перѐвод и «изъяснение» отрывка из элегии Тибула Тургенев получил «хорошо», а на экзамене по греческой словесности — «очень хорошо»; на этом экзамене магистрант должен был сделать перевод и «изъяснения» нескольких глав из «Истории Пелопонесской войны» Фукидида. Кроме того, Тургеневу были предложены темы для письменных ответов: «Показать внутренние причины беспрестанно возникающего пантеизма и привести его многообразные формы, данные в истории философии, к немногим видам»; «Что в философии римляне сделали сами и что они переняли у греков?» (и в дополнение к этому вопросу — «Что римляне в литературе заимствовали у греков?»); «Что достоверного может почерпнуть история из произведений поэтов?». Все ответы Тургенева удовлетворили экзаменаторов. Однако будущий писатель не представил диссертации и в мае 1842 года взял из университета свой аттестат кандидата.

Тургенев объяснял впоследствии свое охлаждение к карьере ученого так: «Тогда у меня бродили планы сделаться педагогом, профессором, ученым. Но вскоре я познакомился с Виссарионом Григорьевичем Белинским, с Иваном Ивановичем Панаевым, начал писать стихи, а затем прозу, и вся философия, а также мечты и планы о педагогике оставлены были в стороне: я всецело отдался *русской* литературе»[1]. Разумеется, встреча с Белинским и Панаевым способствовала развитию творческого дарования Тургенева, но не породила его. Тургенев в то время буквально жил в литературе, отрывая для нее вре-

[1] Z*** [Л. Н. Майков]. Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г. — «Русская старина», 1883, № 10, стр. 206.

мя от занятий философией, недосыпая ночей. Литература становилась главным делом его жизни. Поэтому он и не стал педагогом или ученым. К тому же Тургенев не был удовлетворен философией в том виде, в каком она преподавалась и была признана в Петербургском университете.

7 мая 1842 года Тургенев уехал из Петербурга. Почти два месяца он провел в тесном общении с семьей Бакуниных, сначала в их деревне Премухине под Москвой, а с июля — в Германии. В декабре 1842 года Тургенев возвратился в Петербург, намереваясь поселиться здесь постоянно. Вместе с братом он снял новую квартиру на Стремянной улице в доме Гусева (теперешний адрес — Стремянная улица, участок дома 21). Почти целый месяц Тургенев усиленно работал над запиской «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» и 7 января 1843 года подал на имя министра внутренних дел Л. А. Перовского прошение о получении права служить в этом министерстве. После долгих переговоров между Перовским и министром народного просвещения графом С. С. Уваровым 2 июня наконец было получено «высочайшее разрешение». 8 июля Тургенева зачислили в особую канцелярию министерства внутренних дел (ее начальником был известный писатель В. И. Даль) на должность чиновника по особым поручениям, а 29 июля — утвердили в чине коллежского секретаря.

Современники склонны были расценивать сам факт поступления Тургенева на службу как случайный в его биографии. Однако тщательное исследование документов неопровержимо доказывает, что служба будущего писателя в министерстве внутренних дел продиктована логикой развития его общественно-политических взглядов [1].

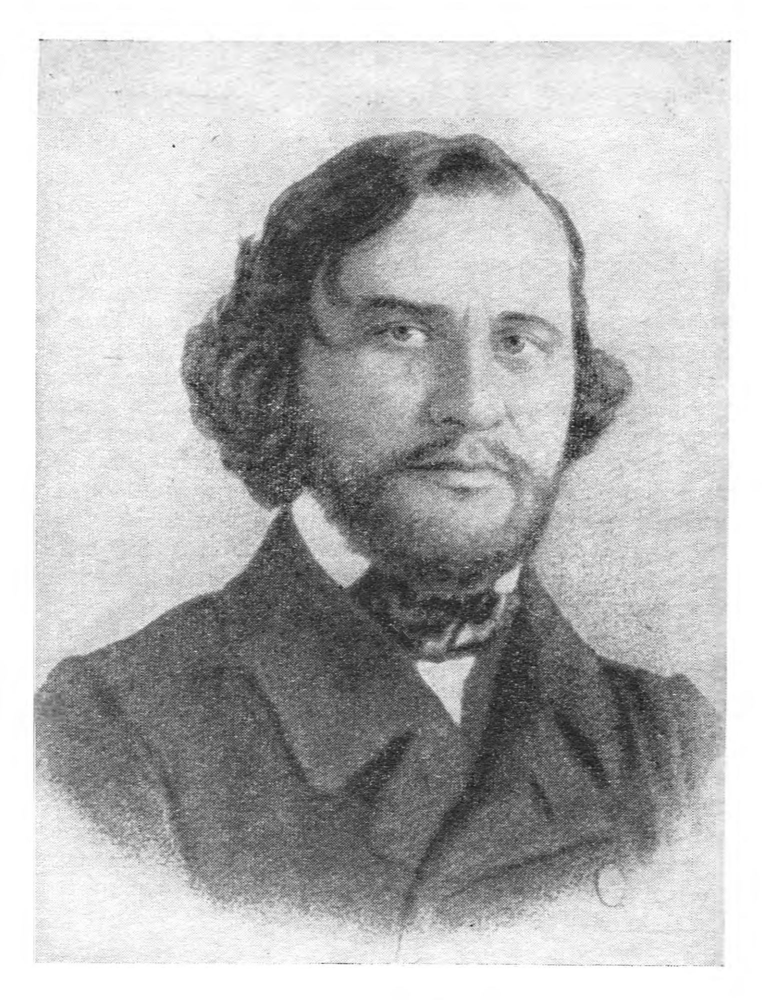
---

[1] «Уч. зап. Саратовского ун-та», т. VI, вып. филологический, 1957, стр. 172—183.

Решение поступить на службу Тургенев принял не без воздействия идей М. А. Бакунина, ратовавшего, как раз в пору наиболее близкого общения с Тургеневым в Германии в 1842 году, за активизацию всех демократических сил России и создание широкого антикрепостнического фронта. Служба в министерстве внутренних дел, казалось Тургеневу, открывала возможность помочь делу освобождения крестьян. В 30—40-х годах правительство Николая I под давлением крестьянского движения разрабатывало законопроекты, касавшиеся юридического и экономического положения крестьян. В 1842 году дела, связанные с подготовкой этих новых проектов, были переданы в министерство внутренних дел, возглавляемое Л. А. Перовским. Стоит отметить, что Перовский в молодости был членом подпольных декабристских организаций — «Военного общества» и «Союза благоденствия». В 1845 году он подал Николаю I докладную записку «Об уничтожении крепостного состояния в России». Материалы этой записки подготавливались в той особой канцелярии, где служил Тургенев.

С 1843 года деятельностью министерства Перовского усиленно интересовались передовые люди России, в том числе Белинский и Грановский. Последний, недовольный общественной атмосферой в Московском университете, даже думал перейти в ведомство Перовского. Словом, мысль о том, чтобы посильно служить делу освобождения крестьян там, где знания могли бы принести практическую пользу, приходила на ум не одному Тургеневу. Тургенев рассматривал свою будущую службу как важный политический акт, нисколько не противоречащий той «аннибаловской клятве», которую он дал себе в юности. В 1843 году (как, впрочем, и впоследствии) он верил в возможность и спасительность «революции сверху».

О службе Тургенева в министерстве внутренних дел

И. С. Тургенев С дагерротипа 40-х годов.

почти ничего не известно. Сообщения современников, крайне неточные и противоречивые, сходятся, однако, на одном: Тургенев довольно равнодушно относился к своим служебным обязанностям.

Недавно опубликованы выдержки из «Записок» А. В. Головнина[1], сослуживца Тургенева, а впоследствии — одного из деятельных поборников «реформ 60-х годов» и министра народного просвещения.

Эти «Записки» показывают, между прочим, какие дела рассматривались в канцелярии Даля. Туда попадали дела, которые министр хотел «вести под своим личным ближайшим наблюдением по их особенной важности или по которым желал иметь доклады, записки, отношения, писанные большим знатоком всех тонкостей русского языка, каковым являлся Даль»[2]. Это были дела о наказаниях, о сектантах, о «преобразовании губернских правлений», о земской полиции и т. д. Все они давали Тургеневу большой жизненный материал, говоривший о губительной силе крепостного права, и всё больше отдаляли его от ревностного исполнения служебных обязанностей.

Тургенев очень скоро разочаровался в службе. В феврале 1844 года он уехал в отпуск в Москву, где задержался «по болезни» более чем на два месяца. В феврале 1845 года он снова получил отпуск, из которого уже не возвратился на Фонтанку, в дом 57, где помещалось министерство внутренних дел (дом сохранился). 3 апреля 1845 года Тургенев подал просьбу об увольнении. И это несмотря на то, что, как сказано в аттестате, выданном Тургеневу 5 мая 1845 года за подписью Перовского, ничто не могло «препятствовать ему к получению в уста-

---

[1] В. А. Громов. Тургенев в «Записках» А. В. Головнина. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. III, стр. 216—220.

[2] Там же, стр. 218.

новленный срок знака отличия беспорочной службы», и он «аттестовался способным» к продолжению службы и «к повышению чина достойным» [1].

Тургенев очень редко вспоминал об этом периоде своей жизни. В составленной им автобиографии, например, сказано: «В 1841 году он вернулся в Россию, поступил в 1842 году в канцелярию министра внутренних дел под начальством В. И. Даля, служил очень плохо и неисправно, и в 1843 году вышел в отставку» *(XV, 207)*. Как видим, Тургенев даже хронологически неточен. Столь же бегло о своей службе он сказал в автобиографической повести «Пунин и Бабурин» (1874). Ее герой в 40-х годах служил «в Петербурге чиновником по министерству внутренних дел».

О разочаровании Тургенева в государственной службе говорят и другие его художественные произведения, которые в той или иной мере отразили его впечатления от Петербурга 40-х годов.

Реальные прототипы петербургских чиновников из пьес, рассказов и романов Тургенева не установлены. Однако общее отрицательное отношение писателя к бюрократическому миру достаточно ясно характеризует его настроение тех лет. Холодный расчет, карьеризм, высокомерие, эгоизм, черствость — вот основные черты столичных чиновников, появляющихся на страницах тургеневских произведений 40—50-х годов. Один из них — Павел Николаевич Елецкий, 32-летний коллежский советник из комедии «Нахлебник» (1848). «...Холоден, сух, неглуп, аккуратен...» *(II, 122)* — так говорит о нем автор. И в этой ремарке содержится как бы сводная характеристика деятелей столичной бюрократии. Таков не только Елецкий,

---

[1] И. С. Тургенев. Сочинения, т. XII. М.—Л., ГИХЛ, 1933, стр. 695.

но и Родион Карлович фон Фонк («Холостяк», 1849), 29-летний титулярный советник, близкий особе министра. «Холодное, сухое существо. Ограничен, наклонен к педантизму. Соблюдает всевозможные приличия. Человек, как говорится, с характером» *(II, 186)*, — говорит о нем Тургенев. С методическим расчетом фон Фонк разбивает жизнь «нерешительного, слабого, самолюбивого» своего сослуживца Вилицкого, внушив ему, что его невеста, «простая русская девушка», — человек «низшего круга», и, женившись на ней, Вилицкий испортит свою карьеру. Интересно, что действие этой комедии, как обозначено в черновом варианте, происходит в 1842 году. Чиновничья иерархия рождала тяжелые социальные проблемы, — например, такие, которые Тургенев показал в комедии «Холостяк». Служебное положение и связи позволяют фон Фонку почти открыто издеваться над «маленьким чиновником» Мошкиным и затем разрушить семейное счастье и Мошкина и Маши, живущей у него «на хлебах».

Петербургскими впечатлениями навеян и иронически нарисованный образ «коллежского советника и кавалера», занимающего «довольно важное место» в одном из министерств, Петра Михайловича Беневоленского («Татьяна Борисовна и ее племянник», 1847). Человек «добрейшего сердца», он «пылал бескорыстной страстью к искусству, и уж подлинно бескорыстной, потому что именно в искусстве г. Беневоленский, коли правду сказать, решительно ничего не смыслил» *(IV, 206)*.

Наиболее интересен в ряду представителей чиновного мира герой романа «Дворянское гнездо», Владимир Николаевич Паншин, молодой, образованный и преуспевающий петербургский чиновник. Хотя роман и написан в конце 50-х годов, в нем безусловно отразились «служебные впечатления» Тургенева: действие происходит в 1842 году, и Паншин, как и Тургенев в 40-х годах, слу-

жил в Петербурге «чиновником по особым поручениям в министерстве внутренних дел» *(VII, 133)*. Сын ловкого отставного штабс-ротмистра, «весь свой век тершегося между знатью», Паншин получил приличное светское воспитание. Он вышел из университета в звании действительного студента, но, поступив на службу, «познакомился с некоторыми знатными молодыми людьми и стал вхож в лучшие дома». Обходительный молодой человек и дилетант в искусствах, Паншин вскоре «прослыл одним из самых любезных и ловких молодых людей в Петербурге» и в 28 лет «был уже камер-юнкером и чин имел весьма изрядный» *(VII, 133—134)*. Тургенев создал образ бездушного и эгоистического карьериста, мечтающего «переделать» Россию «с высоты чиновничьего самосознания» *(VII, 232)*. Конечно, споры Паншина с Лаврецким и столь определенно осознанная писателем беспочвенность чиновного героя — всё это более связано с мировосприятием Тургенева не столько 40-х, сколько 50-х годов. Однако в 50-х годах Тургенев лишь глубже осознал то, что понял уже в середине 40-х, — о посильной помощи народу на службе в правительственных канцеляриях не могло быть и речи, даже если там готовились проекты крестьянской реформы. Паншины, а не Тургеневы нужны были государственному аппарату России.

Белинский заметил в те годы: «Петербург — центр правительства, город по преимуществу административный, бюрократический и официальный. Едва ли не целая треть народонаселения состоит из военных, и число штатских чиновников едва ли еще не превышает собою числа военных офицеров. В Петербурге всё служит, всё хлопочет о месте или об определении на службу. В Москве вы часто можете слышать вопрос: „Чем вы занимаетесь?" В Петербурге этот вопрос решительно заменен вопросом: „Где вы служите?" Слово „чиновник" в Петербурге такое же

типическое, как в Москве „барин“, „барыня“ и т. д. Чиновник — это туземец, истый гражданин Петербурга»[1].

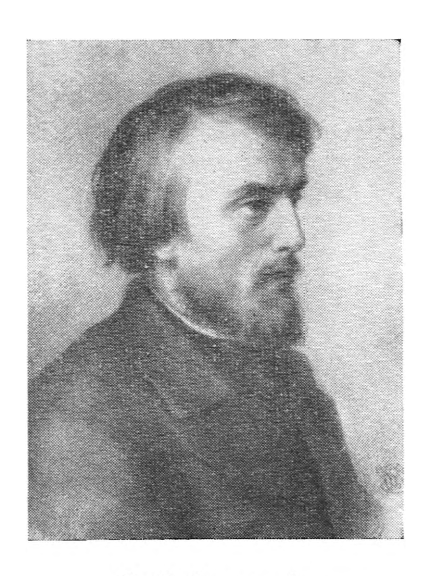
Странным, на первый взгляд, было отношение Тургенева к Петербургу 40-х годов. Он не скупился на горькие слова об этом городе, жаловался на общую гнетущую атмосферу его жизни. В Петербурге Тургенев видел воплощение общественных противоречий России, воплощение политической реакции, больно сказывавшейся и на положении прогрессивного русского писателя. В «Воспоминаниях о Белинском» Тургенев так говорил о своем нравственном состоянии, которое вызывал в нем в тот период Петербург: «На улице тебе попалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча; генерал, и даже не начальник, а так, просто генерал, оборвал или, что еще хуже, поощрил тебя... Бросишь вокруг себя мысленный взор: взяточничество процветает, крепостное право стоит как скала, казарма на первом плане, суда нет, носятся слухи о закрытии университетов, вскоре потом сведенных на трехсотенный комплект, поездки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно висит над всем так называемым ученым, литературным ведомством, а тут еще шипят и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общих интересов, страх и приниженность во всех, хоть рукой махни!» *(XIV, 50)*.

Но в то же время именно в Петербурге Тургенев проводил бо́льшую часть своего времени и не помышлял переселиться в какой-либо другой город России, даже когда ничто уже как будто не связывало его со столицей.

Такое двойственное чувство к Петербургу испытывал не только Тургенев. Если обратиться к свидетельствам его современников, то, оказывается, многие из них относились

[1] В. Г. Белинский, т. VIII, стр. 407—408.

к Петербургу так же, как Тургенев. И в этом, пожалуй, нет ничего странного и необычного. Петербург вызывал ненависть и в то же время был притягателен: его контрасты, его противоречия помогали осознать главные проблемы современности, давали постоянную пищу для размышлений. «Петербург был для меня страшною скалою, о которую больно стукнулось мое прекраснодушие, — писал Белинский в 1840 году. — Это было необходимо, и лишь бы после стало лучше, я буду благословлять судьбу, загнавшую меня на эти гнусные финские болота» [1].

В. Г. Белинский.
Рисунок И. А. Астафьева. 1881 год.

А в статье «Петербург и Москва» (1844) Белинский повторял: «Петербург имеет на некоторые натуры отрезвляющее свойство: сначала кажется вам, что от его атмосферы, словно листья с дерева, спадают с вас самые дорогие убеждения; но скоро замечаете вы, что то не убеждения, а мечты, порожденные праздною жизнию и решительным незнанием действительности, — и вы остаетесь, может быть, с тяжелою грустью, но в этой грусти так много святого, человеческого...» [2].

---

[1] В. Г. Белинский, т. XI, стр. 437.
[2] Там же, т. VIII, стр. 410.

Годы 1843—1847-й стали значительным этапом в биографии Тургенева. Они были для него своеобразной жизненной школой. Сказалось и то «отрезвляющее» влияние Петербурга, о котором писал Белинский, и некоторые обстоятельства его личной жизни.

В октябре 1843 года в Петербург приехала известная французская певица Полина Виардо-Гарсиа, сразу же завоевавшая горячие симпатии петербургской публики. «Виардо, артистка гениальная и тогда еще во цвете лет, решительно свела с ума весь Петербург, — писал историк петербургских театров А. И. Вольф. — Голос ее был чистейший меццо-сопрано, самого нежного тембра; она владела им, как достойная ученица своего отца, знаменитого некогда тенора Гарсиа. Вокальных трудностей для нее не существовало. Как актриса, она была дивно хороша в ролях трагических и комических. Являясь Дездемоною или Аминою («Сомнамбула»), она всех заставляла плакать; в «Севильском цирюльнике» очаровывала всех веселым, бойким, увлекательным исполнением роли Розины. В сцене с Фигаро, когда она передает ему письмо к Линдоро, комический ее талант выказался в полном блеске» [1].

«Севильский цирюльник» и был первой оперой, в которой 22 октября 1843 года участвовала П. Виардо, вместе с известными итальянскими певцами Рубини (Альмавива) и Тамбурини (Фигаро), а также — русским певцом О. Петровым (Дон Базилио). В октябре 1843 года опера Россини «Севильский цирюльник» шла еще два раза (27-го и 29 октября). На одном из этих представлений Тургенев впервые услышал П. Виардо. Он не только поддался всеобщему увлечению искусством актрисы, но попал под огромное обаяние ее личности. После первого же спектакля, на котором он слышал французскую певицу, Тур-

[1] А. И. Вольф. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года, ч. 1, СПб., 1877, стр. 106—107.

генев навсегда был покорен ею. 28 октября того же года он познакомился с мужем певицы — Луи Виардо, известным переводчиком, писателем, искусствоведом и страстным охотником. Вместе с ним Тургенев принимал участие в охотах в окрестностях Петербурга. Как охотника его впервые представили и П. Виардо. «Когда ее [П. Виардо] спрашивали об обстоятельствах ее первого знакомства с Тургеневым, — пишет первый издатель писем писателя к французским его друзьям Е. Гальперин-Каминский, — г-жа Виардо говорила с милой улыбкой: „Мне его представили со словами: это — молодой русский помещик, славный охотник, интересный собеседник и плохой поэт...“» [1].

Полина Виардо.
Литография К. Шмидта. 1840-е годы.

[1] «Русские ведомости», 1911, 23 августа.

Тургенев впоследствии вспоминал свою первую встречу с Полиной Виардо неоднократно. «Я ходил сегодня взглянуть на дом, где я впервые семь лет тому назад имел счастье говорить с Вами, — писал он, например, 1 (13) ноября 1850 года. — Дом этот находится на Невском, напротив Александринского театра; ваша квартира была на самом углу, — помните ли вы?» *(П I, 407)*.

Полина Виардо пела на петербургской сцене три сезона, и успех ее с каждым годом всё возрастал. Вокруг нее составился кружок почитателей ее таланта; среди них был неизменно и Тургенев. Его часто видели среди гостей П. Виардо, встречавшихся на ее квартире в так называемой Демидовской гостинице, на Невском проспекте (дом не сохранился; на его месте на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы стоит пятиэтажный дом позднейшей постройки — Невский проспект, дом 54).

Летом 1845 года Тургенев впервые посетил Куртавнель, усадьбу супругов Виардо в 50 километрах от Парижа. Поездки за границу теперь особенно привлекают его: семья Виардо становится для него вторым домом.

Между тем литературные интересы прочно связывают Тургенева с Россией, с Петербургом. В 40-х годах Тургенев окончательно формируется как писатель. Это совпало с укреплением в русской литературе школы социального реализма, так называемой натуральной школы. Сторонники ее отстаивали гоголевские принципы, теоретически разработанные и сформулированные В. Г. Белинским. Всестороннее изображение современной общественной жизни стало главной задачей этого литературного направления, последовательно развивавшего социальные, гоголевские традиции. Одной из основных тем «натуральной школы» стал быт больших городов с их социальными противоречиями и характерными сценами.

Тургенев активно приобщился к этому общественно-

Сенная площадь.
Литография 1840—1850-х годов.

литературному движению. Он задумал серию очерков о жизни «петербургских углов», о сумрачном городе, о пестром люде, населяющем его центральные улицы и отдаленные кварталы. Вот записанные им «сюжеты»:

«1) Галерную гавань или какую-нибудь отдаленную часть города.

2) Сенную со всеми подробностями. Из этого можно сделать статьи две или три.

3) Один из больших домов на Гороховой и т. д.

4) Физиономия Петербурга ночью (извозчики и т. д. Тут можно поместить разговор с извозчиком).

5) Толкучий рынок с продажей книг и т. д.

6) Апраксин двор и т. д.

7) Бег на Неве (разговор при этом).

8) Внутреннюю физиономию русских трактиров.

9) Какую-нибудь большую фабрику со множеством рабочих (песельники Жукова) и т. д.

10) О Невском проспекте, его посетителях, их физиономиях, об омнибусах, разговоры в них и т. д.» *(I, 454)*.

Бытовые зарисовки в духе «натуральной школы» составили содержание и пьесы «Безденежье» (1845) с ее характерным подзаголовком: «Сцены из петербургской жизни молодого дворянина». Эта комедия представляет собою ряд живо написанных сцен, рисующих жизнь дворянского недоросля Жазикова, пустого и ограниченного человека, погнавшегося за «веселой» жизнью в Петербурге. Весь идейный смысл комедии — в последней реплике крепостного слуги: «Прошло ты, золотое времечко! перевелось ты, дворянское племечко!» *(II, 75)*.

К 1845 году Тургенев всецело отдается литературе. Но и несостоявшееся профессорство, и разочарования в служебной деятельности оказались важными эпизодами в его духовном развитии. Более того, Тургенев считал, что такого рода «заблуждения» — характерная черта поколения, которому необходимо было пройти через них, чтобы встать на твердую почву действительности.

В статье о русском переводе «Фауста» Гёте он писал о том, что «каждый человек в молодости своей пережил эпоху „гениальности", восторженной самонадеянности». «Такая эпоха теорий, не условленных действительностью, ... необходимо повторяется в развитии каждого; но только тот из нас действительно заслуживает название человека, кто сумеет выйти из этого волшебного круга и пойти далее, вперед, к своей цели» *(I, 220—221)*. Эти слова написаны в 1844 году. Тургенев тогда уже обрел свою цель. В статье звучат важные автобиографические признания писателя, совсем еще молодого, но успевшего пройти какой-то значительный этап духовного развития. Вместе

с тем содержание статьи выходит далеко за пределы личной биографии. Она может считаться одним из первых манифестов русского реализма. В ней речь идет о конце целого периода русского (и не только русского) литературного развития, периода романтического — в самом широком смысле этого понятия.

Тургенев выступает против романтизма не только как литературного направления, но и как определенного типа мировоззрения, отношения к жизни, к человеку и обществу. Он считает, что романтизм, естественный в свое время как порождение протеста против «средневековых преданий, схоластики и вообще всякого авторитета», безнадежно устарел. Духовная жизнь человека романтического склада не может выйти за пределы его собственной личности. Всецело поглощенный собой, он становится безнадежным эгоистом. В душе, занятой личными сомнениями и недоумениями, неизбежно появляется мефистофельский скепсис, а Мефистофель — «бес людей одиноких и отвлеченных, людей, которых глубоко смущает какое-нибудь маленькое противоречие в их собственной жизни и которые с философическим равнодушием пройдут мимо целого семейства ремесленников, умирающих с голода» *(I, 229—230)*. Считая гётевского «Фауста» высшим воплощением романтизма, Тургенев указывает, что современное поколение «идет вперед, за другими, может быть, меньшими талантами, но сильнейшими характерами, к другой цели» *(I, 238)*. В этом заявлении — своего рода историческое объяснение и оправдание общественного поведения самого Тургенева. Отказавшись от служебной и ученой деятельности, он целиком посвящает себя литературе, хотя не вполне еще уверен в оригинальности и силе своего таланта. Говоря о задачах современной литературы, Тургенев писал в той же статье: «Повторяем: как поэт Гёте не имеет себе равного, но нам теперь нужны не одни поэты...

Мы (и то, к сожалению, еще не совсем) стали похожи на людей, которые при виде прекрасной картины, изображающей нищего, не могут любоваться «художественностью воспроизведения», но печально тревожатся мыслью о возможности нищих в наше время» *(I, 238)*. Итак, по мысли Тургенева, писатель должен заниматься социальными вопросами; в этом он видел, без сомнения, и свой личный долг литератора.

Так Тургенев решительно присоединился к литературно-политической борьбе против романтизма, которую вели в 40-е годы передовые мыслители России. Статья была написана в Петербурге и опубликована в февральском номере журнала «Отечественные записки» за 1845 год. Это было время наиболее тесного общения Тургенева с Белинским.

Влияние Белинского на Тургенева началось за много лет до их знакомства. «Вот в одно утро, — вспоминал Тургенев, — зашел ко мне студент-товарищ и с негодованием сообщил мне, что в кондитерской Беранже появился № „Телескопа" со статьей Белинского, в которой этот „критикан" осмеливался заносить руку на наш общий идол, на Бенедиктова. Я немедленно отправился к Беранже, прочел всю статью от доски до доски — и, разумеется, также воспылал негодованием. Но — странное дело! — и во время чтения и после, к собственному моему изумлению и даже досаде, что-то во мне невольно соглашалось с „критиканом", находило его доводы убедительными... неотразимыми. Я стыдился этого уже точно неожиданного, впечатления, я старался заглушить в себе этот внутренний голос; в кругу приятелей я с большей еще резкостью отзывался о самом Белинском и об его статье... Но в глубине души что-то продолжало шептать мне, что *он был прав*... Прошло несколько времени — и я уже не читал

Бенедиктова. ...Имя Белинского с тех пор уже не изгладилось из моей памяти...» *(XIV, 23—24)*.

Живя в Германии, Тургенев много слышал о Белинском от М. А. Бакунина, А. П. Ефремова, Н. В. Станкевича и Т. Н. Грановского и хотел с ним познакомиться.

Поселившись в Петербурге, Тургенев особенно настойчиво искал знакомства с Белинским и в конце 1842-го или начале 1843 года посетил его.

С ноября 1842-го по апрель 1846 года Белинский жил на углу Невского проспекта и Фонтанки, у Аничкова моста, в доме купца Лопатина (ныне Невский проспект, дом 68). В этом же доме жили также будущий издатель «Современника» И. И. Панаев и один из ближайших друзей Белинского и Тургенева Н. Н. Тютчев, переводчик, сотрудник журнала «Отечественные записки». До мая 1843 года здесь жил и редактор «Отечественных записок» А. А. Краевский. Сначала Белинский «занимал квартиру в нижнем этаже» — «невеселые, довольно сырые комнаты» *(XIV, 49)*. Но в мае 1843 года он переехал в квартиру Краевского.

Белинский писал Бакуниным 23 февраля 1843 года: «Недавно познакомился я с Тургеневым. Он был так добр, что сам изъявил желание на это знакомство. Нас свел Зиновьев[1], которого знает Варвара Александровна [сестра М. А. Бакунина]. Кажется, Тургенев хороший человек»[2]. Эта первая встреча с Белинским навсегда осталась в памяти Тургенева. В 1860 году он вспоминал: «Я увидел человека небольшого роста, сутуловатого, с неправильным, но замечательным и оригинальным лицом,

---

[1] П. В. Зиновьев — камер-юнкер, чиновник министерства финансов, знакомый Тургенева, Белинского, Герцена и многих других литераторов.

[2] В. Г. Белинский, т. XII, стр. 139.

с нависшими на лоб белокурыми волосами и с тем суровым и беспокойным выражением, которое так часто встречается у застенчивых и одиноких людей; он заговорил и закашлял в одно и то же время, попросил нас сесть и сам торопливо сел на диване, бегая глазами по полу и перебирая табакерку в маленьких и красивых ручках. Одет он был в старый, но опрятный байковый сюртук, и в комнате его замечались следы любви к чистоте и порядку. Беседа началась. Сначала Белинский говорил довольно много и скоро, но без одушевления, без улыбки, как-то криво приподнимая верхнюю губу, покрытую подстриженным усом; он выражался общими, принятыми в то время в литературном кругу местами, отозвался с пренебрежением о двух-трех известных лицах и изданиях, о которых и упоминать бы не стоило; но он понемногу оживился, поднял глаза, и всё лицо его преобразовалось. Прежнее суровое, почти болезненное выражение заменилось другим: открытым, оживленным и светлым; привлекательная улыбка заиграла на его губах и засветилась золотыми искорками в его голубых глазах, красоту которых я только тогда и заметил» *(XIV, 205—206)*.

Ко времени встречи с Тургеневым Белинский пережил важный поворот в своем духовном развитии: он решительно отказался от гегельянской идеи «примирения с действительностью», от оправдания исторически сложившихся форм общественного и государственного строя вплоть до самодержавного режима николаевской монархии. «Примирительная» теория отразилась в работах Белинского конца 1839-го — начала 1840 года — в рецензиях на «Бородинскую годовщину» Жуковского и на «Очерки Бородинского сражения» Ф. Глинки, в статье «Менцель, критик Гёте». Теперь с «примирением» было покончено; в разговоре с Тургеневым Белинский сам заговорил о своих прежних статьях, «и, с безжалостной, преувеличенной резкостью

осудив их, как дело прошлое и темное, беззастенчиво высказал перелом, совершившийся в его убеждениях. ...Белинский встал с дивана и начал расхаживать по комнате, понюхивая табачок, останавливаясь, громко смеясь каждому мало-мальски острому слову, своему и чужому» *(XIV, 206)*.

Тургенев был хорошо известен Белинскому, так как его стихи уже печатались в «Отечественных записках»; кроме того, имя его, вероятно, не раз возникало в разговорах критика с Бакуниным. Через месяц дружеские отношения Тургенева с Белинским установились окончательно. Писатель часто посещает его. Их разговоры касаются философских и политических тем; имя Тургенева постоянно мелькает на страницах писем Белинского. 31 марта 1843 года он пишет В. П. Боткину: «Тургенев очень хороший человек, и я легко сближаюсь с ним. В нем есть злость и желчь, и юмор, он глубоко понимает Москву и так воспроизводит ее, что я пьянею от удовольствия. А как он воспроизводит Аксакова с его кадыком и идеализмом» [1]. 3 апреля 1843 года ему же: «Я несколько сблизился с Тургеневым. Это человек необыкновенно умный, да и вообще хороший человек. Беседа и споры с ним отводили мне душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всем соглашаются с тобою, или если противоречат, то не доказательствами, а чувствами и инстинктом, — и отрадно встретить человека, самобытное и характерное мнение которого, сшибаясь с твоим, извлекает искры. У Тургенева много юмору. ...Вообще Русь он понимает. Во всех его суждениях виден характер и действительность». А 20 апреля 1843 года Белинский писал уже самому Тургеневу, уезжавшему в Москву: «Очень жалею, что не удалось в последний раз побеседовать с Вами. Ваша беседа всегда отводила мне

---

[1] В. Г. Белинский, т. XII, стр. 151.

душу, и, лишаясь ее на некоторое время, я тем живее чувствую ее цену»[1].

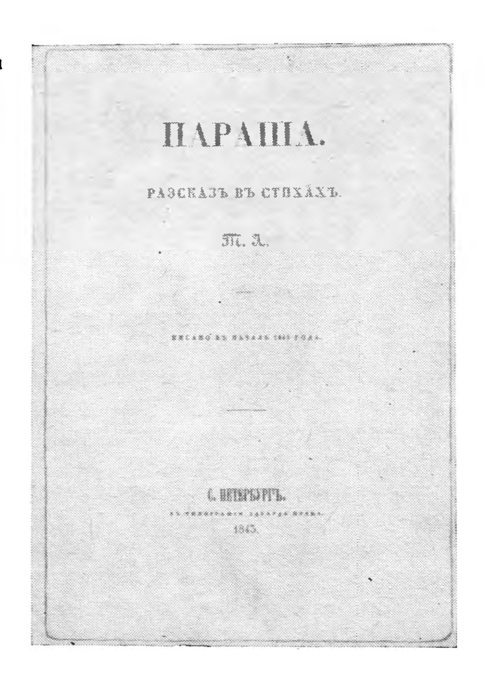
В апреле 1843 года Тургенев зашел к Белинскому, когда того не было дома, и оставил ему написанную в начале года и только что вышедшую поэму «Параша», подписанную Т. Л. (Тургенев-Лутовинов). Сочувственный отзыв Белинского о «Параше», появившийся вскоре, необычайно взволновал автора и оказал решающее влияние на его судьбу, укрепив в нем веру в свое писательское дарование. Позднее Тургенев даже склонен был, вопреки фактам, считать началом своего знакомства с Белинским лето 1843 года. «Возвратившись в Петербург, — писал он в „Воспоминаниях о Белинском", — я, разумеется, отправился к Белинскому, и знакомство наше началось». Во всяком случае, начало своей литературной деятельности Тургенев всегда относил к 1843 году. «Около пасхи 1843 года в Петербурге произошло событие и само по себе крайне незначительное и давным-давно поглощенное всеобщим забвением, — вспоминал он. — А именно: появилась небольшая поэма некоего Т. Л., под названием „Параша". Этот Т. Л. был я; этою поэмой я вступил на литературное поприще» *(XIV, 24, 7)*.

Белинский расценил «Парашу» как «один из ... прекрасных снов на минуту проснувшейся русской поэзии, какие давно уже не виделись ей». Основное содержание поэмы — развенчание романтического героя, низведение его с эффектных высот, на которых он стоит в своем собственном мнении, — особенно импонировало критику. «Это один из тех великих-маленьких людей, — подчеркивал он, — которых теперь так много развелось и которые улыбкою презрения и насмешки прикрывают тощее сердце,

---

[1] В. Г. Белинский, т. XII, стр. 154, 157.

Титульный лист поэмы «Параша».

ПАРАША.

РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Т. Л.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

праздный ум и посредственность своей натуры»[1]. Судьба героя тургеневской поэмы была объяснена в статье Белинского социальными условиями русской жизни. Критик говорил о том, что крепостничество и деспотический гнет не дают простора для развития широких общественных интересов и тем самым формируют маленьких людей с большими претензиями и напускным скепсисом. Такое истолкование тургеневской поэмы должно было показать автору, что его талант может служить разъяснению важных общественных вопросов, которые стоят перед Россией.

[1] В. Г. Белинский, т. VII, стр. 66, 71.

Общественные и литературные взгляды Тургенева определились в 40-х годах в основном под влиянием Белинского, в атмосфере бесед и споров с ним.

Особенно часто, почти ежедневно, встречались они летом 1844 года. Белинский жил тогда на даче в Лесном, близ Парголова, излюбленного места отдыха литераторов и артистов. Здесь часто жили на даче Панаевы и Некрасов (у них бывали Ф. Лист и А. Дюма-отец). «Я также нанял дачу в 1-м Парголове, — вспоминал Тургенев, — и до самой осени почти каждый день посещал Белинского. Я полюбил его искренно и глубоко; он благоволил ко мне» *(XIV, 24)*. Тургенев так описывает дачу Белинского: «Он занимал одну из тех сбитых из барочных досок и оклеенных грубыми пестрыми обоями клеток, которые в Петербурге называются дачами; состоял при этой даче какой-то неприятный, всем доступный садишко, где растения не могли — да, кажется, и не хотели дать тени; сообщения с Петербургом были затруднительны — в ближайшей лавочке не находилось ничего, кроме дурного чаю и такого же сахару, — словом, удобств никаких!» *(XIV, 208)*.

На глазах Тургенева происходила никогда не прекращавшаяся внутренняя работа Белинского, которая была для него не спокойным умственным занятием кабинетного философа, а страстью и мучением. «Сомнения его именно мучили его, лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его; он не позволял себе забыться и не знал усталости; он денно и нощно бился над разрешением вопросов, которые сам задавал себе» *(XIV, 28)* — так передает Тургенев свои впечатления о Белинском.

Белинский относился к Тургеневу с глубоким интересом. Он высоко ценил разговоры и споры с молодым писателем, который, кстати сказать, был одним из лучших в России знатоков Гегеля. «...Белинский, — вспоминал

Тургенев, — расспрашивал меня, слушал, возражал, развивал свои мысли — и всё это он делал с какой-то алчной жадностью, с каким-то стремительным домогательством истины» *(XIV, 208)*. Тургенева мучили те же вопросы. Вместе с Белинским он проверял свои выводы и вырабатывал тот реальный взгляд на мир и общество, который вскоре позволил ему стать одним из крупнейших писателей-реалистов России. Тургенев ясно чувствовал, что Белинский обладал «замечательным качеством» — «пониманием того, что именно стоит на очереди, что требует немедленного разрешения, в чем сказывается „злоба дня"» *(XIV, 34)*. Правда, в 1844 году споры Белинского с Тургеневым еще носили несколько отвлеченный, философский характер. «Мы еще верили тогда в действительность и важность философических и метафизических выводов», — вспоминал Тургенев, но тут же пояснял: «хотя ни он, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто, на немецкий манер... Впрочем, мы тогда в философии искали всего на свете, кроме чистого мышления» *(XIV, 29)*. В философии, в выводах Гегеля и Фейербаха они искали ответы на чисто русские вопросы, связанные с разрешением политических и социальных проблем, которые стояли перед Россией 40-х годов.

В годы, когда началась дружба Тургенева с Белинским, в самом разгаре была полемика между западниками и славянофилами. Славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков и другие) противопоставляли Россию западному миру. Историческая роль Запада, считали они, уже кончена, и Россия не должна ни в чем ему следовать. Общественная и государственная жизнь Европы сложилась в результате борьбы сословий, в то время как русская жизнь, по их понятиям, шла всегда мирным путем, без революционных потрясений, на основе единения народа и правительства. Русский народ, богобоязненный и

патриархальный, не стремился и не стремится к политической власти, он передоверяет ее правительству, оставляя себе только силу мнения, которое правительство должно выслушивать и уважать. Так было, считали славянофилы, до Петра I, до тех пор, пока он своими реформами не нарушил единение русской «земли» и власти и не перенял от Запада чуждые русскому народу порядки и обычаи. Возвратиться к патриархальным началам народной жизни и обеспечить «самобытное» развитие России — в этом славянофилы видели насущную задачу современности, к этому они призывали мыслящих русских людей.

Реакционная утопичность славянофильского учения совершенно очевидна. Но в деятельности славянофилов были и такие стороны, которые вызывали уважение даже у противников и навлекали на славянофилов неудовольствие властей. Так, славянофилы осуждали крепостное право, выступали за свободу слова и печати, они резко критиковали бюрократический аппарат николаевской монархии, низкопоклонство перед властью, полицейский и судебный произвол. Наконец, борьба славянофилов против рабского подражания всему западному, их интерес к изучению народной старины и народной поэзии — всё это также имело положительное значение.

Признавая эти заслуги славянофилов, их противники, западники, решительно выступали против самой основы славянофильства — против умиления патриархальностью, против слащавой идеализации старины, против стремления искусственно задержать общественное развитие. Они боролись за европеизацию России, за ее приобщение к передовым социальным идеям Запада, за освобождение крестьян и обновление всего общественного строя. При этом в западничестве уже в 40-х годах наметились две тенденции — революционно-демократическая, поддерживаемая В. Г. Белинским, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, и ли-

беральная, приверженцами которой были П. В. Анненков, В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин и многие другие.

Старая и новая русские столицы — Москва и Петербург — стали тогда своего рода олицетворением двух противостоящих идейных направлений общественной мысли — славянофильства и западничества. Известная статья Белинского «Петербург и Москва» (1844) продиктована, в какой-то мере, полемикой между западниками и славянофилами: противопоставление европеизированного Петербурга старозаветной Москве было направлено против славянофильского консерватизма и идеализации патриархальности.

Тургенев разделял основные идеи статей Белинского, и сам принял участие в этой полемике. «Да, русская старина нам дорогá, дороже, чем думают иные, — писал он в статье 1846 года о драме С. А. Гедеонова «Смерть Ляпунова», отвечая на обвинения со стороны славянофилов в недостаточном «патриотизме». — Мы стараемся понять ее [старину] ясно и просто; мы не превращаем ее в систему, не втягиваем в полемику; мы ее любим не фантастически вычурною, старческою любовью: мы изучаем ее в живой связи с действительностью, с нашим настоящим и нашим будущим, которое совсем не так оторвано от нашего прошедшего, как опять-таки думают иные» *(I, 271)*.

Тургенев всегда воспринимал Белинского прежде всего как последовательного противника славянофильства. В «Воспоминаниях о Белинском» он создал образ борца против патриархальности, застоя и крепостного права [1], всю жизнь выступавшего против антизападнической

[1] Подобный характер носят и воспоминания о Белинском, написанные Анненковым (Замечательное десятилетие. 1838—1848. — В кн.: П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960).

теории. «К одной лишь московской партии, к славянофилам, он всю жизнь относился враждебно: очень они уже шли вразрез всему тому, что он любил и во что он верил» *(XIV, 53)*, — писал Тургенев.

В 40-х годах, в период дружбы Белинского с Тургеневым, противоречия между революционным и либеральным западничеством еще не были антагонистическими. Белинского, Герцена, Анненкова, Боткина, Тургенева объединяла общность борьбы против крепостного права. Непримиримое различие между двумя группами западников обнаружилось позднее, в конце 50-х годов. Оно выразилось в прямых идейных расхождениях Тургенева с Герценом и истинными наследниками Белинского — революционерами-демократами 60-х годов.

Встречи с Белинским укрепили Тургенева в мысли, что для него в России единственно полезный род деятельности — литература, которая должна служить разрешению злободневных социальных вопросов. Поэтому нет ничего удивительного в большой творческой активности Тургенева в период его общения с Белинским. Писатель отдает на суд критика свои произведения, делится с ним творческими замыслами. В Парголове в 1844 году Тургенев написал поэмы «Разговор» и «Поп», стихотворение «Толпа» (посвящено Белинскому), задумал драму «Две сестры». Идейный манифест Тургенева тех лет — рецензия на русский перевод «Фауста» Гёте — безусловно навеян также разговорами и спорами с Белинским.

Творческое общение Тургенева и Белинского в последующие годы не ослабевает. Тургенев постоянно встречается с критиком, и их беседы порой перерастают в споры о важнейших проблемах русской литературы и общественной жизни России. «Я часто ходил к нему после обеда отводить душу», — вспоминал Тургенев и далее уточнял: «Ну, вот и придешь на квартиру Белинского,

придет другой, третий приятель, затеется разговор, и легче станет; предметы разговоров были большей частью нецензурного (в тогдашнем смысле) свойства, но собственно политических прений не происходило: бесполезность их слишком явно била в глаза всякому. Общий колорит наших бесед был философско-литературный, критическо-эстетический и, пожалуй, социальный, редко исторический. Иногда выходило очень интересно и даже сильно; иногда несколько поверхностно и легковесно» *(XIV, 49, 50)*. Сам Белинский вспоминал после отъезда Тургенева за границу о таких разговорах и писал ему 19 февраля 1847 года: «Когда Вы собирались в путь, я знал вперед, чего лишаюсь в Вас, но когда Вы уехали, я увидел, что потерял в Вас больше, нежели сколько думал, и что Ваши набеги на мою квартиру за час перед обедом или часа на два после обеда, в ожидании начала театра, были *одно*, что давало мне жизнь» [1].

К середине 40-х годов Тургенев под влиянием Белинского окончательно перешел на позиции социального реализма. Об этом, в первую очередь, свидетельствуют произведения писателя тех лет, получившие высокое признание критики. Не случайно Белинский содействовал их опубликованию на страницах «Отечественных записок», где сотрудничал сам. С декабря 1843 года в этом журнале стали появляться и литературно-критические статьи Тургенева, вдохновленные идеями реалистической эстетики Белинского и обращенные против романтизма как мировоззрения и как нормы поведения современного человека. Те же идеи и настроения сказались и в его художественных произведениях.

В 1844 году появилось первое прозаическое произведение Тургенева — рассказ «Андрей Колосов», где образ

[1] В. Г. Белинский, т. XII, стр. 333—334.

главного героя построен как прямая антитеза романтическому типу. Человек «с ясным, простым взглядом на жизнь», Андрей Колосов расстается с женщиной, некогда им любимой, без романтических возгласов и напускных терзаний, без «мелких хороших чувств: сожаления и раскаяния».

В другом произведении, близком к «Андрею Колосову» по времени написания и по заглавию, в стихотворном рассказе «Андрей» (1845) речь идет о человеке такого же склада, который, однако, раз полюбив, сохраняет свою любовь на всю жизнь, и в этой своей верности он остается таким же естественным, честным и простым, каким был Андрей Колосов при ином повороте судьбы.

В душевном мире Кистера, героя рассказа «Бретёр» (1846), Тургенев опять-таки ценит выше всего «откровенное, непроизвольное, то есть доброе проявление страсти», недоступное человеку, воспитанному на романтических чувствах, и прежде всего на чувстве «презрения» к людям, столь обычном у романтиков. Антагонист Кистера, армейский бретёр Лучков, наделенный всеми внешними приметами модного романтизма, «презирает» именно то, «в чем судьба отказала ему». «Другого презрения, — добавляет автор, — люди вообще, кажется, не знают». Противоположность двух типов, романтического и «естественного», доходит в этом рассказе до полной непримиримости, приводящей к кровавой развязке.

Подобную ситуацию повторяет Тургенев и в «Трех портретах» (1846), где другой романтический бретёр, Лучинов, становится убийцей простодушного и доброго Рогачева. Человек романтического склада может быть мелок и пошл, как Лучков, он может быть эффектен, как Лучинов, но в любом случае он, в изображении Тургенева, злой эгоист, поглощенный своей личностью и своими страстями. Время требует других героев.

Мыслящие люди, считал Тургенев, должны поменьше заниматься «маленькими противоречиями в собственной жизни» и обратиться к противоречиям в жизни человечества и общества, к вопросам и задачам социальным.

Гоголь и его школа сделались, благодаря Белинскому, в общественном сознании людей 40-х годов знаменем социальности. В 1845 году Тургенев написал в духе гоголевского направления «физиологический очерк» в стихах «Помещик». Здесь ирония автора направлена не только и не столько на «великих-маленьких людей», сколько на их низменное окружение, воплощенное в образе помещика, обывателя и невежды, точно сошедшего со страниц «Мертвых душ». Беглыми штрихами нарисован здесь и другой, светлый образ. Это девушка-подросток, «ребенок робкий и немой», которому, по мысли поэта, впоследствии суждено вступить в борьбу со средой «невежд». И автор благословляет юную героиню на эту борьбу, быть может даже непосильную.

Белинский восторженно встретил этот стихотворный очерк Тургенева. «„Помещик" г. Тургенева, — писал он, — легкая, живая, блестящая импровизация, исполненная ума, иронии, остроумия и грации». И далее многозначительно добавил: «Кажется, здесь талант г. Тургенева нашел свой истинный род, и в этом роде он неподражаем» [1]. Белинского привлекало в «Помещике» то, что Тургенев следовал гоголевскому реалистическому принципу — методу изображения не отдельных выдающихся героев, а окружающей их социальной среды. Вскоре с особенным энтузиазмом Белинский заговорил об истинном пути Тургенева в связи с «Хорем и Калинычем», первым рассказом из будущей знаменитой книги «Записки охотника».

Обращение писателя к крестьянской теме было вполне

---

[1] В. Г. Белинский, т. IX, стр. 567.

естественно. Понятие социальной среды не исчерпывалось невеждами-помещиками; оно включало в себя и тех голодных ремесленников и нищих, о которых писал Тургенев в рецензии на «Фауста», и, конечно, прежде всего, — крестьян. В «Записках охотника» Тургенев выступил уже как прямой соратник Белинского. В 1846—1847 годах он принимает активное участие в попытках Белинского создать единый фронт русской демократической литературы и журналистики, при его посредстве сближается с группой передовых русских писателей (Н. А. Некрасовым, И. И. Панаевым, Д. В. Григоровичем, Ф. М. Достоевским и др.) и затем становится одним из организаторов журнала «Современник», которому суждено было сыграть огромную роль в истории русской общественности.

Петербургский кружок молодых литераторов возник и укрепился вскоре после переезда Белинского в столицу. «Около Белинского в Петербурге составлялся мало-помалу небольшой кружок из людей, высоко ценивших его как писателя и глубоко уважавших его как человека, — вспоминал И. И. Панаев. — К этому кружку принадлежали между прочим: П. В. Анненков, [К. Д.] Кавелин (переехавший в Петербург), А. А. Комаров, М. А. Языков, И. И. Маслов[1], Н. Н. Тютчев и другие; вскоре к ним

---

[1] К. Д. Кавелин (1818—1885) — публицист, историк и юрист, в 1844—1848 годах придерживался либеральных убеждений; позднее стал реакционером. А. А. Комаров (ум. в 1874 году) — преподаватель словесности в петербургских военно-учебных заведениях; в 40-х годах Белинский часто бывал у Комарова, который познакомил критика с Гоголем. М. А. Языков (1811—1885) — товарищ И. И. Панаева и один из ближайших друзей Белинского и Тургенева; был близок к кругу «Отечественных записок», а затем «Современника». И. И. Маслов (1817—1891) — в 40-х годах секретарь коменданта Петропавловской крепости генерала Скобелева; впоследствии — управляющий московской удельной конторой, один из ближайших друзей Тургенева.

присоединились Некрасов и Тургенев и позже Ф. М. Достоевский и Гончаров. ...Из Москвы часто приезжали В. П. Боткин, Искандер [А. И. Герцен] и Огарев»; «Кружок, в котором жил Белинский, был тесно сплочен и сохранился во всей чистоте до самой его смерти. Он поддерживался силою его духа и убеждений» [1].

За этими скупыми строками скрывается факт огромной общественной важности. В первой половине 40-х годов в Петербурге происходило объединение передовых писательских сил, вскоре заявивших о себе на страницах петербургских сборников Некрасова и журнала «Современник». Тургенев занял среди них значительное место.

Современники отмечали, впрочем, что первое знакомство с Тургеневым, уже известным поэтом, произвело в кружке петербургских литераторов довольно неприятное впечатление. Одетый по последней моде, «с лорнетом в глазу, джентельменскими манерами» [2], «с презрением к окружающему миру, с заносчивым словом и романтическим преувеличением кой-каких ощущений и малого своего опыта» [3], Тургенев, по единодушному впечатлению своих новых приятелей, не располагал к близкому с ним знакомству. Впрочем, это первое неприятное впечатление скоро рассеялось. В Тургеневе увидели блестящего и образованного собеседника, хорошо знакомого с иностранными литературами, с философией, прекрасного рассказчика.

С писателями, собиравшимися у Белинского и на «субботах» Панаева в 1843—1847 годах у Тургенева сложились различные, иногда очень сложные отношения.

Раньше всех он познакомился с Некрасовым, который вошел в круг петербургских друзей Белинского в 1842 году.

---

[1] И. И. Панаев, стр. 241, 296.
[2] Там же, стр. 250.
[3] П. В. Анненков, стр. 380.

Поэт нередко читал свои стихотворения на квартире Белинского, и Тургенев присутствовал при этом. Об одном из таких чтений вспоминал впоследствии сам Некрасов: «Сижу дома, работаю. Прибегают от Белинского. Иду туда. Впервые встречаю Тургенева. Читаю ему „Родину". Он в восторге. „Я много писал стихов, но так написать не могу, — сказал Тургенев, — мне нравятся и мысли, и стих"»[1]. В 1845—1847 годах Тургенев еще больше сблизился с Некрасовым. Этому способствовало издание «Современника».

Через Белинского Тургенев близко познакомился и с И. А. Гончаровым[2]. В 1846 году Гончаров читал у Белинского несколько вечеров подряд свой роман «Обыкновенная история». Тургенева тогда не было в Петербурге, но, вернувшись к концу года в столицу, он встретил среди членов кружка нового — по всеобщему признанию, необычайно талантливого — писателя. Гончаров подробно описал свою первую встречу с Тургеневым, набросав портрет довольно несимпатичного позёра[3]. Позже других вошедший в петербургский кружок Белинского, Гончаров не успел понять, что при всей внешней «манерности» молодого Тургенева, внутренняя сущность его была совсем иная и что сердце у него «предоброе и премягкое»[4].

В 1846 году Тургенев познакомился и с Д. В. Григоровичем, который к тому времени уже печатался в альманахах Некрасова. Один из рассказов Григоровича — «Штука полотна» — появился тогда в сборнике «Первое апреля». «Я шел по Невскому с Некрасовым, — вспоминал Григорович, — нас догнал высокий господин смеющегося

---

[1] Н. А. Некрасов, т. XII, стр. 13.

[2] Тургенев встречал Гончарова еще в 30-х годах в известном литературном салоне Майковых.

[3] «И. А. Гончаров. Необыкновенная история», стр. 7—9.

[4] И. И. Панаев, стр. 250.

вида и тотчас же начал трунить над изданием „Первого апреля", особенно подымая на смех рассказ „Штука полотна". Некрасов указал на меня, как на сочинителя рассказа. Тургенев удивленно взглянул на меня, рассеянно пожал мне руку и продолжал смеяться над книжкой»[1]. Вскоре, однако, отношение Тургенева к Григоровичу переменилось. В декабрьской книжке «Отечественных записок» появилась повесть Григоровича «Деревня», «по времени *первая* попытка сближения нашей литературы с народной жизнью», как писал о ней Тургенев.

Ф. М. Достоевский.
Рисунок К. А. Трутовского. 1847 год.

И первый, кто сумел в «Деревне» Григоровича за «языком несколько изысканным, не без сентиментальности» уловить главное — «стремление к реальному воспроизведению крестьянского быта», — был Белинский. «...Белинский, прочтя повесть г-на Григоровича, — вспоминал Тургенев, — не только нашел ее весьма замечательной, но немедленно определил ее значение и предсказал то движение, тот поворот, которые вскоре потом произошли в нашей словесности» (*XIV, 33*). Для Тургенева высказывания Белинского о «Деревне» Григоровича имели в то время особый смысл:

---

[1] Д. В. Григорович, стр. 125.

он сам думал тогда о «сближении литературы с народной жизнью»: «Хорь и Калиныч» написан как раз в ту пору.

Сложными были уже в 40-х годах отношения Тургенева с Ф. М. Достоевским. Писатели познакомились в начале ноября 1845 года. Первоначально казалось, что знакомство Тургенева с Достоевским перерастет в прочную дружбу. В мае 1845 года Белинский восторженно приветствовал первую повесть Достоевского «Бедные люди»; Тургенев в это время был за границей. Возвратившись в ноябре того же года на родину, Тургенев сразу же сблизился с Достоевским, вполне разделяя восторг своих петербургских друзей. 16 ноября 1845 года Достоевский писал брату: «На днях воротился из Парижа поэт Тургенев (ты верно слыхал) и с первого раза привязался ко мне такою привязанностию, такою дружбой, что Белинский объясняет ее тем, что Тургенев влюбился в меня, Но, брат, что это за человек? Я тоже едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, 25 лет, — я не знаю, в чем природа отказала ему? Наконец: характер неистощимо-прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе. Прочти его повесть в „От. Записк.“ „Андрей Колосов“ — это он сам, хотя и не думал тут себя выставлять» [1]. Однако приблизительно через год началось охлаждение Белинского и всего петербургского кружка к Достоевскому. Непосредственным поводом к этому послужила повесть «Двойник», которая не встретила у Белинского столь безоговорочного признания, как «Бедные люди».

В первых числах декабря 1845 года Достоевский по просьбе Белинского читал у него начало этой повести. На вечере был и Тургенев. Достоевский так рассказывал об этом чтении: «На вечере, помню, был Иван Сергеевич

[1] Ф. М. Достоевский. Письма, т. I. М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 84.

Тургенев, прослушал лишь половину того, что я прочел, похвалил и уехал, очень куда-то спешил. Три или четыре главы, которые я прочел, понравились Белинскому чрезвычайно (хотя и не стоили того). Но Белинский не знал конца повести и находился под обаянием „Бедных людей"»[1]. Критик высоко оценил новую повесть Достоевского, но в то же время был недоволен ее фантастическим колоритом, не подходившим к реалистическому стилю произведения. Согласны с Белинским были и его петербургские друзья.

Это постепенно повлекло за собой отчуждение от них Достоевского. Несмотря на сдержанную оценку «Двойника», Достоевский держался самоуверенно. Это воспринималось как неоправданная претензия и послужило поводом к несправедливым насмешкам и ироническим выпадам против него. К сожалению, больше всего «попадало» Достоевскому именно от склонного к иронии Тургенева.

В кружке Белинского возникла дружба Тургенева с критиком П. В. Анненковым, с публицистом и критиком В. П. Боткиным, — дружба, впоследствии ничем не омраченная и скрепленная общностью общественно-политических взглядов: все трое были либералами и принадлежали к западникам. Политическое поправение Боткина в 60-х годах не сказалось на его отношениях с Тургеневым. И Боткин и Анненков на протяжении многих лет были ближайшими «литературными советниками» писателя.

Холодными оставались в 40-х годах отношения Тургенева и Герцена, завязавшиеся в начале 1842 года в Москве. В кружке Белинского Тургенев и Герцен виделись лишь во время кратких приездов последнего в Петербург. Их дружба началась позже, во время французской революции 1848 года, свидетелями которой были они оба.

[1] «Белинский в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1962, стр. 559.

А. И. Герцен.
Рисунок К. А. Горбунова. 1845 год.

Таков был петербургский кружок Белинского, уже в 40-х годах заявивший о себе как о новом литературном явлении.

В первой половине 1845 года один за другим появляются два выпуска сборников «Физиология Петербурга», изданных Н. А. Некрасовым при ближайшем участии Белинского в качестве редактора и сотрудника (в одном из них была опубликована статья Белинского «Петербург и Москва»). «Цель этих статей, — писал Белинский о «Физиологии Петербурга», — познакомить с Петербургом читателей провинциальных и, может быть, еще более читателей петербургских» [1]. Всестороннее художественное «исследование» жизни петербургских «углов» давало возможность судить о современных проблемах России, обращало внимание на судьбу «маленького человека», «ремесленника, умирающего с голоду». Вскоре в число авторов литературных альманахов Некрасова и Белинского вошел и Тургенев.

В том же 1845 году, когда вторая часть «Физиологии Петербурга» еще ждала цензурного разрешения, Некрасов задумал издание нового сборника. Он пригласил участво-

[1] В. Г. Белинский, т. IX, стр. 217.

вать в сборнике и Тургенева, обратившись к нему с просьбой предоставить в распоряжение редактора только что написанную поэму «Помещик». Зная о близком участии Белинского в сборнике Некрасова, Тургенев писал критику 28 марта 1845 года: «Некрасов просит меня через брата отдать ему по обещанию «Помещика» и требует ответа. Я всё это дело предоставляю совершенно на Ваше благоусмотрение, хотя не могу сказать, чтобы мне хотелось напечатать эту вещь отдельно; мне кажется даже, что она совсем не годится для отдельного напечатания» *(П I, 241)*.

Н. А. Некрасов.
Фотография. Конец 1860-х годов.

Ответ Белинского, видимо, был положительным. Поэма «Помещик» вместе с повестью «Три портрета» и стихотворными переводами из Байрона («Тьма») и Гёте («Римская элегия. XII») в конце января 1846 года были напечатаны в «Петербургском сборнике» Некрасова. Рядом с произведениями Тургенева в сборнике были помещены произведения и других молодых сторонников Белинского: «Бедные люди» Достоевского, «Капризы и раздумья» Герцена, стихотворения самого Некрасова. «Петербургский сборник» явился истинным торжеством идей великого критика. «...Такой альманах, — писал Белинский, —

еще небывалое явление в нашей литературе. Выбор статей, их многочисленность, объем книги, внешняя изящность издания, — всё это, вместе взятое, есть небывалое явление в этом роде; оттого и успех небывалый»[1]. «Петербургским сборником» Некрасов и Белинский подготовили почву для создания «своего журнала». Такой журнал был давнишней мечтой критика.

Эта мечта осуществилась в 1846 году, когда Н. А. Некрасов и И. И. Панаев приобрели у П. А. Плетнева журнал «Современник». К концу года в «Русском инвалиде» (1846, № 245) появилось объявление об издании «Современника» на 1847 год. В числе участников обновленного журнала был и Тургенев.

В конце 1846-го — январе 1847 года писатель особенно часто встречался с Белинским. Будущая программа, направление, всевозможные организационные вопросы, связанные с жизнью нового журнала, часто обсуждались на квартире критика. Об одном из таких обсуждений, проходивших на квартире Тургенева, рассказал Д. В. Григорович со слов В. П. Боткина: речь шла о возможности поместить в «Современнике» отзыв о повести Григоровича «Деревня», только что появившейся в журнале «Отечественные записки»[2].

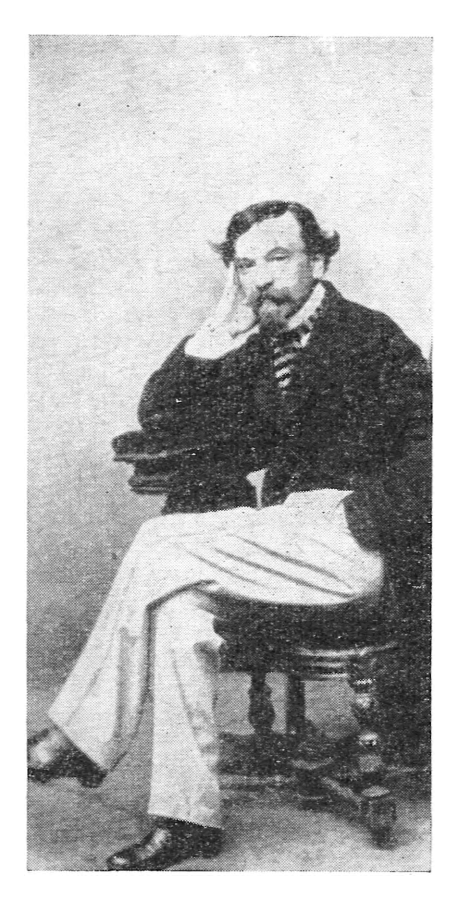
Тургенев в октябре 1846 года переселился на новую квартиру, на Большую Подьяческую улицу в дом Зиновьева (ныне Большая Подьяческая, дом 12; сохранился с некоторыми перестройками).

Писатель, видимо, принял самое деятельное участие в создании некрасовского «Современника». Об этом он вполне определенно писал 8 ноября 1846 года супругам Виардо: «Скажу Вам (если это может Вас интересовать),

---

[1] В. Г. Белинский, т. IX, стр. 581.
[2] Д. В. Григорович, стр. 161.

что нам удалось основать свой журнал, который появится с нового года и начинается при весьма благоприятных предвидениях». Правда, Тургенев тут же прибавил: «Я участвую в нем лишь в качестве сотрудника». Но это уточнение никак не умаляет роли писателя в создании нового журнала. 3 декабря 1846 года он сообщал П. Виардо: «Я был очень занят всё это время, занят и до сих пор благодаря нашему новому журналу. Но я постараюсь устроиться так, чтобы можно было выехать из Петербурга с наступлением нового года. Потому и работаю изо всех сил. Я взял на себя некоторые обязательства, хочу их выполнить и выполню» *(П I, 440, 254)*. И хотя почти ничего не известно о конкретных фактах, связанных с участием Тургенева в ре-

И. И. Панаев.
Фотография. 1860-е годы.

7 Зак. № 803/л

дакционных делах «Современника» того времени, ясно, что в данном случае речь идет не только о произведениях, которые Тургенев намеревался отдать в первый номер обновленного журнала.

Свидетельством большой заинтересованности писателя в издании «Современника» могут служить воспоминания П. В. Анненкова, который писал: «Многие из его [Тургенева] товарищей, видавшие возникновение „Современника“ 1847 года, должны еще помнить, как хлопотал Тургенев об основании этого органа, сколько потратил он труда, помощи советом и делом на его распространение и укрепление». И далее еще более определенно: «Менее известно, что Тургенев был душой всего плана, устроителем его. ... Некрасов совещался с ним каждодневно; журнал наполнялся его трудами» [1].

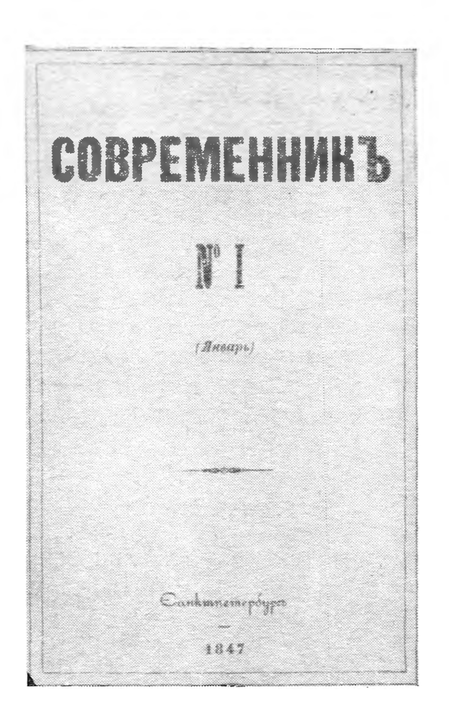
Об активном участии Тургенева в редакционных делах «Современника» знали в Петербурге многие. Об этом писал в своих воспоминаниях Д. В. Григорович, а Н. М. Языков, поэт «пушкинской плеяды», ревниво относившийся к судьбе журнала, освященного именем Пушкина, в письме к Гоголю от 27 октября 1846 года с тревогой сообщал: «„Современник“ купили Никитенко, Белинский, И. Тургенев и прочие такие же, следственно с будущего 1847 г. сей журнал, основанный Пушкиным, будет орудием щелкоперов...» [2].

Уже в первом номере журнала за 1847 год был опубликован рассказ Тургенева «Хорь и Калиныч». Рассказ имел огромный успех. Этому содействовали прежде всего отзывы Белинского. В том же номере «Современника» появился цикл стихотворений Тургенева «Деревня», его ре-

---

[1] П. В. Анненков, стр. 341, 395.
[2] «Русская старина», 1896, № 12, стр. 645.

Титульный лист журнала «Современник».

цензия на трагедию Н. Кукольника «Генерал-поручик Паткуль», а также раздел «Современные заметки».

Во второй половине января 1847 года Тургенев уехал за границу. Однако и там он продолжал живо интересоваться делами нового журнала. В письмах из-за границы он сообщал свои впечатления от очередных книжек «Современника», говорил о желании постоянно сотрудничать в журнале. В свою очередь, редакторы «Современника» подробно сообщали Тургеневу о содержании будущих номеров, настоятельно просили о сотрудничестве, писали об успехе журнала.

Несколько писем Тургенев получил от Белинского. Они связаны с быстро разрешившимся недоразумением, которое возникло между критиком и Некрасовым по поводу того, какую роль в редакции «Современника» должен играть Белинский. Характерно, что Белинский наиболее подробно писал об этом именно Тургеневу.

Белинский занял в «Современнике» место «руководителя духа и направления»: об этом свидетельствуют многочисленные его письма 1847—1848 годов и программные произведения, напечатанные в журнале.

Тургенев оставался постоянным сотрудником «Современника», его связи с журналом и редакцией не ослабевали даже во время длительных поездок за границу.

„Записки охотника“

Пьесы Тургенева на петербургской сцене

Под арестом на съезжей

Ссылка и возвращение

Литературные связи

Роман „Рудин“

Три с половиной года Тургенев провел за границей, сначала в Германии, а затем во Франции. В Германии он жил вместе с больным Белинским в Зальцбрунне; здесь были созданы лучшие из рассказов «Записок охотника». Здесь же, в Зальцбрунне, Белинский написал свое политическое завещание, «Письмо к Гоголю», навсегда оставшееся для Тургенева «символом веры». «...Белинский и его письмо это — вся его религия» [1], — передавала В. С. Аксакова слова писателя, сказанные в 1855 году, во время жарких споров с братьями Аксаковыми.

---

[1] В. С. Аксакова. Дневник. 1854—1855. СПб., 1913, стр. 42.

Во Франции Тургенев оказался в самой гуще революционных событий, потрясших в 1848 году Европу. Об этом он подробно рассказал 25 лет спустя в двух очерках из «Литературных и житейских воспоминаний» («Наши послали» и «Человек в серых очках»).

В 1840-х годах окончательно формируются литературные и политические взгляды Тургенева. Тогда же приходит к нему широкая литературная известность. В «Современнике» один за другим печатаются рассказы из «Записок охотника». Тургенев становится одним из самых популярных писателей России.

«Записки охотника» читающая русская публика справедливо восприняла как сокрушительный удар по крепостничеству. В своей книге Тургенев продолжил дело, начатое Гоголем в «Мертвых душах». Рядом с Маниловыми, Собакевичами и Ноздревыми стали тургеневские Стегуновы и Зверковы, самые имена которых говорили об их сущности. Не в этом, однако, было значение «Записок охотника» и не в этом заключался тургеневский протест против крепостного права. Новизна Тургенева была в том, что, пополнив гоголевскую галерею мертвых душ, он создал и выдвинул на первый план галерею душ живых. Это были прежде всего образы простых крестьян. В крестьянской среде писатель нашел людей с умом и сердцем, с подлинно человеческими чувствами, — таких, как Хорь, Калиныч, Яков Турок, крестьянские дети. И эти люди не только наделены были положительными душевными качествами; они были изображены как носители лучших черт русского национального характера. Отрицая крепостное право, Тургенев одновременно защищал величие и достоинство русского народа.

Книга Тургенева показывала, что в России есть великие возможности и живые силы; они заключены прежде всего в простом народе, подавленном крепостной зависи-

мостью. Есть в русском народе и воля, и упорство, и ум, и мягкость, и гуманность, и поэтичность, есть готовность «поломать себя» и двинуться вперед по пути преобразований; но всё это силы неосознанные, дремлющие. Чтобы привести их в движение, нужны просвещенные и умелые преобразователи. В книге о народе ставится поэтому и вопрос о роли образованного сословия: каково его место и его задача в русской жизни, в которой столько зреющих возможностей?

В «Гамлете Щигровского уезда» Тургенев разрешает эту тему трагически. Вывезший свои знания из-за границы, уездный Гамлет оказался оторванным от русской жизни. С горечью сознает он это: «Посудите сами, какую, ну, какую, скажите на милость, какую пользу мог я извлечь из энциклопедии Гегеля? Что общего, скажите, между этой энциклопедией и русской жизнью? И как прикажете применить ее к нашему быту, да не ее одну, энциклопедию, а вообще немецкую философию... скажу более — науку?» *(IV, 281—282)*. Вопрос этот для уездного Гамлета неразрешим: герой Тургенева не может выйти из сферы «лично-человеческого» и потому поставлен автором вне дееспособных сил России. В то же время в самом его стремлении найти для себя место в русской жизни Тургенев видит плодотворное зерно и залог будущего развития, если не самого уездного Гамлета, то людей его типа.

В «Записках охотника» подняты были самые важные, самые жгучие вопросы русской жизни предреформенной поры. Тургенев сумел показать, что века крепостной неволи не исказили в русском крестьянстве лучших черт его характера. «В русском человеке таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития...» *(I, 300—301)* — писал Тургенев в рецензии на рассказы В. И. Даля. Художественному раскрытию этой идеи и посвящены «Записки охотника». Они сыграли выдающуюся

«Гамлет Щигровского уезда».
Рисунок И. С. Тургенева.

роль в истории русской литературы и общественной мысли и упрочили за автором славу крупнейшего русского писателя.

В 40-х годах Тургенев стал известен русскому читателю не только «Записками охотника». В 1848—1852 годах писатель выступил как автор комедий. Они получили широкую известность в литературных кругах, несмотря на то, что некоторые из них были запрещены цензурой и не увидели света. В конце 1849 года две комедии Тургенева были поставлены в Петербурге. 14 октября в Александринском театре состоялась премьера комедии «Холостяк», а через два месяца, 9 декабря, — «Завтрак у предводите-

ля». Комедия «Холостяк», написанная для замечательного актера М. С. Щепкина, была дана в Александринском театре в его бенефис, а «Завтрак у предводителя» — в бенефис П. А. Каратыгина. Помимо Щепкина и Каратыгина в комедиях Тургенева были заняты и известные актеры Александринского театра В. В. Самойлов, А. Е. Мартынов и другие. Пьесы имели успех.

О значении тургеневских комедий и реакции зрителей Некрасов писал в рецензии на первую постановку «Холостяка»: «...публика с явным интересом и удовольствием следила за ходом пиесы, и всё хорошее было замечено и одобрено громкими рукоплесканиями; жаркие толки и споры о новой комедии можно было слышать в партере и коридорах театра, по окончании пиесы, каких не услышите после десятка новых самых эффектных французских водевилей. Ясно, что сочувствие к русской комедии в публике существует: явись настоящая русская комедия — и не увидишь, как полетят со сцены, чтобы уже никогда не возвратиться, жалкие переделки и подражания, бесцветные и безличные, натянутые фарсы и т. п. Еще более порадовало нас сочувствие к русской комедии в наших актерах, — сочувствие, которого нельзя было не заметить в представлении „Холостяка"» [1].

«Сочувствие» это выразилось прежде всего во вдумчивой и серьезной игре актеров. Привыкшие «выкидывать фарсы» в традиционных водевилях, в «Холостяке» они отказались от старых шаблонов и играли просто и естественно. Как сказано выше, «Холостяк» шел в бенефис М. С. Щепкина, и главная роль старика Мошкина была в духе его таланта. «Весь третий акт, — свидетельствовал Некрасов, — с самого того места, где начинаются опасения старика за участь своей воспитанницы, был торжеством

[1] Н. А. Некрасов, т. IX, стр. 545.

Щепкина. ...Рукоплескания не умолкали, и этот акт, отдельно взятый, имел огромный успех». Некрасов считал, однако, что спектакль в целом «не имел того полного и блестящего успеха, которого заслуживал по драматическому содержанию своему и по прекрасному его развитию», и объяснял это тем, что самого Тургенева, который мог бы на репетициях устранить «мелочные промахи» сценического текста, не было в то время в Петербурге[1]. С комедиями Тургенева петербургская журналистика связывала тогда будущее русского национального театра. «Современник» видел в драматических опытах Тургенева продолжение гоголевской традиции и считал, что комедии Тургенева призваны обогатить русский реалистический репертуар.

Пьесы Тургенева были прямо или косвенно связаны с «Записками охотника». Некоторые вопросы и темы, едва намеченные в «Записках», были затем разработаны в драматической форме. Так, эпизод из «Однодворца Овсянникова» был развернут в драматический очерк «Завтрак у предводителя»; тема нахлебника, жертвы «подчиненного существования», человека, которому приходится на своем веку служить «тяжелой прихоти, заспанной и злобной скуке праздного барства», была впервые намечена в рассказе «Мой сосед Радилов», потом перенесена в пьесу «Нахлебник» и, наконец, вновь поднята в рассказе «Чертопханов и Недопюскин». Маленький человек, оскорбленный и униженный, стал излюбленным героем рассказов и повестей «натуральной школы». В «Нахлебнике» и «Холостяке» Тургенев перенес рассказ о его бедственной судьбе на театральные подмостки. Этим он ответил на назревшую потребность в разработке реалистической русской драматургии. Для Тургенева пьесы «Нахлебник» и «Холостяк»

[1] Н. А. Некрасов, т. IX, стр. 544, 546.

Александринский театр.
Литография. 1840-е годы.

были исполнением давней его мечты о создании национальной русской комедии в русле гоголевского направления.

Если пьесы Тургенева не получили такого же значения, как «Записки охотника», то это произошло не только потому, что талант драматурга не так был силен у Тургенева, как дар повествователя, но еще и потому, что его опыты в создании национального театра были вскоре превзойдены достижениями А. Н. Островского. Характерно, однако, что Тургенев и Островский начинали свою драматическую деятельность одновременно и что независимо друг от друга они шли в одном направлении.

В других драматических произведениях («Где тонко, там и рвется» и «Месяц в деревне») Тургенев вновь ставил вопрос о социальной ущербности разного рода романтиков, людей иной раз и умных и тонких, но праздных, далеких от насущных нужд и забот современного общества, занятых своей особой.

Тургенев в драматических произведениях выступил как новатор. При всей сюжетной простоте его пьесы насыщены внутренним движением. В них развертываются сложные психологические конфликты. Это был совершенно новый, необычный для русской сцены тип драматического представления, напряженного и острого и в то же время почти лишенного внешнего движения. Новаторство Тургенева в области театра было оценено по справедливости лишь несколько десятилетий спустя.

Тургенев возвратился в Россию в конце июня 1850 года, во время разгула реакции, вызванной революционными потрясениями в Европе и крестьянскими волнениями в России. «По приезде из Парижа в октябре 1848 года состояние Петербурга представляется необычайным: страх правительства перед революцией, террор внутри, предводимый самим страхом, преследование печати, усиление полиции, подозрительность, репрессивные меры без нужды и без границ, оставление только что возникшего крестьянского вопроса в стороне, борьба между обскурантизмом и просвещением и ожидание войны» — такова была, по определению П. В. Анненкова, обстановка в России [1].

Преследования печати, о которых упоминает Анненков, приняли характер цензурного террора. Для наблюдения над печатью были созданы особые секретные комитеты,

[1] П. В. Анненков, стр. 529.

докладывавшие свои соображения самому царю. В 1848 году все редакторы столичных журналов и газет были вызваны в III отделение, где им было сделано внушение от лица царя, заканчивавшееся такими словами: «Его императорское величество повелел предупредить редакторов, что за всякое дурное направление статей их журналов, хотя бы оно выразилось *косвенными намеками*, они лично подвергнутся *строгой ответственности*, независимо от ответственности цензуры»[1]. Особенно пристальное внимание властей привлек «Современник». Белинского от Петропавловской крепости спасла только его преждевременная смерть от туберкулеза.

В 1849 году разгромлено было революционное общество, возглавлявшееся М. В. Буташевичем-Петрашевским. Среди его участников были М. Е. Салтыков и Ф. М. Достоевский, поэты А. Н. Плещеев и А. Н. Майков. Петрашевцы, наряду с изучением социалистических идей Белинского, Герцена, а также Фурье и других великих утопистов Запада, обсуждали насущные вопросы русской жизни, и прежде всего — вопрос об освобождении крестьян. За это они жестоко поплатились. Несколько участников общества, в том числе Достоевский, были приговорены к смертной казни. Только на эшафоте осужденным объявили, что казнь заменена каторгой. Многих отправили в арестантские роты. Ужас охватил петербургское общество.

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем, —

писал впоследствии Некрасов. Анненков так передавал

---

[1] Цит. по кн.: А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году. М., Учпедгиз, 1949, стр. 234.

атмосферу в Петербурге, да и вообще во всей России: «Люди жили, словно притаившись. На улицах и повсюду царствовала полиция, официальная и просто любительская...»; «...У лихоимцев, казнокрадов и наиболее грубых помещиков развивается патриотизм — ненависть к французам и Европе: „Мы их шапками закидаем!" ... Возникает царство грабежа и благонамеренности в размерах еще небывалых»[1]. Не случайно за этим временем (1848—1855 годы) упрочилось название «мрачного семилетия».

Такими застал Россию и Петербург Тургенев в 1850 году. Задержавшись на несколько дней в Петербурге, он уехал в Москву, а оттуда в Спасское. Варвара Петровна упорно отказывала сыновьям в какой-либо существенной материальной поддержке, ставя их тем самым в унизительные и невыносимые материальные и моральные условия. Поссорившись с матерью, братья уехали в свое родовое имение, оставленное им отцом. Здесь Тургенев провел всё лето и лишь в начале октября снова появился в столице. Писатель поселился в квартире Н. Н. Тютчева, своего давнишнего приятеля по кружку Белинского, в том самом доме на углу Фонтанки и Невского, где до отъезда Тургенева за границу жил критик.

Тургенев полон творческих замыслов, о воплощении которых мечтал уже давно. Но семейные неприятности на время оторвали его от литературных занятий, и он намерен вести тихую и уединенную жизнь и много работать. Еще 13 сентября 1850 года Тургенев писал П. Виардо из деревни: «Приехав в Петербург и устроившись на всю зиму в какой-нибудь маленькой комнатке, я усердно примусь за дело. Намереваюсь мало где бывать; думаю даже, что едва ли часто буду ходить слушать итальянцев» *(П I, 505)*.

---

[1] П. В. Анненков, стр. 530, 535—536.

Тургенев действительно почти никого не посещает в то время. Лишь иногда он появляется в опере и в музыкальном салоне Виельгорских, давних знакомых П. Виардо. Но зато Тургенев много пишет: 26 октября 1850 года он окончил рассказ «Певцы» и вскоре — одноактную комедию «Разговор на большой дороге», а затем напряженно работает над комедией «Провинциалка», готовя ее к бенефису актрисы Александринского театра Н. В. Самойловой. Уже 11 ноября 1850 года писатель читал новую пьесу на вечере у А. А. Краевского, а через месяц, в Москве, — у графини С. М. Соллогуб. В первых числах января 1851 года «Провинциалка» была разыграна на любительском спектакле у графини. Тургенева радует успех его комедий. В Петербурге он с удивлением узнал, что даже те из них, которые еще не появлялись на сцене и в печати (как, например, запрещенная цензурой комедия «Месяц в деревне»), пользуются успехом в салонах. В 1852 году в любительских спектаклях разыгрывалась и комедия «Безденежье». Новые рассказы из «Записок охотника» также вызывают огромный интерес. Тургенев начинает думать об отдельном издании всего цикла.

Однако напряженная творческая работа писателя неожиданно была прервана. В середине ноября он получил письмо с известием о безнадежном состоянии матери. Тургенев немедленно выехал в Москву, но уже не застал Варвару Петровну в живых. Хлопоты по делам наследства задержали его в Москве на два месяца. Они прошли в общении с известными московскими артистами — М. С. Щепкиным, П. М. Садовским, С. В. Шумским. Садовскому Тургенев посвятил комедию «Разговор на большой дороге». Щепкин и Шумский в это время готовили к постановке комедию «Провинциалка», премьера которой состоялась в Москве 18 января 1851 года в бенефис Щепкина. Тургенев был на премьере, прошедшей с

8 Зак. № 803/л

большим успехом; писатель в первый раз видел собственную пьесу на сцене.

Возвратившись в Петербург в начале февраля, Тургенев вскоре снова увидел «Провинциалку» на сцене. Незадолго перед его приездом (22 января) она была поставлена в Александринском театре. 16 февраля 1851 года Тургенев писал сотруднику «Современника» Е. М. Феоктистову: «Видел я здесь „Провинциалку". Самойлова очень мила, но Самойлов гораздо ниже Шумского. У Самойлова игра чисто внешняя и в сущности весьма однообразная. Мартынов хорош — но не знает роли» *(П II, 21)*[1].

Самойлов не понял специфического характера пьесы, этой изящной комедии, в которой на сцене развертывается «сражение» лукавой провинциалки с ее давним знакомым, стареющим графом, приехавшим из Петербурга. «Сражение начинается!» — восклицает героиня комедии, и автор заставляет зрителей с неослабевающим интересом следить за этой борьбой, заканчивающейся полной победой привлекательной и умной женщины, торжеством ее честолюбивых замыслов. Особая острота одноактной пьесы Тургенева заключалась еще и в том, что в ней сквозь легкую ткань салонной комедии, почти водевиля, просвечивала подлинная драма бедной воспитанницы барского семейства, вынужденной влачить свои дни в невежественной чиновничьей среде, в жалкой обстановке глухого городка, убогие нравы которого показаны скупыми, но выразительными чертами, выдержанными в духе бытового реализма.

Критика встретила новую комедию весьма сочувственно. «Эта небольшая, но тщательно отделанная пьеска

---

[1] В. В. Самойлова играла роль Дарьи Ивановны, В. В. Самойлов — графа Любина (в Москве — С. В. Шумский). А. Е. Мартынов играл Ступендьева (в Москве — М. С. Щепкин).

смотрится с таким же удовольствием, как и читается», — писал, например, критик «Отечественных записок»[1]. В сезон 1850/51 года «Провинциалка» шла в Александринском театре шесть раз и затем прочно утвердилась в его репертуаре.

Судьба других комедий Тургенева была менее счастлива. Театральная критика, признавая их литературные достоинства, в то же время постоянно упрекала автора в их несценичности. Зрители, а нередко и актеры, подходили к ним с традиционными и привычными жанровыми мерками, не понимая новаторского характера тургеневского театра.

В конце 1851-го — начале 1852 года такое непонимание обнаружилось вполне. 10 декабря 1851 года в Александринском театре была поставлена комедия «Где тонко, там и рвется», а через месяц, 7 января 1852 года, — «Безденежье». Хроникер петербургских театров А. И. Вольф связывал прекращение драматургической деятельности Тургенева именно с этими постановками[2]. Обе комедии прошли почти совершенно незамеченными. Рецензируя постановки Александринского театра, критики особенно подчеркивали на сей раз «недостатки» комедий Тургенева: их «растянутость», обилие «ненужных» разговоров, утомительных на сцене, хотя и занимательных при чтении. Стоит напомнить, что аналогичные упреки приходилось выслушивать и А. Н. Островскому, а впоследствии, в еще более резкой форме, — А. П. Чехову.

В то время, когда были поставлены две последние пьесы Тургенева, писатель находился в подавленном состоянии духа. Политическая атмосфера в России действовала

---

[1] «Отечественные записки», 1851, № 3, стр. 58.

[2] А. И. Вольф. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года, ч. 1. СПб., 1877, стр. 151.

на него угнетающе. Тургенев много думает о дальнейшем своем творчестве; он не удовлетворен даже «Записками охотника». Писатель ищет новых впечатлений; Петербург — средоточие реакции — ненавистен ему. В марте 1851 года появился в печати очередной рассказ из «Записок охотника» — «Касьян с Красивой Мечи», а уже 14 апреля Тургенев писал Е. М. Феоктистову: «...„Записки охотника“ прекращены навсегда — я намерен долго ничего не печатать и посвятить себя по возможности большому произведению, которое буду писать con amore [с любовью] и не торопясь — без всяких цензурных arrière pensées [задних мыслей] — а там что бог даст!» *(П II, 24)*.

В середине апреля Тургенев покидает Петербург. «Мне Петербург надоел...» — лаконично писал он перед отъездом в том же письме. Лето 1851 года писатель провел в Спасском, осень — в Москве, где посетил, вместе с М. С. Щепкиным, Н. В. Гоголя. В столицу он возвратился только в ноябре.

Несколько слов о тургеневских адресах того времени. Он поселился на новой квартире, на углу Малой Морской и Гороховой улиц, в доме Гиллерме, в кв. 9 (ныне улица Гоголя, дом 13). Но некоторое время, — видимо, в 1851 году, — Тургенев жил на Большой Конюшенной улице, в доме Вебера (ныне улица Желябова, дом 13).

Поездка в Спасское и Москву не развеяла подавленного настроения Тургенева. Уже 4 декабря 1851 года он пишет о том, что «нежелание писать ... усиливается с каждым днем» и тут же объясняет: «Это не апатия, не усталость — это то выжидание, то желание истинных, дельных впечатлений, которое, вероятно, знакомо и Вам. Собственно литературная чесотка давно во мне угомонилась — когда я опять возьму перо в руки, это я сделаю уже вследствие других внушений, другой внутренней необходимости» *(П II, 36, 37)*. В тот же день, когда было написано

это письмо известному публицисту и писателю славянофильского направления И. С. Аксакову, Тургенев еще более определенно писал М. П. Погодину, профессору Московского университета, редактору журнала «Москвитянин»: «Мне как-то хочется не отдыхать — (отдыхать-то не от чего) — а помолчать, послушать, поглядеть, поучиться. Настанет ли за этой эпохой страдательного воспринимания новая эпоха деятельности — или я окончательно успокоюсь, признав, что истощил небольшой запас того, что мне следовало сказать и сделать, — не знаю. Но во всяком случае теперь я на время выступаю из ряду деятелей» *(П II, 38)*.

И Тургенев действительно прекратил литературную деятельность. Однако жизнь его в Петербурге проходит в беспрерывном общении с самыми разнообразными людьми, в спорах и беседах о литературе, искусстве и политике.

Знакомства Тургенева расширяются. Его посещают не только литераторы, близкие к редакции «Современника»; писатель сближается с некоторыми светскими литературными обществами Петербурга, в частности начинает посещать дом Мещерских. Это была знатная, хотя и небогатая фамилия, весьма близкая к придворным кругам и связанная узами родства с Пушкиным и Карамзиным. Мещерские жили на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы, в доме Демидова (дом перестроен). Здесь Тургенев знакомится с начинающим поэтом А. К. Толстым.

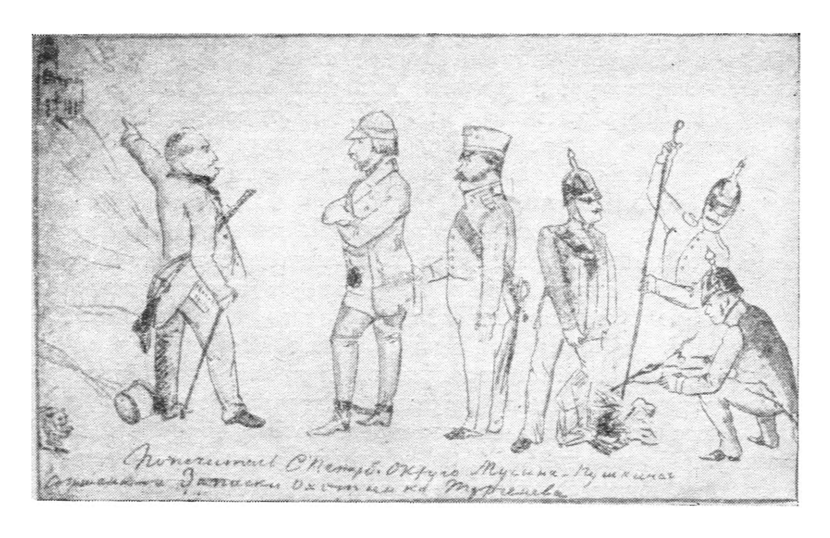
Квартира Тургенева становится тоже своего рода литературным салоном. «После 1850 года, — вспоминал Анненков, — гостиная его [Тургенева] сделалась сборным местом для людей из всех классов общества. Тут встречались герои светских салонов, привлеченные его репутацией возникающего модного писателя, корифеи литературы, готовившие себя в вожаков общественного мнения, знаменитые

артисты и актрисы, состоявшие под неотразимым эффектом его красивой фигуры и высокого понимания искусства, наконец ученые, приходившие послушать умные разговоры светских людей»[1]. Вероятно, именно этих новых для себя людей и имел в виду Тургенев, когда писал о том, что успел за время пребывания в Петербурге в 1850—1851 годах «сделать несколько любопытных знакомств» *(П II, 40)*. Тургенева приглашают на вечера и обеды; нередко некоторые из его старых знакомых, например князь В. Ф. Одоевский, устраивают вечера в его честь, на них бывают те же посетители светских салонов и люди, близкие к придворным кругам. Тургенев читает свои рассказы, делится впечатлениями о европейской жизни.

Но всё же для Тургенева это время было «эпохой страдательного воспринимания», из которой его вскоре вывели события, связанные со смертью Гоголя 21 февраля 1852 года в Москве. Незадолго перед этим Тургенев виделся с Гоголем в Москве, а 24 февраля в Петербурге, на заседании Общества посещения бедных[2], проходившем в зале Дворянского собрания, он узнал о его смерти. Всех присутствовавших на этом заседании литераторов оповестил о тяжелой утрате И. И. Панаев; о подробностях похорон и обстоятельствах смерти Тургенев вскоре получил сообщения В. П. Боткина и Е. М. Феоктистова. Под непосредственным впечатлением смерти Гоголя Тургенев написал небольшой некролог, преисполненный патетикой и скорбью. Его тон и содержание были в значительной мере обусловлены безразличным отношением к смерти Гоголя петербургских знакомых Тургенева. «Что Вам сказать о

[1] П. В. Анненков, стр. 391.

[2] Основано в 1846 году по инициативе нескольких аристократов-филантропов. Председателем общества был князь В. Ф. Одоевский.

Мусин-Пушкин сжигает «Записки охотника».
Карикатура Л. П. Вакселя. 1852 год.

впечатлении, произведенном его смертью здесь? Все говорят о ней, но как-то вскользь и холодно. ...Другие интересы тут всё поглощают и подавляют»,— писал он Феоктистову 26 февраля, поясняя, впрочем: «Однако есть люди, которых она глубоко огорчила» *(П II, 48)*. Среди этих людей был, например, Некрасов, стихотворение которого «Блажен незлобивый поэт» явилось прямым откликом на смерть Гоголя. В том же письме к Феоктистову Тургенев указал, что его заметка о Гоголе была навеяна этим стихотворением. В противовес холодному равнодушию петербургских читателей, Тургенев писал в ней: «Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертию, назвать великим;

человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся как одной из слав наших!» *(XIV, 72)*. Отправляя некролог Феоктистову, писатель беспокоился, пропустит ли его цензура; Тургенев предназначал его для газеты «С.-Петербургские ведомости».

Опасения Тургенева относительно вмешательства цензуры полностью оправдались. В правительственных сферах было признано неудобным допускать в печати слишком сильные проявления горести по поводу смерти автора «Ревизора» и «Мертвых душ». Цензор, вероятно знавший об этом, не решился пропустить некролог Тургенева и представил его в петербургский цензурный комитет. Судьба некролога была решена: председатель петербургского цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин решительно запретил печатать какие бы то ни было статьи о Гоголе, тем более те, в которых говорилось о великом значении писателя. Тургенев узнал об этом от редактора «С.-Петербургских ведомостей» А. А. Краевского. «Статья моя не появилась ни в один из последовавших за тем дней, — рассказывал он. — Встретившись на улице с издателем, я спросил его, что́ бы это значило? „Видите, какая погода, — отвечал он мне иносказательною речью, — и думать нечего“. — „Да ведь статья самая невинная“, — заметил я. „Невинная ли, нет ли, — возразил издатель, — дело не в том; вообще имя Гоголя не велено упоминать“» *(XIV, 74)*.

А вскоре, — может быть, и от самого Краевского, — Тургенев узнал подробности запрещения некролога о Гоголе. 3 марта 1852 года он писал И. С. Аксакову: «...Что касается до впечатления, произведенного здесь его смертью... да будет Вам достаточно знать, что попечитель здешнего университета г. Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским. Это случилось на

днях по поводу нескольких слов, написанных мною для „СПб. ведомостей" о смерти Гоголя (я их послал Феоктистову в Москву). Г. Мусин-Пушкин не мог довольно надивиться дерзостью людей, жалеющих о Гоголе. Честному человеку не стоит тратить на это своего честного негодования. Сидя в грязи по горло, эти люди принялись есть эту грязь — на здоровье. Благородным людям до́лжно теперь крепче, чем когда-нибудь, держаться за себя и друг за друга. Пускай хоть эту пользу принесет смерть Гоголя...» *(П II, 50)*.

Тургенев понял абсолютную невозможность напечатать некролог о Гоголе в Петербурге. Но он знал, что «одно цензорское запрещение не могло помешать ... — в силу существовавших постановлений — подвергнуть статью ... суду другого цензора» *(XIV, 75)*, и решил попытаться опубликовать некролог в Москве. Писатель надеялся, что московская цензура будет более снисходительна. Он считал, что петербургские литераторы, в особенности литераторы «Современника», обязаны сказать хоть несколько слов о Гоголе. 3 марта 1852 года, в тот же день, когда Тургенев отправил письмо И. С. Аксакову, он писал В. П. Боткину: «Нельзя ли попробовать напечатать то, что я написал о Гоголе (разумеется, без подписи) в „Московских ведомостях", как отрывок из письма отсюда? Je voudrais sauver l'honneur des honnêtes gens qui vivent ici» [Я хотел бы спасти честь порядочных людей, живущих здесь] *(П II, 50)*.

Предпринимая попытку напечатать некролог в Москве, Тургенев не знал одного факта, сыгравшего важную роль в последовавших затем событиях. Оказывается, председатель петербургского цензурного комитета Мусин-Пушкин, докладывая главному начальнику III отделения графу А. Ф. Орлову о запрещении некролога, уведомил его, что лично объяснялся с Тургеневым по этому поводу. Это

была заведомая ложь, на которой впоследствии было построено обвинение Тургенева в «ослушании» постановления цензурного комитета.

Лживое заявление Мусина-Пушкина сыграло главную роль в последующей судьбе писателя. Кроме того, в этой истории было замешано еще одно лицо — Ф. Булгарин. «Теперь известно, — записал в своем дневнике А. В. Никитенко 22 апреля 1852 года, — что причиною всей беды было донесение Мусина-Пушкина, подвигнутого на это Булгариным»[1]. Председатель петербургского цензурного комитета очень ценил мнение Булгарина по литературным вопросам.

Тургенев не знал и еще нескольких важных обстоятельств: его письма к И. С. Аксакову и В. П. Боткину стали известны в III отделении. Узнав из них о намерении опубликовать некролог о Гоголе в Москве, А. Ф. Орлов 15 марта предупредил об этом московского генерал-губернатора А. А. Закревского. Но предупреждение опоздало. В «Московских ведомостях» от 13 марта 1852 года появился некролог Тургенева под заглавием «Письмо из Петербурга» и за подписью «Т......в». Он был напечатан по разрешению председателя московского цензурного комитета В. И. Назимова, и А. А. Закревский, в своем ответе главному начальнику III отделения, отмечал, что цензор не нашел в статье Тургенева ничего, противоречащего цензурным постановлениям, а московский цензурный комитет и редакция «Московских ведомостей» не знали о запрещении некролога в Петербурге[2].

В дальнейшем события развивались с бюрократической полицейской точностью. III отделение запросило из Москвы сведения о В. П. Боткине и Е. М. Феоктистове. А в

---

[1] А. В. Никитенко, т. I, стр. 351.

[2] «Всемирный вестник», 1907, № 1, стр. 15—19 (прилож.).

Петербурге в это время выясняли «благонадежность» самого Тургенева. Начальник III отделения Л. В. Дубельт вызвал к себе писателя. Тургенев должен был объяснить степень своего родства с известным декабристом эмигрантом Н. И. Тургеневым и его братом А. И. Тургеневым. Результатом разговора в III отделении была «Справка» от 10 апреля 1852 года: «Литератор Иван Тургенев объявил, что он не состоит с Николаем и Александром Ивановичами Тургеневыми в родстве, или, по крайней мере, если они дальние родственники, не может определить степени родства»[1].

Но возможно, III отделение интересовалось не только этим. Дубельт знал, что Тургенев неоднократно демонстративно читал запрещенную статью о Гоголе в петербургских литературных кружках. Делая визиты своим светским знакомым, Тургенев, как вспоминают мемуаристы, «носил всюду с собою» эту статью и «слишком либерально осуждал петербургское общество за равнодушие» к смерти великого писателя. В ответ на советы друзей быть осторожнее Тургенев однажды открыто заявил: «За Гоголя я готов сидеть в крепости». Встретив на одном из светских вечеров И. И. Панаева, Дубельт дал ему понять, что знает об этих словах Тургенева. Он говорил редактору «Современника»: «Одному из сотрудников вашего журнала хотелось посидеть в крепости, но его лишили этого удовольствия»[2].

---

[1] «Всемирный вестник», 1907, № 1, стр. 27 (прилож.).

Тургенев познакомился с Н. И. Тургеневым еще в 1845 году и встречался с ним за границей (В. М. Тарасова. О времени знакомства Тургенева с Н. И. Тургеневым. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. I, стр. 276—278). Впоследствии, во Франции, писатель был очень близко знаком с семьей Н. И. Тургенева.

[2] А. Я. Панаева. Воспоминания. М., Гослитиздат, 1948, стр. 218.

13 апреля Дубельт направил своему начальнику Орлову проект «всеподданнейшего доклада» о деле Тургенева, предлагая вызвать писателя в III отделение, а Боткина и Феоктистова — к московскому генерал-губернатору, «сделать им строжайшее внушение, предупредить их, что правительство обратило на них особенно бдительное внимание, и учредить за ними надзор полиции».

III отделение, таким образом, было склонно ограничиться сравнительно мягкой мерой. Более того, шеф жандармов смягчил и этот приговор. А. Ф. Орлов счел возможным, пригласив Тургенева в III отделение, а Боткина и Феоктистова — к московскому генерал-губернатору, сделать им лишь «должное внушение». Вместо «надзора полиции» Орлов предлагал установить за всеми секретное наблюдение.

Однако Николай I не согласился с этим. Высочайшая резолюция гласила: «Полагаю этого мало, а за явное ослушание посадить его [Тургенева] на месяц под арест и выслать на жительство, на родину, под присмотр, а с другими предоставить г. Закревскому распорядиться по мере их вины» [1]. На основании этого указания 16 апреля 1852 года Тургенев был арестован в своей квартире на Малой Морской улице и водворен на съезжую 2-й Адмиралтейской части, которая находилась на углу Офицерской (теперь Декабристов) улицы и Мариинского переулка (теперь Львиный).

Всем было ясно, что немилость государя вызвана не только «явным ослушанием» Тургенева, но и более глубокими причинами. В 1852 году появилась наделавшая много шума в России брошюра А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России». Политический эмигрант Герцен с большим сочувствием упоминал автора «Записок

---

[1] «Всемирный вестник», 1907, № 1, стр. 31 (прилож.).

охотника». Да и рассказы эти, хотя и разрешенные цензурой, почитались политически неблагонамеренными. Сам Тургенев был убежден, что всё дело именно в недовольстве его литературной деятельностью. «Но на меня уже давно смотрят косо. Потому привязались к первому представившемуся случаю, — писал Тургенев супругам Виардо 1 мая 1852 года. — Я вовсе не жалуюсь на государя: дело было ему представлено таким предательским образом, что он не мог бы поступить иначе. Хотели подвергнуть запрету всё, что говорилось по поводу смерти Гоголя, — и кстати обрадовались случаю наложить вместе с тем запрещение на мою литературную деятельность» *(П II, 395)*. Тургенев, как видим, склонен был несколько выгораживать Николая I, отводя ему роль обманутого реакционерами монарха. И это несмотря на то, что сам факт препровождения дворянина и писателя на съезжую был вопиющим и беспримерным. Николай I хотел не просто наказать Тургенева, но и унизить его. «В нем [Тургеневе] одновременно оскорблены чувства дворянина и всех образованных людей», — писал А. В. Никитенко[1].

Первые 24 часа своего ареста Тургенев «провел в сибирке и беседовал с изысканно вежливым и образованным полицейским унтер-офицером», который рассказывал писателю «о своей прогулке в Летнем саду и об аромате птиц» *(XIV, 74—75)*. Однако скоро арестованному предоставили более или менее хорошие условия. Через полмесяца после ареста Тургенев писал Полине и Луи Виардо: «...Со мною обращаются вполне по-человечески; у меня хорошая комната, есть книги; я могу писать» *(П II, 395)*.

К арестованному писателю потянулись визитеры из светского общества и литературного круга, среди них были

[1] А. В. Никитенко, т. I, стр. 350.

даже малознакомые люди. Эти, по выражению Никитенко, «многочисленные съезды» производили внушительное впечатление.

На следующий день после ареста Тургенева навестил М. А. Языков. «Я спокоен, — сказал ему Тургенев, — потому что не мучаюсь неизвестностью. Мне сказано всё, чему я должен подвергнуться, и я уже не опасаюсь, что меня будут истязать и т. д.». Тургенев лишь догадывался об истинных причинах ареста; ему их не объяснили и не предъявили никакого официального обвинения. «Тургеневу даже не объявлено, за что он посажен на съезжую. Он об этом узнал только от посещающих его друзей»[1], — записал Никитенко в своем дневнике 20 апреля 1852 года со слов А. Н. Карамзина.

Сведения о причинах ареста Тургенев мог получить от многочисленных посетителей. Почти ежедневно утром и вечером его навещали Некрасов и Панаев. Так же часто приходил и граф А. К. Толстой. Имевший влияние при дворе, он принял деятельное участие в хлопотах об освобождении Тургенева. От Толстого, скорее всего, Тургенев и получил подтверждения своим догадкам о том, что он подвергся аресту за «Записки охотника» и общее направление своей литературной работы. 21 апреля 1852 года А. К. Толстой сообщил в одном из писем: «Я только что вернулся от великого князя, с которым снова говорил о Тургеневе. Кажется, что имеются другие претензии к нему, кроме дела со статьей о Гоголе. Посещать его запрещается, но мне разрешили переслать ему книги»[2].

---

[1] А. В. Никитенко, т. I, стр. 349—351.

[2] A. Lirondelle. Le poète Alexis Tolstoi. L'homme et l'oeuvre. Paris, 1912, p. 76.

Великим князем А. К. Толстой называет наследника, будущего императора Александра II.

Трудно себе представить, чтобы Толстой так или иначе не сообщил Тургеневу причин его ареста.

Как видно из этого письма, Тургеневу было запрещено видеться со знакомыми уже 21 апреля. Но еще 20 апреля писателя смог навестить режиссер Александринского театра Н. И. Куликов; они «потолковали, погрустили, и не об аресте, а о том, что государю ложно донесли» [1].

Запрещение допускать к Тургеневу посетителей исходило из Зимнего дворца. Слухи о явной демонстрации сочувствия к арестованному писателю дошли до наследника, замещавшего царя во время его заграничного путешествия. Цесаревич потребовал объяснений у III отделения. Дубельт отвечал: «Имею честь донести Вашему императорскому высочеству, что к Тургеневу допускались посетители, но не иначе как с разрешения обер-полицмейстера, на основании общих правил о содержащихся под арестом; сам же Тургенев из места его заключения никуда не отпускался. Посетителей к нему допускать не будут» [2]. Это и было выполнено. А. К. Толстой, вернувшийся в Петербург после кратковременной поездки, 24 апреля 1852 года писал Тургеневу: «Приехав сегодня утром повидаться с Вами, я, к своему великому огорчению, узнал, что Вам запрещено общаться с знакомыми. Я отправился к генералу Галахову — попросить у него особого разрешения, но он не счел себя возможным дать его» [3].

История не сохранила свидетельств обо всех, кто посещал Тургенева на съезжей. Но дело не в числе посетителей. Так или иначе, беседы с друзьями и знакомыми

---

[1] «Библиотека театра и искусства», 1913, № 5, стр. 7—8.
[2] «Всемирный вестник», 1907, № 3, стр. 39, 48 (прилож.).
[3] А. К. Толстой, т. 4, стр. 57.
А. П. Галахов — обер-полицмейстер Петербурга. Тургенев был знаком с ним через Флоровых, друзей своей юности.

А. К. Толстой.
Фотография. 1860-е годы.

оказали большую моральную поддержку писателю. «Первые дни я мог видеться со знакомыми, — писал Тургенев супругам Виардо 1 мая 1852 года. — Потом это запретили, так как их приходило слишком много. Несчастье не обращает в бегство друзей, даже в России» *(П II, 395).*

Несколько иным было отношение к аресту Тургенева высшего света. «Замечательно, что арест И. С. Тургенева в съезжем доме не произвел в высшем петербургском обществе никакого особого впечатления, — вспоминал знакомый Тургенева князь Д. А. Оболенский, хорошо знавший мнение света и правительственных кругов. — Место заключения — „съезжий дом“, куда сажали тогда пьяниц, показался некоторым лицам только стран-

ным и знаменательным, об этом много шутили и смеялись»[1].

Хорошим комментарием к этим воспоминаниям служит рассказ самого Тургенева, в котором он впоследствии передал, как весьма характерный, один из таких разговоров в великосветской гостиной. Тургенев вспоминал: «...Одна очень высокопоставленная дама — в Петербурге — находила, что наказание, которому я подвергся за эту статью, было незаслуженно — и во всяком случае слишком строго, жестоко... Словом, она горячо заступалась за меня. „Но ведь вы не знаете, — доложил ей кто-то, — он в своей статье называет Гоголя великим человеком!“ — „Не может быть!“ — „Уверяю вас“. — „А! в таком случае я ничего не говорю: je regrette, mais je comprends qu'on ait dû sévir“» [я сожалею, но я понимаю, что следовало строго наказать].

О подобных фактах Тургеневу, видимо, рассказывали посещавшие его друзья, а после запрещения свиданий он знал об отношении света к своему «делу» из писем, в частности княжны С. И. Мещерской, принявшей деятельное участие в его судьбе. Между прочим, она сообщала Тургеневу о том, что кто-то из канцелярии военного генерал-губернатора Петербурга утверждал, будто слышал, как Тургенев говорил о необходимости «сменить целиком наше правительство» и резко высказывался против идей славизма[2].

Вместе с А. К. Толстым С. И. Мещерская хлопотала перед наследником о «прощении» Тургенева. 27 апреля, после тщательного обсуждения с ними, Тургенев отправил прошение на имя наследника. Составленное весьма осторожно, это письмо было, по существу, адресовано

---

[1] Д. Оболенский. О первом издании посмертных сочинений Гоголя. — «Русская старина», 1873, № 12, стр. 949.

[2] Н. В. Измайлов. Тургенев и С. И. Мещерская. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. II, стр. 236—237.

Николаю I. Тургенев объяснял в нем, что не имел намерения совершить какой-либо противозаконный поступок, что совершилась какая-то ошибка, и он, не зная за собой вины, находится в полицейском участке в совершенной неизвестности относительно будущего.

Судя по письмам Мещерской, в хлопоты по «делу Тургенева» были втянуты многие весьма влиятельные лица из окружения наследника и великой княгини Марии Николаевны. «Вообще вы герой дня — вы и не подозреваете об этом в вашей камере»[1], — писала Мещерская Тургеневу в первых числах мая 1852 года.

К письму Тургенева наследник отнесся благосклонно. Он передал его царю, но ответа Тургенев не получил. 18 мая, после месяца заключения, он был выслан в Спасское.

Время, проведенное на съезжей, не прошло бесследно. Тургенев настойчиво занимался польским языком, много читал и, конечно, думал о своем будущем творчестве. «А сказать между нами, я рад, что высидел месяц в части, — писал он 6 июня 1852 года Аксаковым, — мне удалось там взглянуть на русского человека со стороны, которая была мне мало знакома до тех пор» *(П II, 60)*. Арест, а затем и ссылка, по признанию Тургенева, сблизили его «с такими сторонами русского быта, которые, при обыкновенном ходе вещей, вероятно, ускользнули бы от ... внимания» *(XIV, 75)*.

На съезжей Тургенев написал рассказ «Муму», одно из наиболее совершенных своих произведений. Новый рассказ Тургенева был не менее острым, чем самые смелые очерки из «Записок охотника». Две темы, взаимно связанные, объединяли разнородный материал «Записок охотника»: одна — отрицание крепостничества, другая — утверждение в крепостном крестьянине высоких духовных цен-

---

[1] «Тургеневский сборник», вып. II стр. 240.

ностей, общечеловеческих и национальных. В «Муму» гармонически слились обе темы. Это — рассказ о помещичьем произволе, злобном, капризном и распущенном, и это же — рассказ о гигантской силе, физической и духовной, человека из народа.

Обыкновенная история, рассказанная Тургеневым, приобрела эпическое величие, — недаром это повествование о богатыре, каждая черта личности которого многозначительна: и необычайная сила, и любовь к труду, и то «постоянное безмолвие», которое «придавало торжественную важность его неисчерпаемой работе». Тургенев не идеализирует своего героя. Наделив немого дворника Герасима характером эпического богатыря, писатель с совершенной простотой говорит о нем: «славный он был мужик»; и этого «славного мужика» автор делает олицетворением народной силы, безгласной, спокойно величавой, большей частью добродушной, но иной раз и страшной, отмеченной печатью «угрюмой свирепости».

Основные фигуры расставлены в рассказе так, что на одном полюсе оказываются бездушие и бессилие, а на другом — душевность и мощь. Крепостничество еще всевластно, оно окружено клевретами и рабами, но оно с инстинктивной опаской готово отступить перед немым богатырем. Из того поединка между низостью и благородством, который лежит в основе сюжета «Муму», немой выходит моральным победителем. Уход его из барского дома символичен. Он уходит с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. В пути он видел перед собой дорогу, прямую как стрела, и «в небе несчетные звезды, светившие его пути, и, как лев, выступал сильно и бодро».

Изображая Герасима в обычной, будничной жизни, автор находил для него другие сравнения: однажды он сравнил его с молодым здоровым быком, в другом

месте он мимоходом заметил, что Герасим «смахивал на степенного гусака». Так было на барском дворе. Вырвавшись от своих мучителей, Герасим становится «как лев». Это уже героическое преображение, как бы предсказанное автором своему герою, который до этого величественного апофеоза воспринимался как воплощение безгласных и бессознательных сил самой природы, — недаром он «вырос немой и могучий, как дерево растет на плодородной земле...». Образ Герасима в финале рассказа обращен к будущему.

Вот какие мысли о русском народе владели Тургеневым, когда в столице Российской империи он отбывал наказание за статью об авторе «Мертвых душ» и за свою книгу о душах живых. Не случайно в это время возрождается у Тургенева жажда литературной деятельности. «...Буду продолжать свои очерки о русском народе, самом странном и самом удивительном народе, какой только есть на свете, — писал он супругам Виардо 1 мая 1852 года. — Я стану работать над своим романом, тем с большей свободой мысли, что не буду думать о прохождении его через когти цензуры. Мой арест, вероятно, сделает невозможным печатание моей книги в Москве. Очень жаль, но что же делать?» *(П II, 396)*.

В первые месяцы ссылки (она продолжалась около полутора лет) Тургенев беспокоился, как бы ему вовсе не запретили печататься, но в августе 1852 года в Москве появилось отдельное издание «Записок охотника», и это не только обрадовало Тургенева, но и вызвало у него новый прилив творческой энергии.

Писатель ведет активную переписку с друзьями. Его волнуют общественно-политические новости, он внимательно следит за «Современником», в пространных письмах обмениваясь мыслями с Некрасовым о каждой новой книжке журнала, даже об отдельных статьях или стихотворениях. Особенно Тургенев интересуется Петербургом.

«...Как Вы доехали и как нашли Петербург?» *(П II, 91)* — спрашивает он Д. Я. Колбасина, своего петербургского приятеля, приезжавшего к нему в Спасское. «Не поленитесь, толстый друг мой, и напишите мне путное письмо о Петербурге и петербургских друзьях. Это будет доброе дело с Вашей стороны» *(П II, 116)*, — просит он Анненкова 29 января 1853 года. Когда И. С. Аксаков, в середине ноября 1853 года, на один день приехал в Спасское, Тургенев сообщал Анненкову, что имел возможность целое утро слушать рассказ «о Москве, Петербурге и о прочем» *(П II, 207)*. Обостренный интерес Тургенева к Петербургу в 1853 году был связан еще с тем, что в то время там гастролировала Полина Виардо [1].

А между тем друзья хлопотали об освобождении Тургенева из ссылки. 16 апреля 1853 года Тургенев ходатайствовал перед наследником о разрешении выехать в столицу для консультации с врачами, но и на этот раз не получил ответа. 24 октября, по настоянию А. К. Толстого, с аналогичной просьбой он обращается к Дубельту и получает отказ. Однако вскоре, в результате хлопот петербургских друзей перед наследником и А. Ф. Орловым, удалось достигнуть положительного результата, но когда 17 ноября Тургенев повторил свою просьбу Орлову он еще не знал, что его дело уже решено. «Сегодня вечером я должен написать письмо Тургеневу, который, как я уже тебе сказал, прощен и приедет сюда...» — писал А. К. Толстой в одном из писем 17 ноября 1853 года [2]; ему, безусловно, уже была известна резолюция Николая I. На докладе Орлова царь начертал: «Согласен, но иметь под строжайшим здесь надзором» [3].

---

[1] В конце марта 1853 года, во время пребывания П. Виардо в Москве, Тургенев с подложным паспортом ездил на свидание с нею.

[2] А. К. Толстой, т. 4, стр. 68.

[3] «Исторический вестник», 1907, № 2, стр. 567.

Официальное уведомление об освобождении Тургенев получил 23 ноября 1853 года. Уже 25 ноября он писал Анненкову: «Мне весело, что я опять попал в общую колею...» *(П II, 211)*. Он просит своего друга похлопотать о квартире и сообщает о своих житейских планах: «...В Петербурге буду жить для литературных занятий, кружка друзей, музыки — и шахматов» *(П II, 213)*. Около 6 декабря Тургенев выехал из Спасского, на один день остановился в Москве и 9 декабря был в Петербурге.

Писатель поселился вблизи от центра, на Поварском переулке, в доме Тулубьева (теперь дом 13), где в разные годы жили Некрасов и Чернышевский.

Первая встреча с друзьями и знакомыми была радостна. Тургенев встречается со своими старыми приятелями и сотрудниками «Современника», и Некрасов всемерно способствует этому, устраивая на своей квартире обеды, вечера. 13 декабря в редакции «Современника» был дан обед в честь возвращения Тургенева, на котором присутствовали Анненков, Фет, Григорович, Некрасов, Панаев, критик А. В. Дружинин и другие. «Меня здесь все встретили очень любезно и благосклонно — буду стараться, чтобы и впредь эти чувства не изменились» *(П II, 214)*, — писал Тургенев С. Т. Аксакову.

Когда Тургенев писал «все», он имел в виду не только своих друзей, но также людей, которые принимали участие в его судьбе. Не случайно ко времени возвращения из ссылки относятся новые светско-литературные знакомства Тургенева: он часто встречается с А. К. Толстым и модным великосветским писателем Б. М. Маркевичем, начинает посещать музыкальные «среды» композитора и музыкального критика Ф. М. Толстого, бывает в семье придворного архитектора А. И. Штакеншнейдера, незадолго до того поселившегося в собственном доме на Миллионной улице (теперь улица Халтурина, дом 10). Здесь, кстати,

в начале 1856 года, в присутствии многочисленных высокопоставленных лиц, была разыграна комедия «Школа гостеприимства», написанная Тургеневым, Григоровичем и Боткиным. Вместе с Григоровичем и Дружининым Тургенев посещает даже маскарады, на одном из которых знакомится с Л. П. Шелгуновой, а через ее посредство — с ее мужем, публицистом-демократом Н. В. Шелгуновым и сотрудником «Современника» поэтом М. И. Михайловым.

Однако Тургенев вовсе не ограничивался одними светскими занятиями. Последовавшие вслед за ссылкой два с половиной года жизни писателя — время наибольшей его близости к редакционному кружку «Современника». Но об этом — несколько позже.

Осенью 1854 года Тургенев хлопочет о постоянной квартире в Петербурге, намереваясь поселиться в ней надолго. «Мне надоело каждую осень скитаться, как цыгану...» — пишет он дяде 30 ноября 1854 года *(П II, 245)*. Квартира нашлась — неподалеку от памятной Тургеневу квартиры Белинского, на Фонтанке (ныне набережная Фонтанки, дом 38). В этой квартире у Тургенева собирались петербургские литераторы, читали новые произведения, вели острые общественно-литературные споры.

Посетители были довольно разные: и западники, и славянофилы, и литераторы, близкие к «Современнику», и светские писатели, и друзья Тургенева и просто мало знакомые ему люди. «...У меня terrain neutre [нейтральная земля] — и все часто сходятся, даже Соллогуб приносит ко мне свои влачащиеся ноги, палец за жилетом и язык, упертый в щеку, — и старается быть добрым малым. Новые лица, которых Вы знаете мало или не знаете вовсе, показались — один князь Долгорукий, музыкант и пр. и пр.» *(П II, 328—329)*. В эти годы Тургенев сближается с критиками А. В. Дружининым и С. С. Дудышкиным, у него часто бывают Некрасов, Панаев, Григорович, Писемский,

А. К. Толстой, почти неизменно появляющийся с Б. М. Маркевичем, и многие другие. Москвичи, приезжающие в Петербург, не минуют квартиры Тургенева. «Я познакомился в Петербурге с тамошними литераторами, — вспоминал Б. Н. Чичерин, в те годы начинающий ученый, а впоследствии известный либеральный профессор Московского университета. — Грановский дал мне письмо к Тургеневу. Он жил тогда на хорошенькой квартире у Аничкова моста, обыкновенно обедал дома и любил собирать у себя маленький кружок приятелей. Я часто у него бывал, когда наезжал в Петербург, и находил всегда большое удовольствие в этих беседах» [1].

Тургеневская квартира на Фонтанке сделалась в те годы одним из центров литературной жизни Петербурга. Здесь в начале 1856 года Гончаров, только что возвратившийся из кругосветного путешествия, рассказывал Тургеневу о своем новом романе, а в конце 1855 года приехавший в Петербург Н. П. Огарев читал свои новые стихотворения. В конце 1854 года на вечере у Тургенева, где присутствовали А. В. Дружинин, И. И. Панаев, А. К. Толстой, писатели братья Жемчужниковы, актер Ф. А. Бурдин и другие, А. Ф. Писемский читал отрывки из нового своего произведения, — вероятнее всего, из романа «Тысяча душ». Здесь в феврале 1856 года А. Н. Островский ознакомил собравшихся со своей новой драмой «Семейная картина». В январе 1856 года у Тургенева часто бывал писатель и актер И. Ф. Горбунов. 23 ноября 1855 года на квартире Тургенева собралась большая группа петербургских литераторов (среди них были поэт А. Н. Майков, А. В. Дружинин, А. Ф. Писемский, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой, А. В. Никитенко и дру-

---

[1] Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929, стр. 135—136.

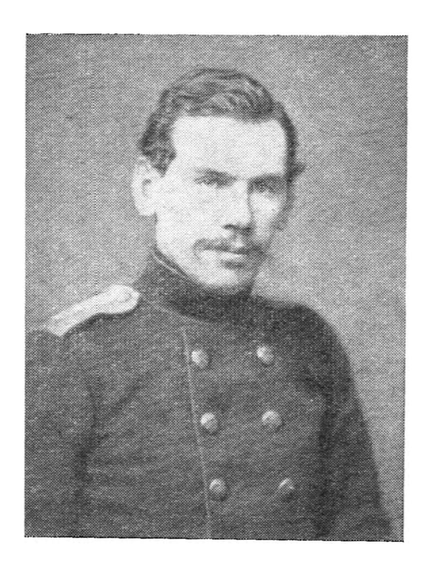
гие) для составления поздравительного письма М. С. Щепкину, справлявшему свой 50-летний юбилей; Тургенев был душой всего этого дела. Когда в том же 1855 году в Петербург на несколько дней приехал писатель-славянофил А. С. Хомяков, Тургенев дал в его честь «большой литературный вечер. Зашла речь об освобождении крестьян, и Хомяков стал разглагольствовать об общинном владении как об исконном, специально русском учреждении, решающем все мировые задачи» [1]. Разгорелся спор, содержание которого стало широко известно в литературных кругах Петербурга.

Из всех литературных знакомств Тургенева в 1854—1856 годах самым значительным для него было, пожалуй, знакомство с Л. Н. Толстым. Тогда только что появились в печати первые произведения Л. Толстого («Детство», «Отрочество», «Севастопольские рассказы» и другие), сразу же обратившие на себя внимание «чистотою нравственного чувства», по выражению Н. Г. Чернышевского, и, по его же определению, замечательной способностью автора изображать психологический процесс — «диалектику души». Необычной казалась и судьба Л. Толстого — аристократа, добровольцем уехавшего в армию на Кавказ, а затем, во время Крымской войны, — в Севастополь.

Встреча двух писателей была подготовлена их заочным знакомством: Тургенев с восторгом встретил первые литературные произведения Л. Толстого и заинтересовался судьбой молодого писателя. Он настойчиво советовал своим друзьям и знакомым читать всё, что печатал Л. Толстой; в авторе «Севастопольских рассказов» Тургенев увидел будущее русской литературы, перед которым «все наши попытки кажутся вздором». «Вот, наконец,

---

[1] Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929, стр. 229.

Л. Н. Толстой.
Фотография. 1853 год.

преемник Гоголя — нисколько на него не похожий, как оно и следовало» *(П II, 241)*, — восклицал Тургенев в письме к своему молодому приятелю Н. Ф. Миницкому 1 ноября 1854 года. Он был очень обрадован посвящением ему рассказа Толстого «Рубка леса», написанного, кстати сказать, под непосредственным влиянием автора «Записок охотника». «Ваше назначение — быть литератором, художником мысли и слова... — писал Тургенев Л. Толстому 3 октября 1855 года.— Если действительно Вам возможно приехать хотя на время в Тульскую губернию, — я бы нарочно явился сюда из Петербурга, чтобы познакомиться с Вами лично... Мне кажется, мы бы сошлись — и наговорились вдоволь — и, может быть, наше знакомство не было бы бесполезным для обоих» *(П II, 316)*. В свою очередь, Л. Толстой считал Тургенева признанным мастером литературы.

Л. Толстого с нетерпением ждали в Петербурге. Прибыв в конце 1855 года из-под Севастополя и «явясь прямо с железной дороги к Тургеневу», Толстой сразу же поселился на его квартире[1]. «Ты уже знаешь от Некра-

[1] Н. А. Некрасов, т. X, стр. 259.

сова, — писал Тургенев Боткину 3 декабря, — что Толстой здесь и живет у меня. Очень бы я хотел, чтобы ты с ним познакомился. Человек он в высшей степени симпатичный и оригинальный» *(П II, 324)*.

Через посредство Тургенева Толстой познакомился со всем кружком петербургских литераторов, имел полную возможность наблюдать гостей Тургенева и принимать участие в разговорах в его квартире. «Он вообще всем нравится, — сообщал Тургенев 8 декабря 1855 года сестре Толстого Марии Николаевне и ее мужу, — потому что в нем действительно много достолюбезного; как ему понравились литераторы, это он сам вам расскажет» *(П II, 327)*. Гончаров вспоминал, что по приезде в Петербург Толстой встречался с литераторами «почти ежедневно опять у тех же лиц — Тургенева, Панаева и проч. Говорили много, спорили о литературе, обедали весело — словом, было хорошо» [1].

Первое время Тургенев как-то особенно трогательно, почти по-отечески, относился к Толстому, мягко выговаривая ему за «неистовства» и снисходительно относясь к его «диким» высказываниям о литературе, образовании и т. д. Однако идиллическое любование Толстым продолжалось недолго. Уже в начале 1856 года их споры чуть не перерастают в ссоры. 5 февраля, за обедом у Некрасова, Толстой, в ответ на похвалу Тургенева новому роману Ж. Санд, «резко объявил себя ее ненавистником, прибавив, что героинь ее романов, если б они существовали в действительности, следовало бы ради назидания привязывать к позорной колеснице и возить по петербургским улицам» [2]. «Спор зашел очень далеко» *(П II, 337)*, — лаконично писал Тургенев В. П. Боткину. Насколько резкий

---

[1] «И. А. Гончаров. Необыкновенная история», стр. 14.

[2] Д. В. Григорович, стр. 250.

характер имели эти споры, свидетельствуют воспоминания А. А. Фета, свидетеля одного такого разговора Толстого с Тургеневым, точно передавшего не только слова, но и психологическое состояние обоих писателей. Речь зашла о политических убеждениях. «„Я не могу признать, — говорил Толстой, — чтобы высказанное вами было вашими убеждениями. Я стою с кинжалом или саблею в дверях и говорю: „пока я жив, никто сюда не войдет“. Вот это убеждение. А вы друг от друга стараетесь скрывать сущность ваших мыслей и называете это убеждением“. — „Зачем же вы к нам ходите? — задыхаясь и голосом, переходящим в тонкий фальцет (при горячих спорах это постоянно бывало), говорил Тургенев. — Здесь не ваше знамя! Ступайте к княгине Белосельской-Белозерской!“ — „Зачем мне спрашивать у вас, куда мне ходить! И праздные разговоры ни от каких моих приходов не превратятся в убеждения“»[1]. Атмосфера была накалена, и ссора могла вспыхнуть в любую минуту. В дальнейшем отношения Тургенева и Толстого станут еще более напряженными и сложными.

Значение встреч литераторов на квартире Тургенева было тем более существенным, что писатель в те годы играл большую роль в журнале «Современник». Письма Некрасова к Тургеневу тех лет буквально полны просьбами о сотрудничестве; редактор «Современника» совещался с ним относительно переводов иностранных произведений и стихов, присланных в журнал, и активно привлекал Тургенева к редакционной работе. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Отправляясь за границу в 1855 году, Некрасов писал Л. Толстому: «...Тургенев займет мою роль в редакции „Современника“ — по крайней мере, до той поры, пока это ему не

[1] А. А. Фет. Мои воспоминания, т. 1. М., 1890, стр. 106.

надоест...»[1] — и просил его держать связь с «Современником» через Тургенева. «Корреспонденцию свою по журналу передаю я Тургеневу», — добавлял Некрасов. По поручению Некрасова и Панаева в начале 1855 года Тургенев вел переговоры с Островским о возможности передачи в «Современник» комедии «Не в свои сани не садись», а во время отсутствия Тургенева в Петербурге Панаев, исполнявший обязанности редактора, постоянно советовался с писателем и информировал его об очередных книжках журнала.

Мнение Тургенева о редакционных делах «Современника» было очень веским для Панаева. Вот некоторые выдержки из писем Панаева к Тургеневу. 1 мая 1855 года: «Да присылай мне замечания на „Современник". Твои замечания и советы мне важны и необходимы»[2]. 15 июня 1855 года: «Напиши мне твои замечания о „Современнике"». 27 августа 1856 года: «Мы с Чернышевским употребляем все усилия, чтобы придать журналу разнообразие направления и значение, и потому совещаемся об этом часто. Ждем от тебя советов, наставлений, указаний для придания журналу свежести и современности»[3].

С приходом в «Современник» Чернышевского его влияние в журнале становилось всё более и более заметным и даже определяющим. Именно это и послужило предвестием раскола в рядах старых сотрудников «Современника». Программные работы Чернышевского, и прежде всего «Эстетические отношения искусства к действительности», вызвали явное раздражение Тургенева и его литературных друзей. И всё-таки мнение Тургенева о Чернышевском в те годы существенно отличалось от мнений

---

[1] Н. А. Некрасов, т. X, стр. 217.
[2] Сб. «Тургенев и круг „Современника"», стр. 31.
[3] «Литературное наследство», т. 73, кн. 2, стр. 109, 115.

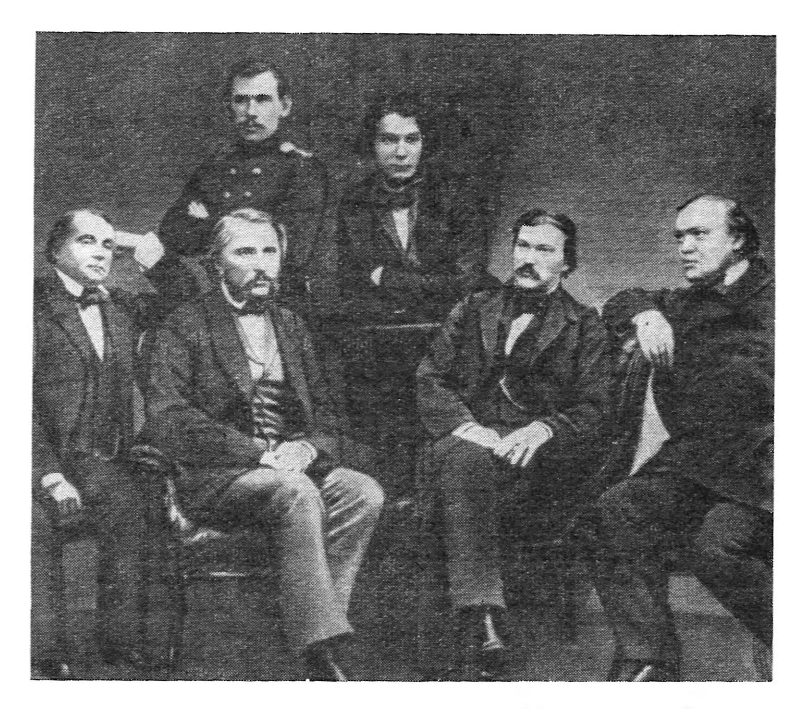
Боткина и Дружинина. Характерно в связи с этим отношение Тургенева к попытке его «артистических друзей» повлиять на направление журнала, вытеснив из него Чернышевского. Еще в 1855 году Дружинин, рассчитывая на поддержку Тургенева, писал ему о том, что он и Григорович «мимоходом внушали Некрасову разные полезные истины насчет „Современника"»[1]. Тургенев ответил молчанием.

Весной 1856 года Боткин попытался уговорить Некрасова пригласить в «Современник» вместо Чернышевского критика А. А. Григорьева. Но Тургенев и на этот раз не оказал сколько-нибудь заметного давления на редактора «Современника» и, кажется, вообще остался довольно равнодушен к предложению Боткина. А осенью того же 1856 года, зная, как высоко ставил Некрасов советы Тургенева, Дружинин, к тому времени уже покинувший «Современник», решил «сыграть ва-банк» и обратился к Тургеневу с решительными советами и предупреждениями: «Неужели же Вы не возьмете контроля в журнале и не выразите своего общего сотрудничества чем-нибудь иным, кроме поставки повестей? ...Положа руку на сердце, признайтесь,— неужели Вы довольны Чернышевским и видите в нем критика, и не обоняете запаха отжившей мертвечины в его рапсодиях, неловких и в цензурном отношении? С будущего года ответственность за это безобразие падет на вас, и станут говорить, что Тургенев и Толстой, наиболее поэтические из наших писателей, и поэт Некрасов терпят в своем журнале отрицание поэзии и вместо того показывают кукиши в кармане»[2].

Тургенев, однако, не оправдал ожиданий своего корреспондента. Он шире смотрел на вещи, чем его либераль-

---

[1] Сб. «Тургенев и круг „Современника"», стр. 175.
[2] Там же, стр. 193—194.

Группа сотрудников «Современника». Сидят (слева направо) И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин, А. Н. Островский; стоят Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович.
Фотография. 1856 год.

ные друзья. Выразив несогласие с некоторыми мнениями и тоном статей Чернышевского, он, вместе с тем, признал в нем достоинства большого критика. «Я досадую на него за его сухость и черствый вкус — а также и за нецеремонное обращение с живыми людьми... но „мертвечины" я в нем не нахожу, — писал Тургенев, — напротив: я чув-

ствую в нем струю живую, хотя и не ту, которую Вы желали бы встретить в критике. Он плохо понимает поэзию; знаете ли, что это еще не великая беда... но он понимает — как это выразить? — потребности действительной современной жизни... Я почитаю Чернышевского полезным; время покажет, был ли я прав» *(П III, 29—30)*. Споря со сторонниками «чистого искусства», Тургенев выступил защитником гражданского направления в литературе. По поводу статей самого Дружинина о Пушкине он писал Боткину 17 июня 1855 года: «Бывают эпохи, где литература не может быть *только* художеством — а есть интересы высшие поэтических интересов. Момент самопознания и критики так же необходим в развитии народной жизни, как и в жизни отдельного лица...» *(П II, 282)*.

Тургенев возвратился из ссылки в самый разгар Крымской войны. Эта война явилась поворотным этапом в историческом развитии России. Русская армия сражалась отважно и упорно против соединенных сил Франции, Англии и Турции. Защитники Севастополя показали образцы героизма и самоотверженности. И тем не менее война окончилась неудачей. Крепостническая Россия была слабее экономически и менее подготовлена к войне, чем буржуазные государства Запада. Всем было ясно, что в Крымской войне потерпела поражение не русская армия, а реакционное николаевское правительство и отсталый крепостнический строй. Неизбежность общественных преобразований становилась с каждым днем всё более и более очевидной. Одни только помещики-крепостники сопротивлялись неотвратимому ходу истории. Однако они «не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России» [1].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

Когда Тургенев вернулся в Петербург, положение на театре военных действий было тревожно. Война докатилась до самой столицы Российской империи. Флот англичан появился в 1854 году в Финском заливе, угрожая Кронштадту и Петербургу. Эта угроза вызвала новый прилив официального оптимизма. Об обстановке и настроениях, господствовавших в Петербурге в то время, Е. А. Штакеншнейдер, дочь архитектора, записала в своем дневнике: «Опустелый Петербург снова оживился, и надежды на победы, и угрозы закидать врага шапками снова его преисполнили. По улицам возили турецкие пушки, отбитые у неприятеля; с газетами разносили летучие листки реляций, и в них было всегда что-нибудь утешительное. И о чем было особенно горевать? О крови, льющейся в Севастополе? Судя по реляциям, ее лилось немного. За стереотипной фразой: „Неприятель понес значительную потерю убитыми и ранеными" — обыкновенно следовало: „У нас убит один казак". В средствах и силе России никто не сомневался, ни мы сами, ни даже враги наши, а о нашей славе давно ли напоминал Синоп» [1]. Но за официальным оптимизмом и самоуверенностью скрывались растерянность и страх перед неотвратимым поражением. Как вспоминала А. Я. Панаева, жители Петербурга летом 1854 года почти ежедневно могли видеть Николая I, беспрестанно курсировавшего между Петербургом и Петергофом. Он неподвижно и мрачно сидел в экипаже, и глаза его, устремленные куда-то вдаль, выражали озабоченность и растерянность.

Тургенев чутко следил за военными событиями. Летом 1854 года он не поехал, как обычно, в Спасское, а снял дачу в двух верстах от Петергофа, «чтобы быть на месте действия или, выражаясь правильнее, чтобы не слишком

---

[1] Е. А. Штакеншнейдер, стр. 40.

отдалиться от центра, куда будут приходить все известия» *(П II, 219)*. Рядом снимали дачу Панаевы и Некрасов. Тургенева мучает судьба Севастополя, он едет за 50 верст смотреть на английскую эскадру, появившуюся вблизи Красной Горки, и тяжелые размышления о будущем России всё чаще приходят ему на ум. «Жить теперь в Петербурге — особенно не выезжая никуда — тяжело» *(П II, 265)*, — писал Тургенев одному из своих корреспондентов в 1855 году. Но и уехав на лето в деревню, он не смог избавиться от тяжелых раздумий. «А, нечего сказать, живем мы в невеселое время, — признавался Тургенев в письме С. Т. Аксакову, отправленном из Спасского 3 августа 1855 года. — Война растет, растет — и конца ей не видать, лучшие люди (бедный Нахимов!) гибнут — болезни, неурожай, падежи...» *(П II, 305)*. Месяц спустя, узнав о сдаче Севастополя, Тургенев горестно заметил: «Хотя бы мы умели воспользоваться этим страшным уроком...» *(П II, 311—312)*. Мысль о необходимости коренных социальных и экономических перемен в России неотступно преследовала писателя и его ближайших друзей. О скором их наступлении особенно много говорили в 1855 году.

18 февраля 1855 года умер Николай I. Тургенев рассказывал впоследствии своей знакомой Н. А. Островской о тех днях: «Распространился слух о его [Николая I] смерти... но официального известия еще не было. Приходит ко мне Анненков. „Верно, — говорит, — брат был во дворце, сам видел...“ Анненков ушел. Мне не сидится дома, всё не верится. Побежал на улицу. Дошел до Зимнего дворца, — толпа. Кого спросить? Стоит солдат на часах. Я к нему, спрашиваю: „Правда ли, что наш государь скончался?“ Он покосился только на меня. Я опять: „Правда ли?“ Надоел я ему, должно быть, — отвечает срыву: „Правда, проходите“. — „Верно ли?“ — говорю,

„Кабы такое сказал, да было бы неверно, меня бы повесили...“ — и отвернулся. Ну, думаю, кажется — убедительно.

На похороны я смотрел из квартиры одного знакомого. Народу набралось много. Дам усадили у окошек, мужчины стояли за ними. Вот потянулась процессия. Передо мною одна барыня невыносимо кривлялась, стонала, ломала руки, насильственно рыдала, — давно уж она меня раздражала. Только вдруг восклицает она: „Кто? Какой русский, какой злодей не плачет об нем!“ Вы видите, я человек смирный, тихий, но тут я не выдержал, скорее за фуражку и вон» [1].

Смерть Николая I была многими воспринята как символ конца старой крепостнической России. «Я не видел ни одного человека, который бы не легче дышал, узнавши, что это бельмо снято с глаз человечества, и не радовался бы, что этот тяжелый тиран в ботфортах наконец зачислен по химии», — писал Герцен. «Николай *прошел*», по его выражению, и это значило, что «после его смерти нельзя продолжать его царствования», что полоса крепостнического застоя прошла как в экономической, так и в политической жизни страны. «Россия сильно потрясена последними событиями, — писал Герцен в 1855 году в объявлении о „Полярной звезде“. — Что́ бы ни было, она не может возвратиться к застою; мысль будет деятельнее, новые вопросы возникнут...» [2].

Такие надежды на «обновление» приобрели характер всеобщего убеждения. В. С. Аксакова, под непосредственным впечатлением события, 21 февраля 1855 года отметила в дневнике: «...Все невольно чувствуют, что какой-то

---

[1] «Тургеневский сборник» под ред. Н. К. Пиксанова. Пг., «Огни», 1915, стр. 89—90.

[2] А. И. Герцен, т. XVII, стр. 77; т. XII, стр. 265.

камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать; вдруг возродились небывалые надежды; безвыходное положение, к сознанию которого почти с отчаянием пришли наконец все, вдруг представилось доступным изменению»[1].

Тургенев не мог не разделять подобных мыслей всем сердцем.

Взгляды и настроения Тургенева тех лет лучше всего отразились в его произведениях — повестях и романе «Рудин», написанном, как он сам отмечал позднее, «в самый разгар Крымской кампании» *(XII, 304)*. В этих произведениях Тургенев как бы подвел итог своим прежним идеям: исторические события помогли ему определить окончательно культурно-историческую ценность «людей 40-х годов» и сказать об их роли в общественной жизни России в свете новых исторических задач.

В повестях 1854 года «Два приятеля» и «Затишье» Тургенев продолжает еще разоблачение человека неустойчивого, рефлектирующего, беспочвенного. Зато в «Переписке» и «Якове Пасынкове» картина заметно меняется. То отношение автора к своему герою, которое было только намечено в «Гамлете Щигровского уезда», в этих произведениях выражено с полной определенностью и мотивированностью.

Герой «Переписки», подобно уездному Гамлету, много говорит о своем «дрянном самолюбии», о склонности к эффектной позе и самолюбованию, об изменчивости и непостоянстве. С горечью казнит он скрытые и явные пороки — свои и своего поколения. Но, в отличие от Гамлета Щигровского уезда, он понимает, что, в сущности, «лишние люди» виноваты без собственной вины. Людьми уродливого ума и сердца их сделали неблагоприятные обстоя-

[1] В. С. Аксакова. Дневник. СПб., 1913, стр. 66.

тельства русской исторической жизни. «Обстоятельства нас определяют — они наталкивают нас на ту или иную дорогу и потом они же нас казнят», — говорит герой «Переписки». «У нас, русских, — продолжает он, — нет другой жизненной задачи, как опять-таки разработка нашей личности, и вот мы, едва возмужалые дети, уже принимаемся разработывать ее, эту нашу несчастную личность!» *(VI, 168)*. Беда, значит, в том, что условия русского социально-политического строя не открывают перед личностью возможностей для выхода на широкий простор общественной жизни. Образованный и мыслящий человек вынужден поэтому выполнять дело, единственно для него возможное,— «разработку своей личности».

Но в свете нового исторического опыта герой Тургенева понял теперь, что и это дело не было бесплодным и ненужным. Напротив, не подготовленные и не допущенные к живому общественному делу, люди, подобные герою «Переписки», выполняют свой долг перед обществом. Люди рефлексии, размышления, они становятся вольными или невольными пропагандистами; они приучают к мысли и сомнению окружающую их среду, до этого находившуюся в состоянии жалкого покоя. С ними связываются ожидания и надежды русской женщины. Героиня повести Марья Александровна пишет своему корреспонденту: «...Мы, женщины, по крайней мере те из нас, которые не удовлетворяются обыкновенными заботами домашней жизни, получаем свое окончательное образование всё-таки от вас — мужчин: вы на нас имеете сильное и большое влияние». Русская девушка, «уездная барышня», бессознательно ждет появления такого человека; он явился, и «все ее тревоги успокоены, все сомнения разрешены им; устами его, кажется, говорит сама истина; она благоговеет перед ним, стыдится своего счастья, учится, любит» *(VI, 171, 172)*.

Так, по-новому, ставится в «Переписке» вопрос о значении людей образованного круга. Характерно, что письма тургеневского героя посланы из Петербурга. Именно здесь, в центре передовой русской мысли, приходит Алексей Петрович, герой «Переписки», к пониманию гнетущей силы обстоятельств, мешающих образованным и мыслящим людям осуществить свои возможности. Именно здесь приобретает он тот исторический взгляд на «лишних людей», который позволяет ему понять не только их ущербность, но и заложенные в них силы мысли и анализа, которые сыграли в свое время положительную роль, быть может, еще не исчерпанную и поныне. Об этом говорили петербургские письма Алексея Петровича. Петербург, видимо, многому научил этого человека, некогда занятого только собой, своими чувствами, сомнениями и разочарованиями. Вспомним, что духовное прозрение другого романтика — гончаровского Александра Адуева — также произошло в атмосфере петербургской жизни.

В «Затишье» Петербург предстает перед нами в ином облике. После того как закончилась деревенская драма, мы в финале повести встречаемся с некоторыми ее героями в Петербурге, на Невском проспекте. Здесь, в кругу столичных «джентльменов», людей значительных и видных, процветает довольный собою Владимир Астахов, упрочивший свое состояние женитьбой на женщине богатой и с самыми лучшими связями. В окне щегольской кареты мы видим на минуту «бледное, усталое и раздражительно-надменное личико» его жены. Здесь мы встречаем приятеля Астахова, некоего г. Помпонского, который «занимал довольно важное место и ни разу с самой ранней юности не усомнился в себе». Здесь же прогуливается и беспокойный, постаревший Веретьев, но он, видимо, случайный гость в столице. До приезда сюда «скитался кой-где» и, вероятно, опять отправится куда-нибудь «запивать горе

вином», говоря его же словами. Это Петербург практических людей, противостоящий тому Петербургу мыслителей, откуда писал свои умные письма Алексей Петрович.

Главные мысли этого героя, бесспорно, должен был разделять сам Тургенев. Россия находилась накануне исторических перемен, и в этих условиях всякий «бессонный человек» должен был казаться ему человеком нужным, несмотря на его ошибки и грехи. Люди, враждебные крепостному застою, способные будоражить молодые умы, должны были предстать перед Тургеневым не только со стороны их отрицательных черт, исторически обусловленных, но и со стороны их положительных возможностей. даже если они не сумели проявить свои возможности на практике. Так созревал у Тургенева в середине 50-х годов замысел его первого романа.

Вскоре после выхода в свет «Рудина» современники обратили внимание на итоговый, обобщающий характер этого произведения по отношению к целой серии предшествующих рассказов и повестей Тургенева.

Роман «Рудин» был написан в довольно короткий срок. Тургенев написал на черновике: «Рудин. Начат 5 июня 1855 г., в воскресенье, в Спасском; кончен 24 июля 1855 в воскресенье, там же, в 7 недель. Напечатан с большими прибавлениями в январ. и февр. книжках „Современника" 1856 г.»[1]. За этими скупыми указаниями скрываются факты, свидетельствующие об огромной и напряженной творческой работе.

Тургенев привез из Спасского готовый роман, и вскоре, в октябре 1855 года, читал его в редакции «Современника». «Повесть я свою прочел, — писал он М. Н. Толстой, сестре писателя 17 октября 1855 года, — она понра-

[1] П. В. Анненков, стр. 408. Черновой автограф «Рудина», цитируемый здесь, утрачен.

В. П. Боткин.
Фотография. 1860-е годы.

вилась — но мне сделали несколько дельных замечаний, которые я принял к сведению» *(П II, 319)*. Эти замечания оказались настолько существенными, что потребовали от писателя напряженной работы и привели, в конце концов, к переделке всего романа.

В декабре Тургенев всё еще не считает роман законченным: постоянно консультируется с Некрасовым, Боткиным, Анненковым, читает роман разным литераторам, в том числе Чернышевскому, спрашивая у них совета, заботясь о «выдержанности тона» и верности характера главного героя. «Я уже многое переделал в «Рудине» и прибавил к нему. Некрасов доволен тем, что я прочел ему, — но еще мне остается потрудиться над ним» *(П II, 324)*, — писал Тургенев Боткину 3 декабря 1855 года. Говоря о прибавлениях, Тургенев имел в виду главным образом написанный им тогда рассказ о кружке Покорского. О нем Некрасов сообщал тому же Боткину 24 ноября 1855 года: «А Тургенев славно обделывает «Рудина». Ты дал ему лучшие страницы повести, натолкнув его на мысль развить студенческие отношения Лепицына [Лежнева] и Рудина. Прекрасные, сердечно-теплые страницы и — необходимейшие в повести!.. Теперь Тургенев работает над концом, который

также должен выйти несравненно лучше [1]. Словом, повесть будет и развита и закончена. Выйдет замечательная вещь. Здесь в первый раз Тургенев явится самим собою — еще всё-таки не вполне, — это человек, способный дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни» [2].

П. В. Анненков.
Фотография. 1860-е годы.

И наконец, в середине декабря, когда повесть была совсем готова, Тургенев сообщал Некрасову: «„Рудина" (1-ю часть) пришлю тебе сегодня же. Я теперь ее окончательно прохожу — прочти (я замечу страницу) импровизацию Рудина [гл. III] — и скажи, так ли — исправить еще можно» *(П II, 330)*.

В результате всех этих «больших прибавлений» к повести, сделанных в Петербурге, она превратилась в общественно-психологический роман, в котором выяснялась культурно-историческая ценность «лишнего человека». Трудная и упорная работа над «Рудиным», многократные совещания с друзьями — всё это вызвано было, как заметил А. В. Дружинин, стремлением писателя «возвести

[1] Имеется в виду сцена встречи Лежнева и Рудина на постоялом дворе. В 1856 году ею кончался роман.
[2] Н. А. Некрасов, т. X, стр. 259.

в ряд симпатических образов весь запас своих долгих, добросовестных наблюдений над современными недугами современных тружеников жизни», создать «нечто вроде исповеди целого поколения, имевшего важное влияние на собственное развитие наше»[1]. В словах Дружинина слышатся отголоски разговоров и толков в близких Тургеневу литературных кругах об особом характере его нового романа.

В этом романе Тургенев поставил вопрос о передовом деятеле современности. Может ли претендовать на эту роль один из лучших людей высококультурного дворянского слоя, человек, воспитывавшийся в кружке Станкевича, один из тех людей, о которых Чернышевский сказал: «Поэзиею упоены их сердца; слава готовила им венцы за благую весть, провозглашаемую от них людям, и, увлекаемые силою энтузиазма, стремились они вперед»[2]. Речь шла о том, может ли Рудин способствовать преобразованию общественной жизни России.

Тургенев показал, что у Рудина есть способность духовно пробуждать людей, но нет способности вести их за собой; он просветитель, но не преобразователь; в нем есть ум, но нет воли; в нем есть «гениальность», но нет «натуры». Способный к героическому порыву, о чем свидетельствует его смерть на баррикаде, он не способен к будничной, повседневной борьбе. Встретившись с жизненным затруднением, он не может преодолеть его и дает Наталье недостойный совет «покориться». Он оказывается, таким образом, ниже надежд Натальи, первой из «тургеневских девушек», в которых «сказалась та смутная тоска по чем-то, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая охватывает теперь всё

[1] А. В. Дружинин. Собр. соч., т. VII. СПб., 1866, стр. 365.
[2] Н. Г. Чернышевский, т. III, стр. 197.

русское общество», как будет через несколько лет писать Добролюбов о Елене из «Накануне»[1]. В то же время жизнь Рудина не прошла бесплодно, его слово было его делом, его горячая проповедь разбудила в Наталье «потребность новой жизни», и его признал своим учителем разночинец Басистов, этот «рослый малый», «некрасивый и неловкий, но добрый, честный и прямой» *(VI, 245)*, один из тех, кому принадлежит будущее.

Тургенев подчеркивает, что недостатки натуры Рудина порождены не зависящими от него обстоятельствами общественной жизни, ограничившими его возможности только «разработкой личности» в духе философских кружков 30-х годов. Однако из этих кружков он вынес стремление к тому, «что придает вечное значение временной жизни человека» *(VI, 269)*, крепкое убеждение, что «тот только заслуживает название человека, кто умеет овладеть своим самолюбием, как всадник конем, кто свою личность приносит в жертву общему благу» *(VI, 267)*, и горячее желание дать себе отчет «в потребностях, в значении, в будущности своего народа» *(VI, 263)*.

Правда, дальше этого стремления Рудин не идет. «Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно большое несчастье», — говорит Тургенев устами Лежнева. «Но опять-таки скажу, — признаёт Лежнев, — это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то уж винить его не станем» *(VI, 349)*. Гнет самодержавия, условия крепостного строя закрыли перед Рудиным пути к широкой общественной деятельности, практическому познанию России, — в этом и заключалась «судьба» Рудина, «судьба горькая и тяжелая», на которую намекает Лежнев, многозначительно прибавляя к приведенным словам: «Нас бы очень далеко повело,

[1] Н. А. Добролюбов, т. 6, стр. 120.

если бы мы хотели разобрать, отчего у нас являются Рудины» *(VI, 349)*.

Роман заканчивается, таким образом, историческим оправданием героя, которое было одновременно осуждением общественных условий, ограничивших горизонт возможностей Рудина и Рудиных.

Роман создавался в творческом общении с литераторами, близкими в те годы к «Современнику», и в значительной мере отражал мысли прогрессивной интеллигенции тех лет.

Славянофилы считали эту интеллигенцию специфически петербургской. К. С. Аксаков писал Тургеневу в июне 1856 года: «Покуда вам будет казаться возможным жить в Петербурге, по тех пор мы с вами на разных путях, по тех пор вы будете слабы и шатки» *(П II, 631)*. Но Тургенев думал иначе. Петербург был ему нужен, нужен идейно, и он собирался поспорить с Аксаковым о многом: «Я бы ему, между прочим, постарался объяснить причины, заставившие меня предпочитать Петербург Москве, как место жительства» *(П II, 374)*,— писал Тургенев С. Т. Аксакову. Однако эти слова были написаны уже не в Петербурге. В июле 1856 года, когда после Парижского мира представилась возможность снова поехать за границу, Тургенев уезжает в Париж. Но его связи с петербургскими литераторами и «Современником» не только не прерываются, но становятся всё более прочными. Еще до отъезда в Париж, в начале 1856 года, Тургенев, как и некоторые другие писатели (Островский, Григорович, Л. Толстой), заключил с редакцией «Современника» «обязательное соглашение», согласно которому обязывался сотрудничать исключительно в этом журнале.

Общественное оживление в конце 1850-х годов

Общество для пособия нуждающимся литераторам

Повести „Затишье“, „Фауст“, „Первая любовь“

Романы „Дворянское гнездо“, „Накануне“

Раскол в „Современнике“

„Парнасский приговор“

Два последующих года Тургенев провел за границей. Но все его помыслы были связаны с Россией: там с нетерпением ждали больших перемен. 1857—1858 годы были временем подготовки реформ, и писатель с обостренным вниманием следил за всеми мерами, направленными к разрешению крестьянского вопроса. Его письма в Россию убедительно свидетельствуют об этом: Тургенев крайне заинтересован в практических последствиях реформы и надеется принять непосредственное участие в скорых преобразованиях. «Да, графиня, я решился воротиться — и воротиться надолго, довольно я скитался и вел цыганскую

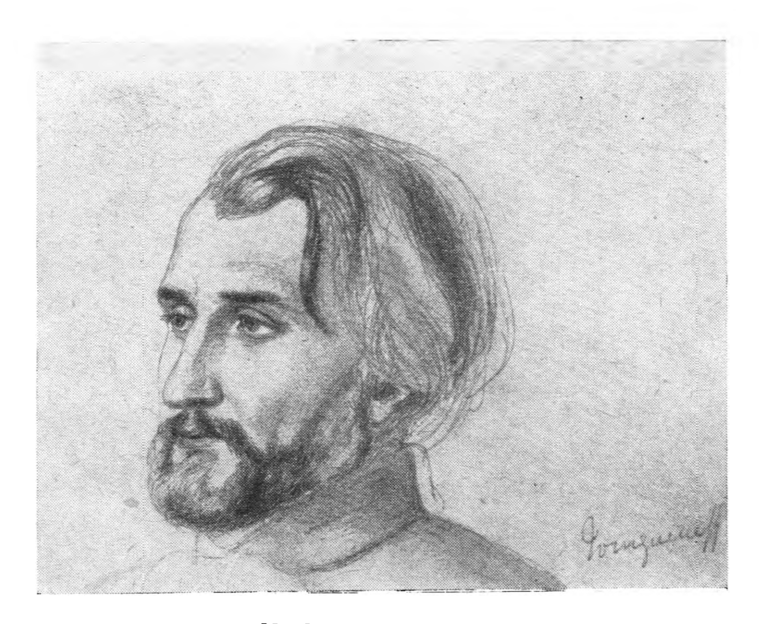
жизнь» *(П III, 139)*, — писал он 26 июля (7 августа) 1857 года одной из самых близких своих знакомых, графине Е. Е. Ламберт. Тургенев даже просит нанять ему с 15 октября квартиру, «вроде степановской [в доме Степанова — набережная Фонтанки, дом 38], только *теплую* — это главное условие; ничего, если окнами на двор или несколько высоко, но я хотел бы, чтоб она находилась не в дальнем расстоянии от Невского, цена рублей в 450. Квартира, в которой жил Некрасов, в Конюшенной, мне чрезвычайно нравилась — вот бы такую!» *(П III, 141)*.

Однако обстоятельства сложились неблагоприятно для Тургенева. Он заболел и уехал в Италию. Ему оставалось лишь издали следить за подготовкой крестьянской реформы. В Риме он узнал о царских рескриптах, опубликованных в декабре 1857 года, где впервые от имени монарха было сказано о готовящихся преобразованиях. И Тургенев снова стремится в Россию; в своем возвращении он видит исполнение гражданского долга и хочет «посвятить весь будущий [1858] год на окончательную разделку с крестьянами». «...Хоть всё им отдам — а перестану быть „барином“, — писал он Л. Толстому. — На это я совершенно твердо решился...» *(П III, 170—171)*.

В июне 1858 года Тургенев наконец возвратился в Петербург. Но в столице он намеревался пробыть недолго и остановился в гостинице Клея (ныне Европейская). Он проводит время в непрестанных встречах со знакомыми, главным образом писателями. «Тургенев, проезжая, пробыл здесь дня четыре, — писал Писемский Дружинину, — и всё это время у нас были обеды, и, между прочим, давали мы прощальный обед князю Щербатову, который окончательно вышел в отставку»[1]. Этот обед состоялся

[1] Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). — «Летописи», кн. IX. М., 1948, стр. 253.

Г. А. Щербатов — попечитель Петербургского учебного округа.

И. С. Тургенев.
Рисунок П. Виардо. Конец 1850-х годов.

9 июня 1858 года в ресторане Данона, который был расположен на Мойке у Певческого моста (ныне набережная Мойки, дом 24); а 7 июня Тургенев был в том же ресторане на обеде в честь возвратившегося в Россию художника А. А. Иванова, с которым он незадолго до этого познакомился в Италии. На обоих обедах присутствовала редакция «Современника».

В это время наметился перелом в отношениях писателя с «Современником». Всего год назад Тургенев предполагал принять в журнале руководящее участие. «...Мне

Невский проспект и Михайловская улица.
Литография 1850-х годов.

придется взять на руки хромающий „Современник"» *(П III, 128)*, — писал он М. Н. Толстой в июле 1857 года. Но ко времени приезда Тургенева в Петербург положение изменилось. Жизнь поставила перед мыслящими русскими людьми, перед литературой и публицистикой вопрос о судьбах России, о ее историческом пути, и прежде всего о том, как произойдет освобождение крестьян — «сверху» или «снизу», путем реформы или путем революции, какой общественный строй в России установится, что́ будет с помещичьим сословием и что́ с крестьянами, какова бу-

дет роль передовых людей во всех предстоящих событиях и что́ должны собой представлять новые деятели, которых ожидает Россия.

Ожесточенная борьба разделила русское общество на два непримиримых стана: на одной стороне были демократы и революционеры, на другой — консерваторы и либералы. Реакционеры, начинавшие понимать неизбежность либеральных реформ, и либералы, боявшиеся крутых поворотов, при всех различиях всё-таки составляли одно целое. Устои русской жизни, по их понятиям, должны были и после отмены крепостного права остаться неизменными: помещики — при своих земельных владениях, крестьяне — в той или иной зависимости от своих бывших господ. Монархический строй был, по их убеждению, незыблемой твердыней Российского государства, больше чем об умеренной конституции не мечтали даже самые смелые либералы. Мысль о мужицкой революции приводила в ужас и либералов и консерваторов, вызывая в их сознании страшные призраки разинщины и пугачевщины. Частные политические разногласия отходили на второй план перед лицом грозной опасности.

Годы 1859—1861-й справедливо считаются временем революционной ситуации. В крестьянстве усиливалось глухое недовольство. Революционный взрыв был вполне возможен. Это понимали не только передовые демократические деятели, но и помещики, и правительство, и сам царь. В. И. Ленин писал об этом: «Крестьянские „бунты“, возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*»[1]. В России действовали революционные кружки и группы, появлялись смелые прокламации, призывавшие

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

к бунтам, происходили студенческие волнения. Огромное влияние получил в то время герценовский «Колокол», распространявшийся по всей России; «Современник», руководящая роль в котором перешла к Чернышевскому и Добролюбову, стал органом революционной демократии. Он будоражил умы, и «могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров»* [1], вызывала злобу либерально-консервативных кругов и восхищение передовой молодежи. Это же можно сказать и о сатире Щедрина, о стихах Некрасова, о критических статьях Добролюбова, — словом, обо всей революционно-демократической литературе, содержанием которой была защита интересов трудового народа, прежде всего — многомиллионного русского крестьянства, и борьба против реакционных, консервативных и либеральных взглядов и теорий.

Во время краткого пребывания Тургенева в Петербурге редакторы «Современника» на многочисленных встречах, дружеских и полуофициальных, старались привлечь Тургенева на свою сторону. Некрасов, дороживший сотрудничеством Тургенева, возможно, пытался примирить писателя с новыми тенденциями в журнале. В 1858 году разрыв еще только назревал. Но не до споров было тогда Тургеневу: он спешил в деревню и 13 июня был уже в Спасском. Полемика с «Современником» и активная общественно-литературная деятельность целиком захватят Тургенева позднее, после возвращения из деревни.

В Спасском Тургенев пробыл до ноября 1858 года и действительно пытался, подобно Лаврецкому из «Дворянского гнезда», «упрочить быт своих крестьян» *(VII, 293)*, практически подготавливая тем самым, как он считал, будущее решение крестьянского вопроса. Он на-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т 5, стр. 29.

деялся тогда на скорое освобождение крестьян и верил в государственный разум Александра II, намеревавшегося, как казалось писателю, окончательно и справедливо разрешить самый больной вопрос русской жизни. Эти либерально-утопические надежды и ожидания и определили общественно-литературную позицию Тургенева в конце 50-х годов. Она ясно выразилась в его общественной деятельности по приезде в Петербург, в разрыве с журналом «Современник», в его повестях и романах.

Вернувшись в Петербург в ноябре 1858 года, Тургенев поселился, как и хотел, в центре города, на Большой Конюшенной улице в доме Вебера, в кв. 34 (ныне улица Желябова, дом 13). Здесь он жил до апреля 1860 года, за исключением лета и осени 1859 года, которые провел в Спасском и во Франции, и кратковременной отлучки в Москву во время печатания там романа «Накануне».

Его жизнь сразу же вошла в привычную колею; внешне казалось, что Тургенев и не уезжал из Петербурга. Двери его квартиры были всегда гостеприимно открыты; писатель снова оказался «посреди шума и говора приемов и массы посетителей» [1]. Он устраивал еженедельные обеды для литераторов и литературные вечера, на которых слушатели знакомились с выдающимися произведениями русской литературы, еще не появившимися в печати. В середине декабря 1858 года, в присутствии многочисленных друзей, в квартире Тургенева был прочитан только что законченный роман «Дворянское гнездо». Зимой 1859 года здесь А. Н. Островский познакомил петербургских литераторов с драмой «Гроза», по отзыву Тургенева, «удивительнейшим, великолепнейшим произведением русского, могучего, вполне овладевшего собою таланта» *(П III, 375)*. Вскоре Писемский прочел свою антикрепостническую

---

[1] П. В. Анненков, стр. 424.

драму «Горькая судьбина», которую Тургенев усиленно рекомендовал затем своим знакомым и помогал автору устраивать чтения в петербургских литературных домах и салонах. В марте 1860 года петербургский «литературный ареопаг» ознакомился с новой повестью самого Тургенева «Первая любовь».

Тургенев часто появляется у своих знакомых: на ежемесячных обедах у Некрасова, устраиваемых по случаю выхода очередного номера «Современника», у Гончарова; принимает участие в литературных, артистических и общественных торжествах. 8 февраля 1859 года он присутствует на обеде бывших студентов Петербургского университета. На это полуофициальное торжество, состоявшееся в доме одного из бывших студентов — Тимофеева, собралось около 40 человек, и его участники тепло встретили произнесенный А. В. Никитенко тост в честь Тургенева как одного из лучших писателей России. А через месяц, 10 марта, Тургенев, вместе с Гончаровым, Григоровичем и Дружининым, был организатором чествования артиста Александринского театра А. Е. Мартынова.

В этот приезд Тургенева в Петербург значительно расширился круг его знакомых. В феврале 1859 года писатель познакомился с группой украинских общественно-литературных деятелей, живших в Петербурге. 15 февраля он писал критику и беллетристу И. В. Павлову: «Я здесь с недавних пор погрузился в малороссийскую жизнь. Познакомился с Шевченкой, с г-жою Маркович (она пишет под именем Марко Вовчок) и со многими другими, большей частью весьма либеральными хохлами. Сама г-жа Маркович весьма замечательная, оригинальная и самородная натура (ей лет 25); на днях мне прочли ее довольно большую повесть под названием „Институтка“, от которой я пришел в совершенный восторг: этакой свежести и силы еще, кажется, не было — и всё это растет само из

земли как деревцо. Я имею намерение перевести эту „Институтку", хотя и не скрываю от себя трудности этой задачи» *(П III, 273)*[1]. М. А. Маркович и ввела Тургенева в петербургскую «малороссийскую жизнь», прежде всего познакомив его с Т. Г. Шевченко, недавно вернувшимся из ссылки и поселившимся в мастерской своего знакомого по Академии художеств. Здесь и произошла первая встреча двух писателей; здесь же Тургенев встретился с В. Я. Карташевской, в доме которой по вечерам собиралась вся группа украинских литературных и общественных деятелей. Кроме Шевченко и М. А. Маркович здесь бывал известный историк Н. И. Костомаров, писатель, публицист и биограф Гоголя П. А. Кулиш, украинский общественный деятель, публицист, в 1861—1862 году издававший в Петербурге журнал «Основа», В. М. Белозерский, журналист и издатель журнала «Народное чтение» А. А. Оболонский и другие. Дом Карташевской посещали поэт А. М. Жемчужников, П. В. Анненков и другие петербургские литераторы. Тургенев всегда с удовольствием вспоминал «небольшой и не щегольски меблированный — но тем не менее любезный и приветный „салон"» *(П III, 362)* Карташевской на Малой Московской улице (ныне дом 4—6).

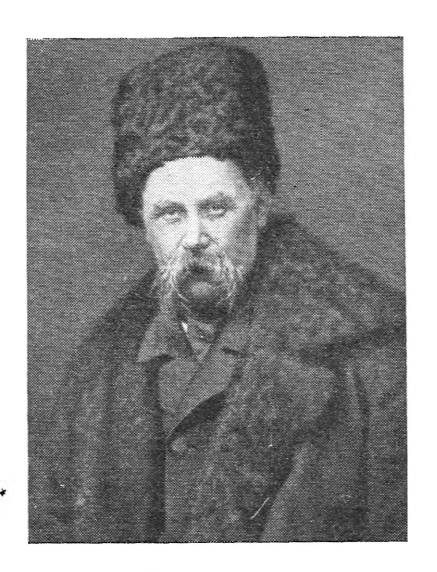
В 1859 году Тургенев часто видится со своими новыми знакомыми. Зимой 1860 года его встречи с украинскими писателями становятся реже, и он сразу же отмечает это в письме к М. А. Маркович: «Малороссов здешних я вижу — но не так часто, как в прошлом году — особенно Шевченку» *(П IV, 9)*. Однако после кратковременной поездки в Москву, в марте того же года, его связи с «малороссийским миром» становятся прежними. «Я часто

[1] Тургеневский перевод «Институтки» Марко Вовчок опубликован: «Отечественные записки», 1860, № 1.

вижусь с Шевченко, с Карташевскими» *(П IV, 58)*,— уведомлял он ту же Маркович 20 марта 1860 года. Тургенев вводит украинских писателей в круг петербургских литераторов и общественных деятелей. Особенную симпатию вызвал в нем Шевченко, которого писатель приглашает на свои обеды. «Он посетил меня несколько раз, — вспоминал впоследствии Тургенев, — но о своей изгнаннической жизни говорил мало; лишь по иным отрывочным словам и восклицаниям можно было понять, как солоно она пришлась ему и какие он перенес испытания и невзгоды» *(XIV, 228)*.

Некоторые из этих кратких рассказов Шевченко Тургенев передал в своих воспоминаниях об украинском поэте. В них писатель набросал портрет Шевченко, в котором ясно проступает отношение Тургенева к этому необычному новому знакомому: «Широкоплечий, приземистый, коренастый, Шевченко являл весь облик козака, с заметными следами солдатской выправки и ломки. Голова остроконечная, почти лысая; высокий морщинистый лоб, широкий, так называемый «утиный», нос, густые усы, закрывавшие губы; небольшие серые глаза, взгляд которых, большей частью угрюмый и недоверчивый, изредка принимал выражение ласковое, почти нежное, сопровождаемое хорошей, доброй улыбкой; голос несколько хриплый, выговор чисто русский, движения спокойные, походка степенная, фигура мешковатая и мало изящная. Вот какими чертами запечатлелась у меня в памяти эта замечательная личность. С высокой бараньей шапкой на голове, в длинной темно-серой чуйке с воротником из черных мерлушек, Шевченко глядел истым малороссом, хохлом; оставшиеся после него портреты дают вообще верное о нем понятие» *(XIV, 228)*. Фет, наезжавший в Петербург, неоднократно видел Шевченко у Тургенева. Об одном из таких посещений известно из единственной дошедшей до нас записки

Тургенева к Шевченко, написанной в марте или начале апреля 1860 года: «Любезнейший Тарас Григорьевич, Вы желали познакомиться с Спешневым: он у меня *завтра* обедает — приходите. Мы все (и он, разумеется) будем очень рады видеть Вас. До свидания. Искренно Вам преданный *Ив. Тургенев» (П IV, 64)*.

Т. Г. Шевченко.
Портрет И. Н. Крамского.

Любопытно здесь упоминание о Спешневе. Это был один из самых радикальных участников кружка Петрашевского. В 1860 году, возвратившись из ссылки, он находился проездом в Петербурге. Отметим, кстати, что Тургенев в 1859 году встречался и с петрашевцем А. П. Милюковым. Об интересе писателя к петрашевцам свидетельствует и повесть «Пунин и Бабурин», герой которой, Бабурин, изображен как участник этого революционного кружка 40-х годов. С одним из главных его деятелей Тургенев, как мы видим, стремился сблизить «народного поэта Малороссии».

Те немногие случаи, когда Тургеневу удавалось слышать чтение украинского поэта, навсегда запали в его душу. «Только раз, помнится, он прочел при мне свое прекрасное стихотворение «Вечір» («Садок вишневий...» и т. д.) — и прочел его просто, искренне; сам он был тронут и тронул

всех слушателей: вся южнорусская задумчивость, мягкость и кротость, поэтическая струя, бившая в нем, тут ясно выступила на поверхность», — вспоминал писатель.

Тургенев видел в литературно-общественном малороссийском кружке, и прежде всего в Шевченко и Марко Вовчок, начало «литературного возрождения» Украины. Кроме того, тяжелая судьба Шевченко вызывала сочувствие петербургских литераторов и талант его привлекал «своей оригинальностью и силой». «...Мы приняли его с дружеским участием, с искренним радушием», — вспоминает Тургенев. «Вообще это была натура страстная, необузданная, сдавленная, но не сломанная судьбою, простолюдин, поэт и патриот» *(XIV, 227, 228, 230)*, — писал он.

И в то же время в отношении Тургенева к Шевченко и всему украинскому «литературному возрождению» постоянно оставался тон своеобразного недоверия. Он воспринимал борьбу украинских патриотов за национальную литературу как претензию «на всемирность», на мировое признание, и потому в письмах Тургенева и в его воспоминаниях о Шевченко иной раз встречается оттенок иронии. Но гораздо существеннее общее сочувствие Тургенева к украинской литературе, к ее судьбе, к первым попыткам ее определить свое национальное значение. Именно этим объясняется, что Тургенев посоветовал Герцену поместить в «Колоколе» некролог о Шевченко, этим объясняется и тот интерес, с которым он воспринял известие о пражском издании «Кобзаря» в 1876 году. Для этого издания Тургенев написал несколько страничек воспоминаний и затем подал французскому критику Э. Дюрану мысль написать очерк о жизни и творчестве украинского поэта и сам помогал Дюрану в работе над этим очерком.

Хотя главное место в жизни Тургенева занимают литературные интересы, он поддерживает связи и со светской средой. Чаще всего он бывает у графини Е. Е. Лам-

берт, жившей в собственном доме на Фурштадтской улице, появляется даже в придворных кругах: на обедах у князей Черкасских и у великой княгини Елены Павловны, на вечерах у ее фрейлины княгини Львовой, у баронессы Э. Ф. Раден, тоже фрейлины Елены Павловны. Зимой 1859 года Тургенев был на балу у великой княгини, где присутствовала вся знать и император Александр II.

Этот круг знакомств не был случаен для Тургенева. Елена Павловна считалась тогда главой либерально-аристократической партии, стоявшей за освобождение крестьян, и писатель, познакомившийся с великой княгиней в Риме в 1857—1858 годах через В. А. Черкасского, активного участника комитетов по подготовке крестьянской реформы, был в курсе всех перипетий хода «крестьянского дела» в России.

Петербург, более чем какой-либо другой город Российской империи, был охвачен в конце 50-х годов предчувствием будущих перемен. Эти предчувствия не только поддерживали интерес к различного рода правительственным комиссиям и комитетам, но и вызывали кипучую общественную деятельность. Составлялись многочисленные адреса, коллективные письма, протесты. В 1859 году начало свою деятельность основанное по инициативе А. В. Дружинина Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд); появление его стало весьма заметным событием в общественной жизни Петербурга.

В этой кипучей общественной деятельности принял участие и Тургенев. К 1859 году относится смелое общественное выступление писателя. 26 февраля 1859 года «по высочайшему повелению» была закрыта издававшаяся в Петербурге на польском языке газета «Slowo», а ее редактор, Иосафат Петрович Огрызко, посажен в Петропавловскую крепость. Эта умеренно-либеральная газета про-

существовала всего несколько месяцев. Причина репрессий заключалась в том, что в последнем, пятнадцатом номере газеты было опубликовано письмо польского историка Иоахима Лелевеля к Огрызко и профессору Петербургского университета А. Чайковскому. Участник восстания 1830 года, Лелевель после подавления восстания эмигрировал во Францию. Его письмо, самое невинное по содержанию, редакция газеты дополнила сочувственным примечанием. Но одно упоминание имени эмигранта и «государственного преступника» вызвало опасения цензора К. С. Оберта, и он сообщил об этом председателю петербургского цензурного комитета И. Д. Делянову. Тот не увидел ничего опасного в письме и, основываясь на том, что имя Лелевеля уже упоминалось в польской периодической печати, пропустил весь представленный в цензуру материал.

Дело бы тем и кончилось, если бы на корреспонденцию не обратил внимание М. Д. Горчаков, наместник Царства Польского, находившийся тогда в Петербурге. Он и потребовал репрессий по отношению к Огрызко. «Виновником ... называют Горчакова, наместника Царства Польского, который теперь здесь, — записал в своем дневнике А. В. Никитенко. — Он напал на редактора за напечатанное в его газете письмо Лелевеля — письмо, одно по себе, может быть, и невинное, но преступное потому, что оно доказывает связь редактора с государственным преступником. Чего нельзя представить в ужасном виде? Во всяком случае это весьма печальное событие. Это первая жестокая мера по отношению к печати в нынешнее царствование» [1].

Не помогло даже заступничество Делянова, который настойчиво ходатайствовал за Огрызко перед начальником

[1] А. В. Никитенко, т. II, стр. 66—67.

III отделения князем В. А. Долгоруковым, считая себя единственным виновником появления письма в печати; он сам получил «строгое замечание». Весьма сочувственно к Огрызко был настроен и Долгоруков, а в самых широких общественных кругах Петербурга это дело оказалось предметом всеобщих толков. «Заключение его [Огрызко] в крепость и запрещение журнала вызвали в публике самое тяжелое впечатление. Говорят, государь согласился на эту меру только потому, что Горчаков (варшавский) объявил, что не поедет обратно в Варшаву, если Огрызко не будет посажен в крепость. В совете министров за Огрызко сильно стояли Ковалевский, Ростовцев и князь Долгорукий [В. А. Долгоруков]»[1]. Так передавал Никитенко слухи о ходе дела Огрызко.

Отзвуком этих всеобщих толков была попытка ряда писателей апеллировать к самому Александру II; среди писем на имя императора самым известным в обществе оказалось обращение Тургенева, написанное 5 марта 1859 года.

Оно носило несколько необычный характер. Дело Огрызко почти не упоминается в письме, не излагаются необходимые в такого рода бумагах доводы в пользу обвиняемого. Но зато бросается в глаза нарочитое желание автора, воспользовавшись фактом, предостеречь царя, указать ему, что «в последних действиях правительства» нет твердого желания последовательно идти по пути справедливого осуществления реформ. «Заключение лица невинного, — писал Тургенев, — если не перед буквой, то перед сущностью закона, запрещение журнала, имевшего целью самостоятельное, то есть единственно разумное, соединение и примирение двух народностей — эти меры и другие, с ними однородные, опечалили всех искренно преданных

[1] А. В. Никитенко, т. II, стр. 69.

Вашему величеству людей, устранили возникавшее доверие, потрясли чувство законности, столь еще, к сожалению, слабое в народном нашем сознании, — отсрочили эпоху окончательного слияния государственных и частных интересов — того слияния, в котором Власть находит самую надежную для себя опору. Никогда еще, государь, в течение последних четырех лет, общественное мнение так единодушно не выражалось против правительственной меры» *(П III, 397—398).*

Хлопоты Тургенева мало помогли Огрызко. Зато они навлекли на Тургенева неудовольствие императора. Тургенев рассказывал Анненкову, что, «встретившись с государем на улице и поклонившись ему, он мог приметить строгое выражение на его лице, а в глазах прочесть как бы упрек: „Не мешайся в дело, которого не разумеешь“» [1].

Писатель принял самое активное участие и в делах только что основанного Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Среди учредителей общества были люди самых разных убеждений — от умеренных либералов до Н. Г. Чернышевского. Проект устава предусматривал деятельность общества лишь на основе «дружного и бескорыстного участия литераторов». Оно ставило своей задачей оказание помощи нуждающимся писателям и ученым, предоставление возможности получить образование способным молодым людям и издание полезных для науки и примечательных в художественно-общественном отношении произведений. Окончательное одобрение проекта произошло на обеде у Тургенева 9 февраля 1859 года. Здесь устав был подписан и через Ег. П. Ковалевского, брата министра народного просвещения, передан министру. 7 ноября 1859 года после ряда дополнений устав был утвержден Александром II, и 8 ноября у Ег. П. Ковалев-

---

[1] П. В. Анненков, стр. 451.

Комитет Литературного фонда. С и д я т (слева направо) А. В. Никитенко, А. А. Краевский, Ег. П. Ковалевский, И. С. Тургенев, К. Д. Кавелин, А. Д. Галахов; с т о я т С. С. Дудышкин, Е. И. Ламанский, А. П. Заблоцкий-Десятовский, П. В. Анненков, Н. Г. Чернышевский, А. В. Дружинин.

Фотография. 1859 год.

ского состоялось первое заседание учредителей общества, где и объявили о его открытии.

Тургенев был еще в деревне. Болезнь и крестьянские дела задержали его в Спасском, хотя он и писал друзьям, что «очень бы желал быть в Петербурге к 8-му ноября» *(П III, 359)*. По возвращении Тургенев сразу же включился в деятельность общества: он был выбран членом комитета.

Прежде всего перед обществом встал вопрос о средствах. По предложению Тургенёва, Писемского и Островского было решено организовывать силами литераторов и ученых литературные чтения и лекции в пользу Литературного фонда. Возможно, эту мысль первым подал Тургенев.

Первое чтение состоялось 10 января 1860 года в зале «Пассажа» (в доме, где теперь размещается Ленинградский драматический театр имени В. Ф. Комиссаржевской, ближе к Невскому). Помещение было безвозмездно предоставлено в пользу общества торговым домом Похитонова, Водова и Струговщикова. Тургенев стал главным организатором этого первого литературного чтения.

Публичное выступление русских литераторов вызвало огромный интерес петербургской публики и прошло с большим успехом. Но наиболее тепло был встречен Тургенев. Известный революционный деятель 60-х годов Л. Ф. Пантелеев вспоминал: «...В течение нескольких минут не умолкали рукоплескания. Тургенев, хотя и с заметной проседью, но еще во всей красе сорокалетнего возраста, только успевал раскланиваться; наконец установилась тишина. На этот прием Тургенев ответил так: „Как ни глубоко тронут я знаками выказанного мне сочувствия, но не могу всецело принять его на свой счет, а скорее вижу в нем выражение сочувствия к нашей литературе". Новые рукоплескания, и только когда Тургенев дал понять, что хочет приступить к чтению, мало-помалу публика затихла. Голос у И. С. был негромкий, не особенно приятный... Нечего и говорить, что когда Тургенев кончил, то рукоплесканиям и вызовам не было конца; почти вся публика встала, дамы махали платками, мужчины не жалели своих рук» [1].

---

[1] Л. Ф. Пантелеев, стр. 221—222.

Другой участник вечера, историк литературы А. Д. Галахов, связывал успех Тургенева на этом вечере с его популярностью как беллетриста. Он вспоминал впоследствии: «Надобно было присутствовать, чтобы понять впечатление, произведенное его выходом. Он долго не мог начать чтение, встреченный шумными, громкими рукоплесканиями, и даже несколько смутился от такого приема, доказавшего, что он был в то время наш излюбленный беллетрист. Особенное чувство высказывали те посетители, которые, будучи очень хорошо знакомы с его сочинениями, впервые лицом к лицу увидали сочинителя» [1].

Впрочем, теплый прием был оказан и другим участникам вечера. Подробно написала о нем в своем дневнике Е. А. Штакеншнейдер. «Это — событие» — так расценила она этот литературный вечер. Первым выступал Полонский: он был болен и не мог долго ждать, — «ему много аплодировали». «Но что было, когда на смену ему вступил на эстраду Тургенев, и описать нельзя. Уста, руки, ноги гремели во славу его. Он читал свою статью „Параллель между Гамлетом и Дон-Кихотом". Она, ну скажу, просто мне не понравилась. [П. Л.] Лавров говорит: „Умно, очень умно построена, но парадокс на парадоксе"». «За ним читал Майков „Приговор". Майков читает хорошо, умно. Публично ведь все они читали в первый раз. А это ведь не то, что читать в гостиной, в знакомом кружке. В средине чтения Майкова прорвался неожиданный, но общий аплодисмент на слове „свобода". После Майкова читал Бенедиктов „Борьбу" и „И ныне". И „Борьба" произвела фурор, публика просто неистовствовала от восторга и заставила ее повторить. ...Некрасов читал вслед за Бенедиктовым: „Блажен незлобивый поэт" и „Еду ли ночью по улице темной". Публика требовала „Филантропа",

---

[1] «Исторический вестник», 1892, № 1, стр. 141.

объявленного на афише. Но Некрасов объяснил, что его ему прочесть будет трудно для груди. ...Последним читал Маркевич... Так прошел и окончился первый наш литературный вечер» [1].

Тургенев и в дальнейшем принимал самое непосредственное участие в организации литературных чтений в пользу Литературного фонда. В начале февраля 1860 года, вместе с Островским, Фетом и другими литераторами, он участвовал в организации вечера в Москве, и после возвращения в столицу комитет поручил ему организовать третье и четвертое чтения (23 и 27 февраля 1860 года). Тургенев пригласил участвовать в них А. Майкова, Островского, Полонского, Писемского, Некрасова. В одном из чтений принял участие и Шевченко, тепло принятый аудиторией.

16 марта 1860 года петербургские литераторы дали литературный вечер в пользу нуждавшихся студентов Петербургского университета. Тургенев активно способствовал организации и этого вечера. «В прошлую среду, — писал корреспондент «С.-Петербургских ведомостей»,— был... литературный вечер в пользу нуждающихся студентов Петербургского университета, в котором приняли участие: г. Тургенев, прочитавший свой первый рассказ из „Записок охотника" — „Хорь и Калиныч", г. Островский, читавший „Семейную картину" и сцены из комедии „Свои люди — сочтемся", гг. Некрасов, Майков и Полонский, которые прочли свои стихотворения. Вечер этот, бывший в зале университета, собрал довольно многочисленную публику» [2].

Литературный фонд устраивал также публичные лекции. Читать их согласились видные ученые М. М. Стасю-

---

[1] Е. А. Штакеншнейдер, стр. 245—247.
[2] «С.-Петербургские ведомости», 1860, 20 марта.

левич, П. Л. Лавров, Н. И. Костомаров, В. Д. Спасович и другие. Тургенев и в этом случае способствовал устройству таких лекций, в частности — «Бесед о современном значении философии» П. Лаврова. Возможно, что в пользу общества пошел сбор с двух лекций самого Тургенева — «О Пушкине и его влиянии на нашу литературу и общество», которые он прочел в зале Бенардаки 19 и 22 апреля 1860 года (ныне Дом работников искусств; Невский проспект, дом 86). О них сообщалось в фельетоне «Петербургская жизнь» Нового поэта (псевдоним И. И. Панаева): «...г. Тургенев читал в зале г. Бенардаки о Пушкине. Я не был на этих великосветских литературных вечерах и потому ничего не могу сказать о них. Второе чтение о Пушкине, говорят, было совершенно замечательно. Здесь впервые перед этим избранным обществом произнесено было имя Белинского. На многих оно произвело не совсем благоприятное впечатление. Я слышал, будто один из литературных авторитетов старого времени заметил Тургеневу после чтения, что присоединение имени Белинского к именам Пушкина, Лермонтова и Гоголя — очень дико, да и что́ бы ни говорили, а, по его мнению, Белинский всё-таки был не более как невежественный крикун. Я не ручаюсь за подлинность этих слов... Мало ли что говорят?..» [1]. Позднее Панаев характеризовал это выступление Тургенева как «изумительный подвиг» [2]. Сам Тургенев воспроизвел отрывок из своей лекции в «Воспоминаниях о Белинском», ошибочно отнеся их к 1859 году. Он тоже отметил, что упоминание имени Белинского «возбудило негодование» большей части слушателей *(XIV, 37)*.

Наконец, еще одним предприятием Литературного фонда были любительские спектакли с участием литераторов.

---

[1] «Современник», 1860, № 5, стр. 113.

[2] И. И. Панаев, стр. 318.

Они состоялись в зале Руадзе (на углу Большой Морской и Кирпичного переулка, вход с Мойки; дом выходил на три улицы; ныне набережная Мойки, дом 61). 14 апреля 1860 года был дан «Ревизор», а 18 апреля — «Женитьба» Гоголя и «Провинциалка» Тургенева.

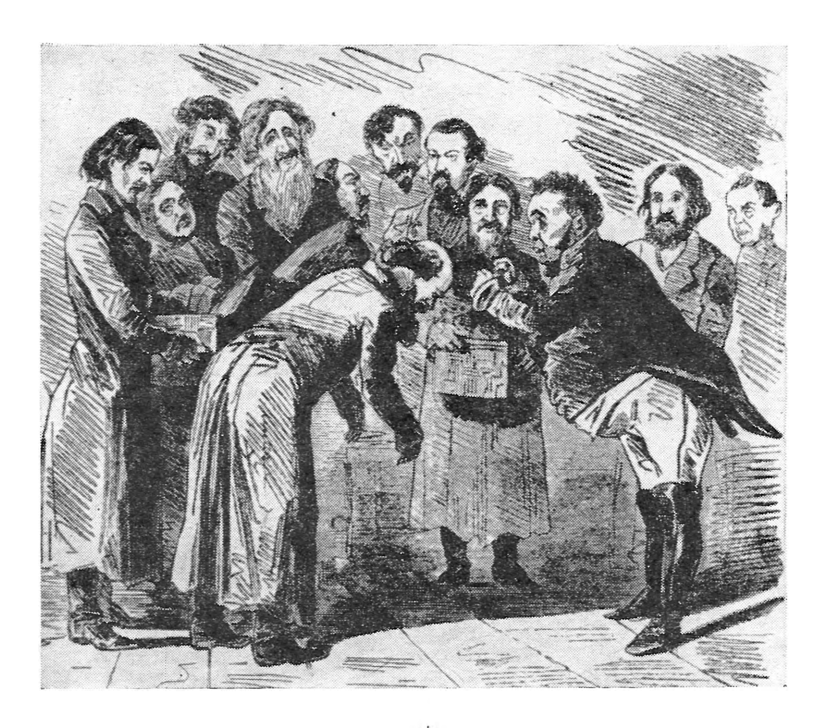
«Ревизор» особенно привлек внимание публики благодаря поистине необыкновенному составу исполнителей. Публика «собралась повидать своих излюбленных литераторов в совершенно новом положении». В спектакле приняли участие многие известные писатели. Хлестакова играл поэт П. И. Вейнберг, городничего — Писемский, почтмейстера Шпекина — Достоевский, роль Анны Андреевны исполняла актриса и писательница И. С. Кони. На роль купца Абдулина приглашали Островского, но он не смог приехать в Петербург и вместо него выступил Ф. А. Кони. Осипа с большим успехом играл студент Ловягин. Устроители спектакля настойчиво уговаривали и других петербургских писателей взять хоть какие-нибудь роли. Но они отказались, и тогда Вейнберг предложил им выйти на сцену в качестве безмолвных купцов. По единодушному свидетельству современников, когда Тургенев, Григорович, Ф. Кони, Майков, Дружинин и В. Курочкин появились на сцене, то «что́ тут происходило в течение нескольких минут — и рассказать трудно» [1]. «Уже один вид Тургенева с pince-nez на носу и головою сахара в руках, в длиннополом сюртуке, — чего стоил!» [2]. Вейнберг — Хлестаков даже вынужден был отойти в сторону, присесть на стул и ждать несколько минут, пока не утихнут рукоплескания.

Второй спектакль, также имевший большой успех, про-

---

[1] Л. Ф. Пантелеев, стр. 231.

[2] П. Вейнберг. Литературные спектакли. — «Ежегодник императорских театров». Сезон 1893—1894. Приложения, т. 3. СПб., 1895, стр. 107.

«Ревизор» в постановке писателей.
Карикатура из „Искры". 1860 год.

шел, однако, почти без участия литераторов. Из писателей в «Женитьбе» играли Вейнберг, Писемский и И. Кони. Роль графа Любина в «Провинциалке» была сначала предложена Тургеневу, но он отказался и вместо него играл Вейнберг в паре с любимицей петербургской публики актрисой В. В. Самойловой.

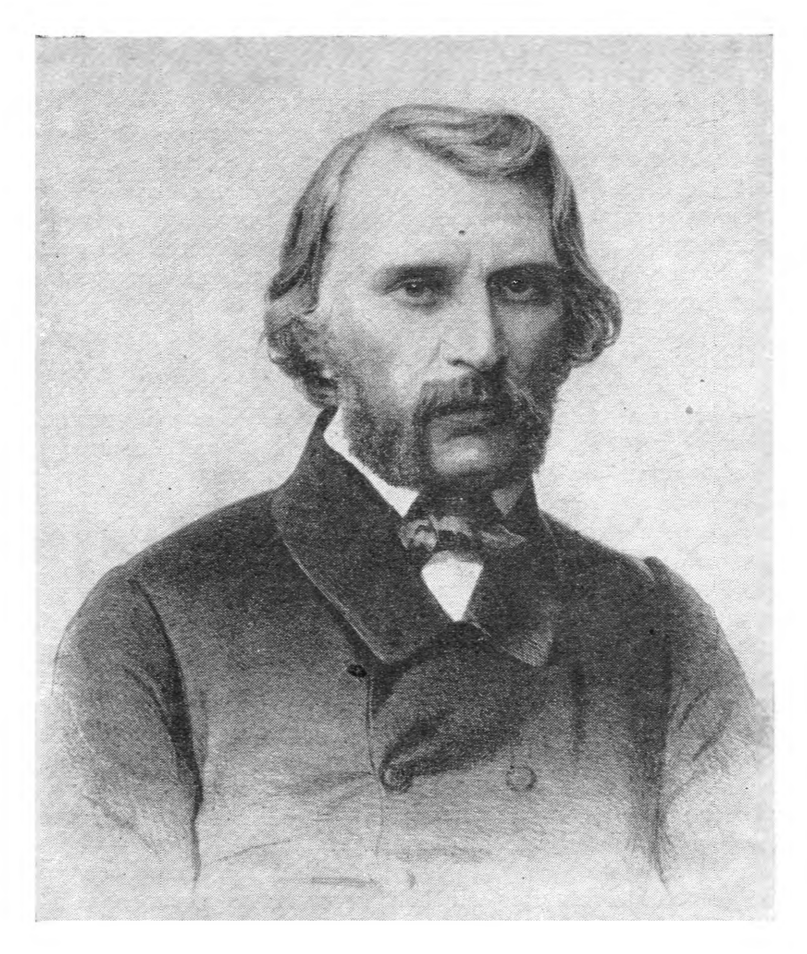
Тургенев принимал участие в делах Литературного фонда не только как исполнитель и организатор литературных чтений и любительских спектаклей. Он был одним из инициаторов важного дела, предпринятого обществом, — ходатайства о выкупе на волю братьев и сестры Т. Г. Шевченко. Тургенев собрал сведения о семье поэта, и по его предложению, как сообщает официальная «Летопись» Литературного фонда, «комитет положил написать от имени всех своих членов письмо к помещику В. Э. Флиорковскому и просить его об увольнении родных означенного писателя, из уважения к его литературным заслугам и вообще к литературе. Просьба комитета была уважена г. Флиорковским: освободив родных поэта, он принял даже на себя уплату 900 руб. банкового за них долга»[1]. Переписка по этому делу велась при прямом участии Тургенева.

Такова была его общественно-литературная деятельность в Петербурге в 1858—1860 годах.

В эти годы Тургенев окончательно порвал отношения с журналом «Современник». Начался разрыв с фактического аннулирования «обязательного соглашения». Еще в начале 1858 года Тургенев чувствовал себя писателем, который должен и может быть полезен «Современнику». «Я вижу, что, несмотря на твою апатию, ты хлопочешь о „Современнике"; это необходимо нужно — а приехавши в Россию, я хорошенько потолкую с тобой о том, что следует предпринять» *(П III, 190)*, — писал он Некрасову 18 (30) января 1858 года. В январе 1858 года в «Современнике» была напечатана повесть «Ася». Но это было единственное произведение Тургенева, появившееся в журнале по «обязательному соглашению». Уже в марте

---

[1] «XXV лет». Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884, стр. 10—11.

И. С. Тургенев.
Литография. 1856 год.

1858 года Тургенев намекал Некрасову о возможном разрыве этого соглашения по обоюдному согласию редакции журнала и его постоянных сотрудников, а 27 марта (8 апреля) писал Колбасиным: «Я от Некрасова получил письмо и деньги. Коалиция рухнула — и прелестно!..» *(П III, 207)*. Еще более определенно Тургенев высказался в письме к Л. Толстому: «Итак, наше «обязательное соглашение» рухнуло! Этого следовало ожидать. Я очень доволен этим оборотом дела. Словно на волю отпустили, хотя на что она, эта воля?» *(П III, 210)*.

Правда, в марте 1858 года окончательного разрыва с «Современником» еще не произошло: в письме к Некрасову Тургенев, радуясь успеху журнала, обещал в «Современник» новый роман *(П III, 208)*. Однако писатель уже чувствовал, что в России наступают новые времена и направление журнала не соответствует его собственным общественным стремлениям и симпатиям. Это направление «Современника» определяли Чернышевский и Добролюбов.

Роман «Дворянское гнездо» был напечатан в январской книжке «Современника» за 1859 год. Но даже публикация этого большого произведения, о приобретении которого усиленно хлопотал Некрасов, не могла сгладить противоречий между Тургеневым, с одной стороны, и Некрасовым, Чернышевским, Добролюбовым, с другой. Неизбежность этих противоречий заключалась в глубоких основах мировоззрения писателя, в его общефилософских и этических идеях, в самом понимании человека, его соотношения с природой и обществом.

Человек, по мысли Тургенева, живет не только в сфере общественной жизни; он находится также под властью внеисторических, вечных стихий универсальной жизни, под властью стихийных сил, стоящих над человеком. В «Поездке в Полесье» человек, внезапно оставшись наедине с

природой и как бы выключенный из жизни общества, сильно и остро переживает полное одиночество, заброшенность и обреченность.

Одной из стихийных сил природы, перед властью которой люди беззащитны, рисовалась Тургеневу любовь. В «Затишье» любовь выступает как трагедия безысходной зависимости и добровольного подчинения, безграничной власти человека над человеком, власти смертоносной. Недаром лейтмотивом для повести избран пушкинский «Анчар». «И умер бедный раб у ног непобедимого владыки» — эти стихи и предсказывают, и комментируют судьбу героини повести.

С «Затишьем» связана и повесть «Фауст», где любовь опять-таки оказывается силой непреоборимой, возникающей внезапно и охватывающей человека, казалось бы, совершенно огражденного от ее власти. Все преграды, охраняющие человека от этой силы, непрочны и искусственны; достаточно неосторожного прикосновения, и они прорвутся. Сила искусства показана в этой повести как прямая помощница и пособница любви: искусство неизменно стремится заглянуть «куда-то, куда не следует заглядывать человеку».

Неосуществимость личного счастья в любви и наивность стремлений к нему — один из главных мотивов «Фауста». Он звучит и в повести «Ася», где любовь также проявляется как стихия, неподвластная человеку; овладеть ею, подчинить ее себе человек не может. Нельзя угадать такое мгновение, когда эта сила может даться в руки; не сказанное вовремя слово превращает уже почти счастливого человека в одинокого бобыля.

В статье «Русский человек на rendez-vous» Чернышевский, споря с Тургеневым, показал, что в несчастье героя повести «Ася» повинны не стихийные силы, а его собственная бесхарактерность, порожденная социальными

условиями жизни. Разумеется, Тургенев был далек от такого взгляда. В его повести герой не виновен в своем несчастье. Причина его беды не душевная дряблость, проявившаяся в момент решающего объяснения, а такие обстоятельства, которые выше его воли. Сознание любви проснулось в нем и «вспыхнуло с неудержимой силой», когда уже было поздно.

В «Первой любви» Тургенев вновь утверждает понимание любви как жестокой и грозной силы, над которой человек не властен. Она, эта сила, дарует человеку счастье, и она же показывает его непрочность, его трагическую сущность. Человек должен, по Тургеневу, пройти длинную цепь стремлений и разочарований, пока жизненный опыт не подскажет ему необходимость отказаться от претензий на счастье, отказаться от личного ради внеличных целей, ради того, что он считает своим нравственным долгом. Только наложив на себя «железные вериги долга», он найдет если не счастье, то во всяком случае удовлетворение, хотя и горькое, от сознания выполненной обязанности, возложенной на себя взамен неосуществимых эгоистических стремлений.

Совершенно понятно, что пессимистические идеи Тургенева не могли быть приняты его революционными современниками, в первую очередь — Чернышевским и Добролюбовым, которые были убежденными сторонниками теории «разумного эгоизма». Суть этой теории заключалась в том, что для внутренне цельного, разумного, то есть нормального, человека нравственный долг — это не «железные вериги», не что-то извне ему навязанное, а его личная потребность, его «эгоистическое» стремление. Поэтому для сторонников морали «разумного эгоизма» никакого противоречия между личным счастьем человека и общественным его долгом не было и быть не могло. Теоретикам революционной демократии было также ясно, что этические

взгляды Тургенева имеют вполне определенный политический смысл, — недостижимость полного счастья в личной жизни означала у Тургенева, в сущности, и недостижимость полной свободы в жизни общественной. Уже в 1849 году Тургенев сочувственно цитировал слова Гёте: «Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein» [«Человек не рожден быть свободным»] *(П I, 480)*.

Этот комплекс идей и настроений лежал в основе размышлений Тургенева о насущных потребностях современной русской жизни, о задачах ее передовых людей. Всё это определило смысл и тон романа Тургенева «Дворянское гнездо». В свете идей о несовместимости «счастья» и «долга» решался там вопрос об исторической роли и судьбе Лаврецкого — героя, духовно и социально близкого Рудину. Драма Лаврецкого вызвана была именно тем, что, погнавшись за призраком личного счастья, он не сумел осуществить своих общественных стремлений. Люди, подобные Лаврецкому, слишком поглощены своей личностью, для того чтобы стать самоотверженными служителями долга. Правда, в финале романа мы узнаём, что Лаврецкий «перестал думать о собственном счастье, о своекорыстных целях» *(VII, 293)*. Однако вопрос о судьбе поколения Лаврецкого не зависит от того, как сложилась жизнь самого героя за кулисами романа. Лаврецкий понимает, что историческая роль людей его склада и круга исчерпана, и приветствует тех, кому суждено их сменить.

В «Дворянском гнезде» для Тургенева уходит в прошлое целый период русской истории, главными деятелями которой были люди, подобные Рудину и Лаврецкому. Тургенев остро чувствует свое кровное родство с героями «дворянских гнезд», ему близки и понятны их душевные порывы, их страдания и надежды. Но в то же время он ясно понимает социальную ущербность этих людей и, подобно Лаврецкому, склоняется перед неизбежностью исто-

рической смены. Сквозь характерное для Тургенева трагическое настроение пробивается сильная струя исторического оптимизма, и общий поэтический тон рассказанной Тургеневым печальной истории оказывается ясным и светлым. М. Е. Салтыков-Щедрин, ознакомившись с «Дворянским гнездом», живо почувствовал «светлую поэзию, разлитую в каждом звуке этого романа». «Да и что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева? — восклицал он. — То ли, что после прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора? Но ведь это будут только общие места, а это, именно это впечатление оставляют после себя эти прозрачные, будто сотканные из воздуха образы, это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом и однако ж всё-таки пропадающее в пустом пространстве» [1].

Восторженный отзыв сурового сатирика в высшей степени характерен. Он показывает, как высоко ценили в демократических кругах лирический дар Тургенева, его «сотканные из воздуха образы», «начало любви и света» в его произведениях, — и всё это в соединении с изумительной чуткостью писателя к злободневным вопросам живой современности. К тому же всем было ясно, что отношение Тургенева к его революционно-демократическим современникам далеко не исчерпывается одними только разногласиями.

Расходясь с Чернышевским и его друзьями в философских, эстетических и политических взглядах, Тургенев, однако, испытывал тяготение к ним, как к «сознательно-героическим натурам», как к самоотверженным и мужест-

---

[1] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XVIII, 1937, стр. 144.

венным борцам. Он не верил в их цели, не сочувствовал их задачам, но ясно видел их бескорыстие, их благородный энтузиазм, их горячую любовь к родной стране. Не случайно после смерти Добролюбова Тургенев писал: «Я пожалел о смерти Добролюбова, хотя и не разделял его воззрений: человек был даровитый — молодой... Жаль погибшей, напрасно потраченной силы!» *(П IV, 316)*. «Честный скептик всегда уважает стоика», — писал Тургенев в статье «Гамлет и Дон-Кихот». Это объясняет характер отношения Тургенева к Чернышевскому, Добролюбову и вообще к деятелям революционной демократии, это делает понятным, почему расхождение с «Современником» затянулось у Тургенева до 1860 года: он продолжал сотрудничать в этом журнале, когда от «Современника» уже отошли Л. Толстой, А. Майков, А. Фет, А. Дружинин и другие. И, однако, разногласия оставались; по мере того как накалялась общественная обстановка, они становились всё яснее и острее. Канун крестьянской реформы был временем жестоких споров и размежеваний. Не могла не возникнуть и полемика Тургенева с редакцией «Современника».

Уже в статье 1858 года «Русский человек на rendez-vous» Чернышевский решительно выступил против тургеневского понимания исторического значения и личных качеств его излюбленных героев из круга дворянской молодежи. Но наиболее решительную полемику с Тургеневым предпринял Добролюбов. Можно сказать, что в литературном наследии критика оценки произведений Тургенева занимают одно из главных мест. Он обращался к творчеству известного писателя неоднократно, по разным поводам, иной раз даже не называя его имени, иной раз имея в виду не только Тургенева лично, но целое литературное направление, школу, с его именем связанную. Наибольшей остроты эта полемика достигла в известной статье Добро-

любова о романе «Накануне». Чтобы понять значение этой статьи, надо обратиться к ее истории и к тем взаимоотношениям, которые в конце 50-х годов сложились у Тургенева с новыми руководителями «Современника».

Н. А. Добролюбов.
Фотография. 1857 год.

После приезда в Петербург в 1858 году Тургенев почти ежедневно бывал у Некрасова, и Добролюбову, который жил в соседней квартире, часто приходилось встречаться там с писателем. Добролюбов, видевший в Тургеневе «литературного аристократа», не скрывал неприязненного к нему отношения, несмотря на попытки Тургенева понять молодого критика и, насколько возможно, сблизиться с ним. Обо всем этом рассказал в своих воспоминаниях Чернышевский. Из них, в частности, можно видеть, что непримиримое отношение Добролюбова к Тургеневу способствовало и охлаждению отношений между Тургеневым и Чернышевским, так как Чернышевский во всех принципиальных спорах всегда становился на сторону Добролюбова. «Вообще, при моем вступлении в „Современник“, — писал Чернышевский, — Тургенев имел большое влияние по вопросам о том, какие стихотворения, повести или романы заслуживают быть напечатанными. Я почти вовсе не участвовал в редижировании этого отде-

ла журнала, но было же много разговоров у Некрасова со мною и о поэтах и беллетристах. Находя в моих мнениях о них больше согласного с его собственными, чем во мнениях Тургенева, Некрасов, по всей вероятности, стал держаться тверже прежнего против рекомендации плохим романам или повестям со стороны Тургенева. А когда сблизился с Некрасовым Добролюбов, мнения Тургенева быстро перестали быть авторитетными для Некрасова. Потерять влияние на „Современник" не могло не быть неприятно Тургеневу»[1].

Н. Г. Чернышевский.
Фотография. 1859 год.

Дело, конечно, было не в обиде Тургенева на оценку романа «Накануне» (такой обиды, по-видимому, и не было)[2], а в его отрицательном отношении к направлению «Современника», то есть, как писал Чернышевский, «на первом плане к статьям Добролюбова, а на втором и ко

[1] Н. Г. Чернышевский, т. I, стр. 733.

[2] Недаром Тургенев писал несколько лет спустя: «Что же касается до „уязвленного" самолюбия, то замечу только, что статья Добролюбова о *последнем моем произведении перед „Отцами и детьми"* — о *„Накануне"* (а он по праву считался выразителем общественного мнения) — что эта статья, явившаяся в 1861 году, исполнена самых горячих — говоря по совести — самых незаслуженных похвал» *(XIV, 99)*.

мне, имевшему неизменным правилом твердить в разговорах с нападавшими на статьи Добролюбова, что все его мысли справедливы и что всё написанное им совершенно хорошо»[1]. Дело заключалось в том, что, по словам В. И. Ленина, Тургенева «тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции» и «ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского»[2]. Результатом всех этих расхождений и споров было то, что свой роман «Накануне» Тургенев отдал не в «Современник», а в московский журнал «Русский вестник», издававшийся М. Н. Катковым, вскоре снискавшим незавидную славу реакционера.

Добролюбов написал статью о «Накануне» сразу после появления романа и представил ее цензору В. Н. Бекетову, который известил автора о своем впечатлении: «Мне бы очень хотелось ... видеться с Вами для объяснения по Вашей критической статье о повести И. С. Тургенева „Накануне". Критика такая, каких давно никто не писал, и напоминает Белинского. И пропустить ее в том виде, как она составлена, решительно нет никакой *никому* возможности. Напечатать так, как она вылилась из-под Вашего пера, по убеждению, значит обратить внимание на бесподобного Ивана Сергеевича, да не поздоровилось бы и другим, в том числе и слуге Вашему покорному»[3].

Бекетов, таким образом, опасался за статью с цензурной точки зрения, полагая, что в случае ее опубликования были бы неприятности у авторов статьи и романа, у цензора и журнала. С невозможностью провести через цензуру многие из рассуждений Добролюбова согласился и Некрасов. «Я прочитал статью и отдал ее Тургеневу, —

---

[1] Н. Г. Чернышевский, т. I, стр. 735.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 206.
[3] «Заветы», 1913, № 2, стр. 96.

писал он Чернышевскому. — Вы получите ее от него часу в 9-м сегодня. Я вымарал много, но иначе нельзя, по моему мнению. Припишите что-нибудь в конце. ... Бекетов заходил к Тургеневу и сказал ему, что он статью не пропустит, но это вздор — завтра мы к нему отправимся»[1]. Весьма вероятно, что слова Некрасова о Бекетове связаны с тем, что цензор в разговоре с Тургеневым высказал те же опасения, о которых писал Добролюбову. Именно эти самые опасения имел в виду Тургенев, когда обращался к Некрасову: «*Убедительно тебя прошу*, милый Некрасов, *не печатать этой статьи:* она, кроме неприятностей, ничего мне наделать не может, она несправедлива и резка — я не буду знать, куда деться, если она напечатается. Пожалуйста, уважь мою просьбу. Я зайду к тебе. Твой *И. Т.*» *(П IV, 41)*.

Эта записка обычно рассматривается как ультиматум Тургенева; между тем она ничего ультимативного в себе не содержит. И тон ее, и содержание говорят прежде всего о том, что писатель был обеспокоен возможными неприятностями. Эти неприятности могли быть вызваны революционными выводами Добролюбова, к которым критик пришел в результате анализа романа Тургенева. Разумеется, это могло грозить опасностью автору романа, который к тому же не разделял взглядов своего критика. Но почему статья показалась Тургеневу «несправедливой и резкой», — этого он не объяснил ни тогда, ни впоследствии. Не объясняет это и текст статьи Добролюбова ни в журнальном его варианте, ни в том виде, в каком после смерти критика он был напечатан в полном собрании его сочинений, хотя принципиальное различие взглядов Тургенева и Добролюбова из статьи вырисовывается более чем наглядно.

---

[1] Н. А. Некрасов, т. X, стр. 413.

Речь шла о «новых людях», о передовых деятелях освободительной борьбы, и поэтому первое, что предстояло решить Добролюбову, — это вопрос о том, правильно ли понял и показал Тургенев главные черты нового общественного типа. Добролюбов проявил полную объективность, ответив на этот вопрос утвердительно. Он отметил, что внутренний мир Инсарова характеризуется тем единством личного влечения и общественного долга, которые критик всегда считал существеннейшим признаком деятеля нового революционного типа. Тургеневская идея «самоотречения» во имя долга, характерная для прежних его героев, не определяет поведения Инсарова. Напротив, как настойчиво подчеркивал Добролюбов, «он будет делать то, к чему влечет его натура». И вместе с тем, в самом подходе Тургенева к этому герою Добролюбов отметил одну особенность, которая была, по его мнению, важным недостатком, одновременно художественным и политическим.

«Мало того, что он вывез его из Болгарии, он недостаточно приблизил к нам этого героя даже просто как человека, — писал Добролюбов и пояснял далее: — его внутренний мир недоступен нам; для нас закрыто, что он делает, что думает, чего надеется, какие испытывает перемены в своих отношениях, как смотрит на ход событий, на жизнь, несущуюся перед его глазами» [1].

Внутренний мир «нового человека», человека борьбы и спокойного героизма, должен быть, по мысли Добролюбова, раскрыт во всех подробностях, анализу должны быть подвергнуты не только мысли и стремления его, но и мир его чувств, его отношения к женщине, его любовь, то есть та сторона жизни, которой Тургенев в своих прежних произведениях, посвященных «лишним людям», уделял так много внимания.

---

[1] Н. А. Добролюбов, т. 6, стр. 123.

Из этого вовсе не следует, что роман о «новых людях» Добролюбов представлял себе, прежде всего, как лирическое повествование об их личной жизни. Личная жизнь, по идее Добролюбова, должна была составить органическую часть той картины, в которой положительный герой нового романа предстал бы одновременно и как частный человек и как гражданский герой. Эта тема в «Накануне» только намечена; по Добролюбову же, в романе нового типа, в романе о гражданском борце автор «должен был бы поставить своего героя лицом к лицу с самым делом — с партиями, с народом, с чужим правительством, со своими единомышленниками, с вражеской силой. ...Но, — добавляет критик, — автор наш вовсе не хотел, да, сколько мы можем судить по всем его прежним произведениям, и не в состоянии был бы написать героическую эпопею» [1].

При этом Добролюбов отмечал, что центральным в романе оказался образ Елены, — именно он должен был говорить читателю о том, что настало время появления Инсаровых русских, не болгарских, что если всё общество охвачено неотразимой потребностью новой жизни, то героя инсаровского толка нет никакой необходимости вывозить даже из среды кровно близкого народа. Его следует искать на русской почве, которая уже способна выдвигать героев, подобных Инсарову.

Поставив вопрос о русском Инсарове как о перспективе ближайшего дня, Добролюбов, естественно, должен был наметить и его задачи. Самой важной среди них была борьба с «внутренними турками»; герой должен быть в непримиримых отношениях с господствующим сословием и, следовательно, быть выходцем из иной, ближе связанной с народом среды или оказаться в положении сына турецкого аги, вступающего в борьбу со своим отцом.

---

[1] Н. А. Добролюбов, т. 6, стр. 119.

Естественно, что Тургенев не мог солидаризироваться с такими выводами. И дело не в обиде писателя: статья Добролюбова, во всяком случае в ее окончательной редакции, была в целом более чем сочувственной по отношению к Тургеневу. При всех разногласиях с автором «Накануне» Добролюбов необычайно высоко оценил характерное для всего творчества Тургенева «живое отношение к современности», отметив, что оно с особенной ясностью сказалось именно в «Накануне», где автор уловил «веяние новых требований жизни» и «попробовал стать на дорогу, по которой совершается передовое движение настоящего времени»[1]. При всем том революционно-демократическое понимание насущных проблем русской жизни и ближайших перспектив ее развития, как оно выразилось в статье Добролюбова, было очень далеко от тургеневского взгляда на эти вопросы.

С легкой руки мемуаристов, особенно А. Я. Панаевой, распространилось мнение, будто статья Добролюбова о «Накануне» была непосредственной причиной разрыва Тургенева с «Современником». В действительности это не совсем так. Статья могла лишь ускорить назревавший разрыв, потому что она подчеркнула разницу между тургеневскими взглядами на русскую жизнь и революционными концепциями «Современника». Если бы Тургенев после появления этой статьи так или иначе не заявил о своем отходе от журнала, могло бы создаться впечатление, что он солидарен с выводами Добролюбова. Поэтому, воспользовавшись первым поводом (резко отрицательной оценкой «Рудина» в рецензии Чернышевского на одну из книг Н. Готорна[2]), Тургенев послал Панаеву письмо, офи-

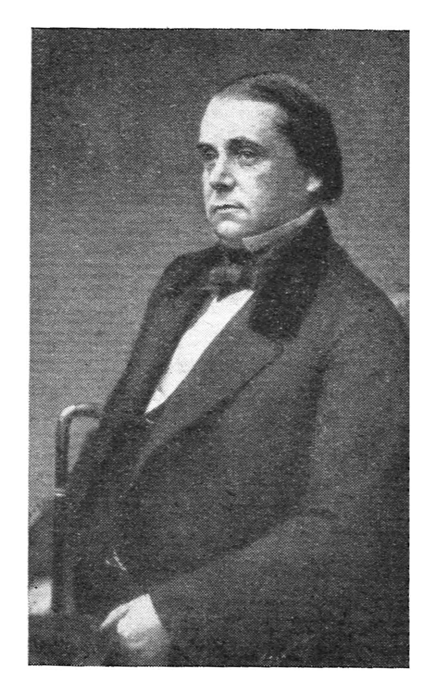
---

[1] Н. А. Добролюбов, т. 6, стр. 105.

[2] «Современник», 1860, № 6, стр. 239—240.

Характерно, что Тургенев первоначально решил, что эта рецензия принадлежит Добролюбову *(П IV, 137)*.

циально сообщая об окончании сотрудничества в «Современнике». Это было 1 октября 1860 года. А вскоре, в статье «Полемические красоты», опубликованной в июньской книжке «Современника» за 1861 год, Чернышевский писал: «Наш образ мыслей прояснился для г. Тургенева настолько, что он перестал одобрять его. Нам стало казаться, что последние повести г. Тургенева не так близко соответствуют нашему взгляду на вещи, как прежде, когда и его направление не было так ясно для нас, да и наши взгляды не были так ясны для него. Мы разошлись. Так ли? Ссылаемся на самого г. Тургенева» [1].

И. А. Гончаров.
Фотография. 1850-е годы.

Роман «Накануне» вообще оказался «несчастливым» для Тургенева. Помимо того, что роман послужил поводом к разрыву с «Современником», он послужил и причиной ссоры Тургенева с Гончаровым. Ссора получила широкую общественно-литературную огласку в Петербурге. Этот эпизод подробно рассказан в воспоминаниях

[1] Н. Г. Чернышевский, т. VII, стр. 713.

Гончарова (проникнутых, впрочем, болезненной подозрительностью). Он отразился и в откликах некоторых литераторов, свидетелей ссоры. Суть его примерно в следующем. Гончаров, в период своей особенной близости к Тургеневу, читал и пересказывал ему содержание своих романов «Обломов» и «Обрыв». Позже, когда ему стало известно содержание романа «Дворянское гнездо», он заподозрил Тургенева в плагиате и сказал об этом автору. Тургенев в угоду Гончарову согласился выкинуть одну сцену из своего романа, хотя, конечно, и не признал ее заимствованной. Отношения писателей после этого еще оставались вполне удовлетворительными. Недоразумение было совершенно, казалось, устранено и выяснено.

Но подозрения Гончарова вспыхнули с новой силой после того, как Тургенев пересказал ему содержание романа «Накануне». Гончаров написал Тургеневу 3 марта 1860 года письмо, в котором содержался недвусмысленный намек на «литературное воровство». Тургенев потребовал публичного объяснения, особенно ввиду того, что Гончаров распространял в Петербурге слух о его нечестности. После обмена письмами по этому поводу было решено устроить «третейский суд», на долю которого выпала трудная задача: примирить двух писателей.

Этот суд состоялся на квартире Гончарова 29 марта 1860 года. Со стороны Гончарова на нем присутствовали С. С. Дудышкин и А. В. Никитенко, со стороны Тургенева — П. В. Анненков и А. В. Дружинин. Судьи пришли к заключению: «Произведения Тургенева и Гончарова, как возникшие на одной и той же русской почве, должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях, что оправдывает и извиняет обе стороны» [1]. Но такое заклю-

---

[1] П. В. Анненков, стр. 442.

чение не удовлетворило Тургенева. Анненков вспоминал: «И. А. Гончаров, казалось, остался доволен этим решением экспертов. Не то, однако же, случилось с Тургеневым. Лицо его покрылось болезненной бледностью; он пересел на кресло и дрожащим от волнения голосом произнес следующее. Я помню каждое его слово, как и выражение его физиономии, ибо никогда не видел его в таком возбужденном состоянии. «Дело наше с вами, Иван Александрович, теперь кончено; но я позволю себе прибавить к нему одно последнее слово. Дружеские наши отношения с этой минуты прекращаются. То, что произошло между нами, показало мне ясно, какие опасные последствия могут являться из приятельского обмена мыслей, из простых, доверчивых связей. Я остаюсь поклонником вашего таланта, и, вероятно, еще не раз мне придется восхищаться им вместе с другими, но сердечного благорасположения, как прежде, и задушевной откровенности между нами существовать уже не может с этого дня». И, кивнув всем головой, он вышел из комнаты» [1].

Вскоре после третейского суда Д. Минаев посвятил ссоре знаменитых писателей шуточное стихотворение «Парнасский приговор», в котором изобразил Гончарова, обвиняющего Тургенева на совете богов:

Издал он роман недавно,
Где сюжет и план рассказа
У меня украл бесславно...
У меня — герой в чахотке,
У него — портрет того же,
У меня — Елена имя,

У него — Елена тоже.
У него все лица так же,
Как в моем романе, ходят,
Пьют, болтают, спят и любят...

---

[1] П. В. Анненков, стр. 442, 443.

Боги решают дело в пользу Гончарова. Тургенев в наказанье

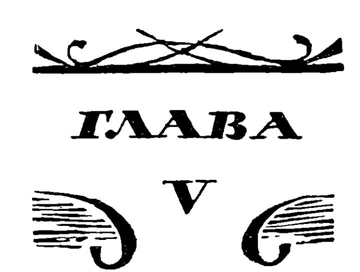
На театре будет вскоре
Роль купца играть немую
Бессловесно в «Ревизоре».
Ты же, — так как для романа
У тебя нет вновь сюжета, —
На казенный счет поедешь
Путешествовать вкруг света [1].

Быть может, тяжба Гончарова с Тургеневым по сути своей и не заслуживала более серьезного отношения, но у обоих ее участников она вызвала болезненные переживания.

Через месяц после этого инцидента, 24 апреля 1860 года, Тургенев снова покинул Россию. С 1860 года Тургенев живет за границей. Его приезды в Россию в 60-х и 70-х годах носили более или менее периодический характер, но постоянным местом жительства он избирает Германию, а затем Францию. Это, однако, не значит, что Тургенев порывает связи с Россией и Петербургом. Приезды в Петербург были ему необходимы: они питали его творчество и давали возможность следить за всеми перипетиями сложной социально-политической и литературной борьбы на родине.

---

[1] Д. Д. Минаев. Собрание стихотворений. Л., «Советский писатель», 1947, стр. 7—8.

Реформа 1861 года

Студенческие демонстрации

Роман „Отцы и дети“

„Дело 32-х“

Роман „Дым“

1861 год был важной вехой в истории России. 19 февраля 1861 года царь подписал манифест об «освобождении крестьян». Этого давно ждали, но всё-таки весть о манифесте поразила всех. Казалось, что с вековой несправедливостью покончено навсегда. Вскоре, однако, стало ясно, что реформа была проведена далеко не в интересах крестьян. Правда, крестьяне получили личную свободу, прежний барский произвол уже стал невозможен, но земля оставалась за помещиками. Крестьяне же, получившие небольшие земельные наделы в «постоянное пользование», обязаны были платить за них помещикам оброк или

выполнять барщину. Им было дано право выкупать свои наделы, но опять-таки с согласия помещиков.

Это была далеко не та воля, которую ждали крестьяне. На царский манифест они ответили бунтами. Волнения охватили почти все губернии. За два пореформенных года официально зарегистрировано было 1100 волнений. Настоящие восстания произошли в 1861 году в селах Кандеевке Пензенской губернии и в Бездне Казанской губернии. Оба восстания были подавлены военной силой, с большим количеством жертв. Руководитель бездненского восстания крестьянин Антон Петров был по приговору военного суда расстрелян перед толпой народа.

Тургенев внимательно присматривался к событиям, развертывавшимся на родине. Из далекого Парижа всё представлялось ему в каком-то «хаотическом состоянии» или «лихорадочном движении» *(П IV, 143, 153)*. Он ждал сообщений из России и взволнованно обдумывал их.

Царский манифест Тургенев, как и многие на первых порах, воспринял с энтузиазмом и немедленно стал собираться в Россию. «Давно ожидаемые и всё-таки внезапные известия из России еще сильнее возбудили во мне желание вернуться домой» *(П IV, 209)*, — писал он Л. Толстому сразу же после получения в Париже «Положения» о крестьянах. Писатель рассчитывал уже в апреле быть в Спасском и окончательно привести в ясность свои отношения с бывшими крепостными. 30 апреля 1861 года он приехал в Петербург и остановился в гостинице Демута (ныне набережная Мойки, дом 40).

Тургенев пробыл в Петербурге недолго. Впрочем, писатель намеревался и того меньше времени провести в столице, но встречи со знакомыми, разговоры о будущем России несколько изменили его намерения. «Меня очень долго задержали в Петербурге и Москве» *(П IV, 234)*, — писал Тургенев Л. Толстому 8 мая 1861 года, а в письме

к Е. Е. Ламберт 19 мая пояснял: «Меня завертели мои литературные и другие приятели...» *(П IV, 235)*. Петербург, как центр общественно-политической и литературной жизни России, по-прежнему имел для Тургенева огромную притягательную силу.

Лето 1861 года Тургенев провел в Спасском. Окончив хозяйственные дела, он 3 сентября снова прибыл в столицу и привез с собою законченный роман «Отцы и дети». «Петербург, как всякая столица, не подводится под один уровень: в нем есть много совершенно различных слоев; и те, которые осуждают его, как говорится у нас — *огульно*, только показывают тем, что они его не знают» *(П IV, 222)* — так писал Тургенев незадолго до своего возвращения в Россию в 1861 году. А в сентябре того же года ему суждено было познакомиться с еще неизвестным, новым «слоем» петербургской жизни. Кратковременное пребывание в столице навсегда осталось в памяти писателя. События, свидетелем которых он тогда стал, позволили ему воочию убедиться в актуальности только что написанного им романа «Отцы и дети».

С начала работы над романом у Тургенева появились сомнения, верна ли общественно-политическая характеристика эпохи. Они усиливались по мере того, как работа приближалась к концу. «Цель я, кажется, поставил себе верно, — писал он Анненкову 6 августа 1861 года, — а попал ли в нее — бог знает» *(П IV, 277)*. Все предшествовавшие романы, до того как они были напечатаны, писатель обычно читал в дружеской литературной среде, внося затем поправки, переделывая отдельные эпизоды и т. д. Такой возможности на этот раз не было. Тургенев намеревался, передав рукопись М. Н. Каткову, не задерживаться ни в Москве, ни в Петербурге. Поэтому с особенной настойчивостью он просил Анненкова прочесть «Отцов и детей», договорившись с редакцией

«Русского вестника», чтобы не начинали печатание романа, прежде чем с ним ознакомится Анненков.

Но не мнения друзей, а сама действительность способствовала разрешению тургеневских сомнений. В сентябре 1861 года начались политические демонстрации студентов Петербургского университета, получившие огромный общественный резонанс во всей России. Тургенев застал в Петербурге начало «студенческих беспорядков».

«В самое время моего отъезда стояла странная погода» *(П IV, 291)*, — иносказательно писал Тургенев Анненкову 26 сентября (8 октября) 1861 года. Что же он имел в виду? Анненков вспоминал, что эти слова — «намек на первую уличную манифестацию студентов в Петербурге, тогда же происшедшую и тогда же подавленную»[1].

События, о которых говорит Анненков, развернулись уже после отъезда Тургенева. Но их подготовка происходила на глазах писателя.

В начале 1861 года петербургское студенчество неоднократно заявляло о своих политических требованиях, а осенью правительство дало ему повод к решительным действиям. В конце мая министром народного просвещения был назначен граф Путятин, человек реакционный, мало знакомый с университетской жизнью и вообще делами вверенного ему министерства. Введенные им новшества оказались весьма радикальны: была отменена форменная одежда студентов, а это означало, что вне здания университета они могли подвергаться общим полицейским мерам; были запрещены сходки, ограничен круг студентов, освобожденных от платы за обучение и т. д. Особая комиссия университета выработала в соответствии с этими распоряжениями «правила», изложенные в особом матри-

---

[1] П. В. Анненков. Литературные воспоминания. СПб., 1909, стр. 551.

куле, который должен был выдаваться каждому студенту к началу занятий.

Пока шли долгие переговоры о содержании матрикула между министерством и советом университета, наступил сентябрь. Начало занятий было отложено на полмесяца. Студенты стали организовывать бурные сходки, появились прокламации. Сходка 23 сентября в Актовом зале университета была особенно бурной. Студенты решили не подчиняться новым правилам, не вносить деньги в кассу университета и не признавать матрикул. После этого начавшиеся занятия снова были прекращены и университет закрыт.

25 сентября, оказавшись перед закрытыми дверьми, около 900 студентов собралось в университетском дворе; они решили потребовать от попечителя объяснений. Тот велел объявить, что его нет в университете, и вся толпа двинулась через наводной мост, у Зимнего дворца, через Невский и Владимирский проспекты на Колокольную улицу, к дому попечителя. «Был прекрасный сентябрьский день. Солнце ярко освещало длинную вереницу студенческой процессии, голова которой приближалась уже к Дворцовому мосту в то время, когда хвост только еще выходил из университетских ворот. Дорогой к нам массами присоединялись девицы, слушательницы университетских лекций, и множество молодых людей, имевших какое-либо отношение к студенчеству или просто нам сочувствовавших»[1], — вспоминал один из участников демонстрации. Среди этих «сочувствовавших» особенно много было студентов Медико-хирургической академии.

На Невском студентов оцепила полиция, руководимая петербургским генерал-губернатором Игнатьевым и обер-полицмейстером Паткулем, а на Колокольной улице их

---

[1] Вл. Сорокин. Воспоминания старого студента (1858—1862). — «Русская старина», 1906, № 11, стр. 454—455.

встретили жандармы, городовые, пожарные и рота стрелкового батальона. Вскоре прибыл попечитель Филипсон и, не желая объясняться со студентами на улице, просил их направиться к университету. Вся толпа двинулась в обратном направлении. Около университета ее тоже ждала полиция. После объяснений студенческой депутации с попечителем и после того как студентам было обещано, что библиотека и лаборатории откроются на следующий день, а лекции начнутся 2 октября (к этому времени рассчитывали отпечатать матрикулы), студенты разошлись. Филипсон дал заверения, что никто не будет арестован, но на требование отменить новые правила ответил решительным отказом.

Такого русская столица еще не знала, и писатель, попавший в центр политических событий, имел полное право сказать, что в сентябре 1861 года, во время его отъезда, в Петербурге стояла «странная погода». В середине сентября он уехал в Париж в состоянии тревожного ожидания развязки.

А события в Петербурге между тем развивались. Ночью 26 сентября, в тот самый день, когда Тургенев написал упомянутое выше письмо Анненкову, было арестовано 42 человека. Это накалило обстановку: произошли новые сходки, составлялись адреса и петиции попечителю и министру, посылались депутации к начальству; войска и полиция блокировали университет. Студенты отказывались принимать матрикулы, профессора — вручать их, а университет не признавал студентами всех, кто не подчинялся новым правилам. Сходки и манифестации студентов принимали всё более откровенно политический характер и влекли за собой новые аресты, с препровождением арестованных в Петропавловскую крепость.

11 октября 1861 года наконец начались лекции для тех, кто согласился взять матрикулы. Их оказалось около

Петербургский университет в середине XIX века.
Фотография.

100 человек. На следующий день перед университетом собралась большая толпа студентов, отказавшихся взять матрикулы. Они тщетно пытались попасть внутрь здания. Прибыла полиция и войска, несколько человек было ранено. Большинство собравшихся оказалось в Петропавловской крепости; в знак солидарности многие из взявших матрикулы рвали их и присоединялись к арестованным товарищам. Петропавловская крепость уже не могла вместить всех арестованных; 13 октября 320 человек было переведено в Кронштадт. А в одну из октябрьских ночей 1861 года на стене Петропавловской крепости появилась лаконичная и красноречивая надпись: «Петербургский университет».

Созданные в спешном порядке специальные следственные комиссии закончили свою работу лишь в конце ноября. Меры наказания оказались сравнительно легкими: несколько человек было сослано и несколько исключено из университета. Правительство вынуждено было считаться с общественным мнением, которое, особенно в Петербурге, было на стороне студентов.

«Многое можно было предвидеть, многое я предсказывал в Петербурге. Но от этого не легче» *(П IV, 305)*,— писал Тургенев 8 (20) ноября 1861 года. Впоследствии в воспоминаниях о П. А. Плетневе Тургенев в таких словах передавал разговоры о студенческих волнениях со своим бывшим университетским наставником: «Студенческие „истории“, случившиеся во время его отсутствия за границей, глубоко его огорчили — глубже, чем я ожидал, зная его характер; он скорбел о своем „бедном“ университете, и осуждение его падало не на одних молодых людей...» *(XIV, 21)*.

Общественное мнение осуждало правительство, видя в нем главного виновника студенческих беспорядков. Студенческое движение становилось открыто революционным, и писатель, внимательно следивший за жизнью нового поколения, только что написавший «Отцов и детей», хотел понять причины и характер столь остро протекавших событий, тем более что волнения в Петербурге и других городах России еще долго не утихали. 20 декабря 1861 года Петербургский университет снова был закрыт; суды и аресты продолжались. В 1861 году университет в знак протеста оставили некоторые профессора, среди них А. Н. Пыпин, М. М. Стасюлевич, В. Д. Спасович.

Студенческие демонстрации в Петербурге сразу же поставили перед Тургеневым вопрос — стоит ли печатать «Отцов и детей». Он внимательно следил за известиями из русской столицы, спрашивал о них своих корреспонден-

тов, и сомнение в своевременности появления нового романа всё более в нем росло. Уже 14 (26) октября 1861 года он писал Анненкову, имея в виду прежде всего политические демонстрации студентов Петербургского университета: «...Не думаете ли Вы, что при теперешних обстоятельствах следует отложить печатание моей повести? Поправки все почти окончены — но мне кажется, что надо подождать» *(П IV, 296—297)*. Анненков, постоянно информировавший Тургенева о положении дел в Петербурге, согласился с ним. Его письмо от 22 октября (3 ноября) 1861 года, в котором подробно говорится об общественной атмосфере русской столицы, должно было подтвердить сомнения писателя. Анненков писал: «Теперь окрестности университета затихли: 200 человек с лишком последнего скопища у дверей его, арестованного целиком, — перевезены в Кронштадт и будут там судиться. Такое же число прежде взятых групп осталось в крепости и судится уже особой комиссией. До 300 человек, не согласных на взятие матрикул, — высланы из города. Да не около университета только воцарилась тишина, но и в нем самом: из подчинившихся студентов почти никого не бывает в аудиториях; были лекции с одним студентом. Профессора покидают тоже один за другим пустые залы, и вообще университет разлагается сам собой, как переношенная тряпка» *(П IV, 590)*.

В результате было решено отложить печатание романа; Тургенев, правда, соглашался в будущем опубликовать роман, но лишь тогда, когда «исчезнут все существующие *теперь* затруднения». В ожидании такого момента Тургенев продолжал внимательно следить за петербургской общественно-политической жизнью.

А она была тревожна и не давала писателю поводов к оптимистическим прогнозам. «Студенческая история» всё

еще продолжалась, распространялись революционные прокламации, начались аресты писателей и публицистов.

10 (22) декабря 1861 года Тургенев так сформулировал свое впечатление от общественно-политической жизни в России в письме к Е. Е. Ламберт: «Известия из России меня огорчают. Не могу во многом не винить своих друзей — но и правительство я оправдать не могу; отсутствие людей и глубокое незнание России — сказываются на каждом шагу» *(П IV, 313)*. Тургенев, вероятно, имеет в виду распространившийся тогда в Петербурге слух, что демократические писатели и публицисты, близкие к «Современнику», являются непосредственными виновниками студенческих беспорядков. Среди них были и знакомые Тургенева. Писатель из писем Анненкова уже знал, например, о том, что арестован за распространение прокламации «К молодому поколению» М. И. Михайлов. А перед самым возвращением в Россию, весной 1862 года, Тургенев писал Анненкову: «Дела происходят у вас в Петербурге — нечего сказать! Отсюда это кажется какой-то кашей, которая пучится, кипит — да, пожалуй, и вблизи остается впечатление каши... Всё это крутится перед глазами, как лица макабрской пляски, а там внизу, как черный фон картины, народ-сфинкс и т. д. Хочется взглянуть на всё это собственными глазами, хоть наперед знаешь, что всё-таки ничего не поймешь» *(П IV, 366)*.

Тургенев сначала надеялся, что к весне 1862 года общественно-политическая обстановка в стране и в Петербурге прояснится. Но эти надежды не оправдались, и пессимистические настроения писателя всё углублялись. Тем неохотнее уступил он настояниям Каткова и согласился опубликовать «Отцов и детей» в февральском номере «Русского вестника».

Первые отклики на «Отцов и детей» пришли из Петербурга. Достоевский и Майков прислали Тургеневу «вос-

торженные» письма, Писемский — «критическое», Анненков — «умеренное». В Петербурге же вокруг нового романа Тургенева разгорелась небывалая еще в России полемика. Она подтвердила опасения писателя и, вместе с тем, свидетельствовала о необыкновенной злободневности и важности затронутых в романе вопросов. «В Петербурге, кажется, на него готовится сильная гроза» *(П IV, 374)*, — писал Тургенев в одном из писем о своем романе еще 11 (23) апреля 1862 года. Когда в мае 1862 года писатель приехал в Петербург, он застал эту «грозу» в полном разгаре.

В чем же была злободневность романа и что хотел сказать им Тургенев? Остро злободневным было прежде всего само заглавие. Тема «отцов и детей» (не в буквальном, а в широком, политическом понимании этих понятий) была выдвинута самой жизнью. В критике и публицистике 60-х годов понятия старшее поколение и молодое поколение имели прежде всего политический смысл. Под молодым поколением демократические публицисты разумели сторонников новых, передовых идей, а под старшим, или прошлым, поколением — тех людей 30—40-х годов, которые некогда играли положительную роль в общественной жизни, а теперь утратили понимание современных задач. Таким образом, заглавие романа указывало, что в этом произведении речь пойдет о борьбе идейных направлений и социально-политических групп.

На первых же страницах романа Тургенев поместил несколько дат, более чем ясно указывавших на историческую грань между двумя поколениями. Николаю Петровичу Кирсанову 44 года, действие романа относится к 1859 году. Он родился, следовательно, в 1815 году. В 1835 году он окончил университет. Его юность прошла в глухое десятилетие после поражения декабристов. В 1847 году он собрался было за границу, «но тут настал

48-й год. Он поневоле вернулся в деревню...» Итак, это поколение людей, чье отрочество и юность прошли в обстановке еще свежих воспоминаний о «декабрьском терроре», чья зрелость совпала с «мрачным семилетием». В пожилом возрасте эти люди, не подготовленные к мысли об исторических переменах, о самой их возможности, были внезапно застигнуты общественным оживлением, начавшимся с того самого дня, когда, по выражению Герцена, «прошел Николай».

Иное дело «дети»: Аркадий Кирсанов поступил в Петербургский университет в самом начале нового исторического периода — в 1855 году — и вышел из университета кандидатом в бурном 1859 году. По-видимому, в университете он изучал естествознание: в главе XXVI романа Базаров говорит Аркадию: «Разве ты так плох в естественной истории?..» *(VIII, 381)*, предполагая, следовательно, что в этом он должен быть силен. Сам Базаров тоже естественник. «Главный предмет его — естественные науки», — говорит Аркадий, рассказывая о нем своему отцу, и тут же добавляет: «Он в будущем году хочет держать на доктора» *(VIII, 202)*. Эти слова давали понять внимательному читателю, что Базаров учится не в университете: в Петербургском университете медицинского факультета не было. Держать на доктора в Петербурге можно было только в Медико-хирургической (впоследствии Военно-медицинской) академии, где и обучался Базаров. Окончив академию и выдержав установленные экзамены, он получит звание лекаря. Так именовалась тогда первая ученая степень по медицинской специальности. Базаров и сам называет себя «будущий лекарь» *(VIII, 274)*. То, что он воспитанник Медико-хирургической академии, в высшей степени характерно. Это учебное заведение считалось в Петербурге рассадником материализма, радикальных

идей и демократических настроений. Вспомним, что герои романа Чернышевского «Что делать?» Лопухов и Кирсанов — воспитанники той же академии. Как и Базаров, они не узкие специалисты-практики, а молодые ученые с широким естественнонаучным кругозором.

Петербургская медико-хирургическая академия в ту пору, когда там обучались Базаров и герои Чернышевского, была передовым учебным заведением. После смерти Николая I, в период новых веяний, там была проведена реформа преподавания; на первый план выдвигалась основательная естественнонаучная подготовка будущих лекарей и ученых. Руководители академии исходили из того, что медицина как наука представляет лишь «приложение естествознания к вопросу о сохранении и восстановлении здоровья». Подчеркивалось особое значение физики и химии, которые дают ключ к пониманию сложных процессов, совершающихся в человеческом организме. Вот почему на вопрос Павла Петровича: «Вы собственно физикой занимаетесь?» — будущий лекарь Базаров отвечает: «Физикой, да; вообще естественными науками» *(VIII, 218)*. Он же высоко ставит химию и (любопытная черта!) подсмеивается над медициной, считая ее, видимо, не больше чем прикладным естествознанием. Всё это были мелкие, но важные приметы передового естествоиспытателя, воспитанника академии, название которой, впрочем, в романе не упоминается. Очевидно, Тургеневу не хотелось прямо указывать на академию как на место учения нигилистов.

Однако внимательные современники безошибочно расшифровывали эту недоговоренность. Так, публицист и критик Н. Н. Страхов в первом же отклике на роман Тургенева, сразу после его опубликования в журнале, заметил, что друзья-студенты, приехавшие из Петербурга в провинцию, получили образование «один в медицинской

академии, другой в университете»[1]. Ко времени действия романа им обоим немногим больше двадцати, и жизнь открывается перед ними, полная больших ожиданий и широких исторических перспектив. «Дети» — это примерно сверстники Добролюбова, который родился в 1836 году, а в 1858-м окончил институт уже вполне сформировавшимся отрицателем и «новым человеком». Взявшись за тему «отцов и детей», Тургенев вновь проявил то «живое отношение к современности», которое так высоко ценил в нем Добролюбов.

В многочисленных объяснениях по поводу «Отцов и детей» Тургенев часто говорил о своих симпатиях к Базарову, о своем стремлении представить в облике Базарова «торжество демократизма над аристократией», о сознательном намерении оправдать его. «...Если читатель не полюбит Базарова со всей его грубостью, бессердечностью, безжалостной сухостью и резкостью — если он его не полюбит, повторяю я, — я виноват и не достиг своей цели» *(П IV, 381)*.

Если не любовь, то уж во всяком случае уважение Базаров должен был внушить к себе. Он представлен в романе единственной реальной силой, которой ни один из персонажей противостоять не может. Павел Петрович Кирсанов — существо, отживающее свой век. Он весь старомоден, со своим аристократизмом, подчеркнутым изяществом манер и «принсипами». Как культурно-исторический тип, он сформировался под чужеземным влиянием — отчасти английским, отчасти французским. Павел Петрович может только злить Базарова и вызывать его на споры, но, разумеется, не в состоянии поколебать базаровской спокойной уверенности в своей правоте.

---

[1] Н. Страхов. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862—1885), изд. 2. СПб., 1887, стр. 30.

О Николае Петровиче как об антагонисте Базарова и говорить не приходится, да он на эту роль и не претендует. Он добр, мил, покладист, но не более того. Разумеется, не ему претендовать на роль идейного антагониста по отношению к внезапно вторгшемуся в его жизнь суровому демократу. Даже на тех немногих страницах, где Николай Петрович освещен лирическим светом, он воспринимается как нечто идиллически-сентиментальное, далекое от современной истории с ее тревожными стремлениями и резкими поворотами.

Аркадий Кирсанов также не исключение: это величина несамостоятельная, он светится отраженным светом Базарова. Его дружба с Базаровым свидетельствует о популярности демократического движения, к которому начинают тянуться люди идейно чуждые. То, что для Базарова — твердые, продуманные убеждения, для Аркадия — временная мода. Свой нигилизм он носит как новый мундир, которым ему приятно покрасоваться.

В беспощадном отрицании Базарова читатель должен был почувствовать громадную нравственную силу. Евгений Базаров как бы совершает строгий суд над всем современным ему обществом, бесповоротно отвергая помещичий уклад жизни, идеалистическую философию, романтические представления о любви как о «неземном», «таинственном» чувстве и т. п. Он отрицает всё это с высоты материалистического взгляда и естественнонаучных представлений о жизни природы и человека. В своем отрицании он нередко доходит до крайностей, ополчаясь против искусства, против поэзии, пренебрежительно отзываясь даже о Пушкине. Он предвосхищает здесь Писарева с его «разрушением эстетики» и «ниспровержением» Пушкина. В других случаях в резких суждениях и полемических репликах Базарова слышится отзвук мнений Добролюбова и Чернышевского.

По некоторым многозначительным и бесспорным намекам можно понять, что Базаров собирается «действовать», — Аркадий предсказывает ему славу, «разумеется, не на медицинском [поприще], хотя он и в этом отношении будет из первых ученых». Его призвание — лечение болезней социальных; «исправьте общество, и болезней не будет», — говорит он. Недаром Тургенев писал поэту К. К. Случевскому: «...если он [Базаров] называется нигилистом, то надо читать: революционером» *(П IV, 380)*. Так поняла роман и критика. Слово «нигилист» было подхвачено реакционерами и обращено ими в едкую кличку, направленную против революционных демократов.

Но признание Базарова передовым деятелем, черты сурового величия и силы, вложенные Тургеневым в образ Базарова, искреннее влечение к нему — всё это не означает, что писатель верит в победу Базаровых. Напротив, в соответствии со своим историческим скептицизмом, Тургенев считает Базарова обреченным на погибель. Его герой умирает трагически рано, не завершив своего дела. Смерть его сурова и героична, как его жизнь, как весь его облик. Тургенев не принизил своего героя, не заставил его ни на йоту изменить себе, но он не раскрыл перед Базаровым перспектив завтрашнего дня. Базаров стоит у него пока еще в «преддверии будущего», он только предтеча других деятелей, которые будут со временем счастливее его.

Есть трагизм и в отношении Базарова к народу. Базаров гордится тем, что его дед землю пахал, он считает, что его отрицательное направление порождено народным духом, и вместе с тем он с горечью признаётся в том, что мужик для него «таинственный незнакомец», а мужик тоже не понимает Базарова и видит в нем барина. Тургенев не выдумал такую ситуацию: крестьяне того времени действительно не видели еще в Базаровых своих защитников.

И в личной жизни Базарова Тургенев подчеркивает болезненные противоречия. Базаров всё время ведет трудную борьбу с самим собой, строго следит, чтобы не «рассыропиться», стыдится охватившей его глубокой и сильной любви, в которой видит недостойный «романтизм». Словом, по мысли Тургенева, он больше, чем кто-нибудь другой, строит свою жизнь на началах долга и самоотречения. А ведь это та мораль, которую отвергали люди базаровского толка, видевшие главное достоинство человека в его внутренней цельности. Изображая Базарова человеком «самоломанным», Тургенев, разумеется, нисколько не унизил его, но он спорил с ним и с теми, кто стоял за Базаровым в жизни.

Совершенно естественно, что роман Тургенева вызвал жестокие споры в критике и даже привел к борьбе внутри демократической журналистики. Главным образом из-за споров о Базарове возник «раскол в нигилистах», как едко назвал Достоевский бурную полемику, вспыхнувшую после появления «Отцов и детей» между двумя передовыми журналами — «Современником» и «Русским словом».

М. А. Антонович, сменивший Добролюбова в критическом отделе «Современника», но далеко уступавший своему предшественнику и в критической остроте, и в политической проницательности, оценил роман Тургенева как грубо реакционный пасквиль на молодое демократическое поколение. Гораздо умнее и тоньше подошел к «Отцам и детям» Д. И. Писарев, который сумел увидеть в романе соединение противоречивых элементов. «Тургенев не любит беспощадного отрицания, — отмечал Писарев, — и между тем личность беспощадного отрицателя выходит личностью сильной и внушает каждому читателю невольное уважение. Тургенев склонен к идеализму, а между тем ни один из идеалистов, выведенных в его романе, не может сравниться с Базаровым ни по силе ума, ни по силе

характера»[1]. Писарев видел громадную заслугу Тургенева в том, что тот, преодолевая собственные пристрастия, оправдал своего мятежного героя и увидел в подобных ему разночинцах-демократах передовую силу России. «Кто прочел в романе Тургенева эту прекрасную мысль, — восклицал Писарев, — тот не может не изъявить ему глубокой и горячей признательности, как великому художнику и честному гражданину России»[2].

В самый разгар критической бури, вызванной «Отцами и детьми», Тургенев приехал в Петербург. 26 мая 1862 года он поселился в гостинице Клея (№ 21), намереваясь остаться здесь не более недели, — он опять спешил в Спасское. Но и на этот раз, несмотря на кратковременное пребывание в русской столице, писатель стал свидетелем волнующих общественно-политических событий, в связи с которыми имя автора «Отцов и детей» было у всех на устах.

Впоследствии Тургенев вспоминал: «Не стану распространяться о впечатлении, произведенном этой повестью; скажу только, что когда я вернулся в Петербург, в самый день известных пожаров Апраксинского двора, — слово „нигилист" уже было подхвачено тысячами голосов, и первое восклицание, вырвавшееся из уст первого знакомого, встреченного мною на Невском, было: „Посмотрите, что *ваши* нигилисты делают! жгут Петербург!" Я испытал тогда впечатления, хотя разнородные, но одинаково тягостные. Я замечал холодность, доходившую до негодования, во многих мне близких и симпатических людях; я получал поздравления, чуть не лобызания, от людей противного мне лагеря, от врагов. Меня это конфузило, ... огорчало; но совесть не упрекала меня: я хорошо знал, что я честно,

---

[1] Д. И. Писарев, т. II, стр. 28.
[2] Там же, стр. 50.

и не только без предубежденья, но даже с сочувствием отнесся к выведенному мною типу...» *(XIV, 98—99)*.

Пожар, всполошивший весь Петербург, начался 28 мая и продолжался три дня. «День, полный тревог и страха для всего Петербурга» [1], — лаконично записал Никитенко 28 мая в своем дневнике. Город сразу же наполнился слухами; искали «поджигателей», и молва тотчас указала на нигилистов, поляков, студентов и «лондонских пропагандистов» (так официальная пресса называла Герцена и Огарева). В революционно-демократических деятелях «Современника» увидели явных подстрекателей.

Есть серьезные основания думать, что подобные слухи распространяла полиция; более того, возможно, что пожары были делом III отделения; эта провокация могла дать повод к решительной расправе с революционерами. Во всяком случае, молву с большим энтузиазмом подхватили реакционеры, либералы восприняли такое объяснение как весьма правдоподобное, и через два-три дня о поджигателях из революционного лагеря говорили повсюду. «В поджигательстве никто не сомневается. Рассказам, слухам, толкам нет конца», — писал Никитенко 30 мая, а на следующий день добавил: — «Несомненно, кажется, что пожары в связи с последними прокламациями» [2].

2 июня Тургенев уехал из Петербурга, где «наслышался всяких толков, набрался всяких впечатлений, большей частью печальных» *(П V, 15—16)*. Особенно волновали его толки и пересуды по поводу «Отцов и детей». «Это тоже своего рода хаос, — писал он П. В. Анненкову. — От иных комплиментов я бы рад был провалиться сквозь землю, иная брань мне была приятна. ...Эта повесть попала в настоящий момент нашей жизни, словно масло на

---

[1] А. В. Никитенко, т. II, стр. 274.
[2] Там же, стр. 276.

огонь; точно нарочно ее подогнали, как говорится, в самый раз. Я во всяком случае не раскаиваюсь, хотя бо́льшая часть молодежи на меня негодует...» *(П V, 12)*.

В Спасском мысли Тургенева были «постоянно заняты Петербургом»: он внимательно следил за газетами и журналами, ждал сообщений знакомых о «зловещих пожарах» и настойчиво спрашивал своих корреспондентов: «Что делается там теперь? Нашлись ли поджигатели — и с кем и с чем они находятся в связи?» *(П V, 14)*.

К июлю, казалось, всё более или менее определилось для Тургенева, хотя «печальные впечатления», вынесенные из пребывания в Петербурге, и не исчезли. Стало ясно, что надежды на постепенное улучшение общественно-политической обстановки в России несбыточны. Реакция подняла голову. Участились аресты литераторов: 2 июля 1862 года был арестован Д. И. Писарев, вслед за ним, 7 июля, Н. Г. Чернышевский. Страх охватил либеральное общество: люди, еще недавно игравшие в оппозицию, ополчились против «нигилистов». «Общественное мнение, столь неопределенное еще у нас, хлынуло обратной волной...» *(XIV, 105)* — писал Тургенев в 1868 году, вспоминая события 1862 года и последующих лет. Эти события надолго дали ему пищу для размышлений о судьбах России.

Возвращаясь за границу в августе 1862 года, Тургенев остановился в Петербурге лишь на один день. Заинтересованный в быстрой продаже отдельного издания «Отцов и детей», выходившего в Москве, он вел соответствующие переговоры с петербургскими книгопродавцами. Заходил, вероятно, Тургенев и в редакцию журнала «Время», издававшегося при ближайшем участии Ф. М. Достоевского его братом Михаилом Михайловичем с 1861 года.

Тесные личные контакты Тургенева с братьями Достоевскими начались еще в мае 1862 года. Н. Н. Страхов вспоминал, что Тургенев тогда «навестил и редакцию

«Времени», застал нас в сборе и пригласил Михайла Михайловича, Федора Михайловича и меня к себе обедать, в гостиницу Клея (что ныне Европейская). Буря, поднявшаяся против него, очевидно, его тревожила[1]. За обедом он говорил с большою живостью и прелестью, и главною темою были отношения иностранцев к русским, живущим за границею»[2].

Сближение с редакцией «Времени» объясняется, главным образом, тем, что Тургенев был недоволен своим сотрудничеством в «Русском вестнике», особенно после выхода «Отцов и детей». История печатания этого романа свидетельствует о том, что Катков почти с цензорской настойчивостью требовал от Тургенева изменений текста. Поэтому нет ничего удивительного, что Тургенев ведет переговоры с братьями Достоевскими, начавшими издавать журнал «Время», и готовит для него повесть «Призраки».

Петербург снова взволновал Тургенева тревожными политическими новостями. В связи с делом М. И. Михайлова был сослан писатель М. В. Авдеев. Н. А. Серно-Соловьевич, А. И. Ничипоренко, Н. Г. Чернышевский находились в Петропавловской крепости. Тургенев хотел узнать о причинах арестов у министра народного просвещения А. В. Головнина, с которым познакомился в молодости, но того не было в Петербурге. А интересоваться этими арестами у Тургенева были все основания, — вскоре и он был привлечен к этому делу.

Всё началось с того, что в июле 1862 года, при переезде границы, был задержан П. А. Ветошников, у которого оказались письма А. И. Герцена, М. А. Бакунина и В. И. Кельсиева, адресованные русским революционерам.

---

[1] Имеется в виду полемика вокруг «Отцов и детей».

[2] Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, стр. 237.

В результате был арестован Н. А. Серно-Соловьевич и другие упоминавшиеся в письмах лица. Обыски и допросы повлекли за собой новые аресты. Одновременно был препровожден в Петропавловскую крепость корреспондент «Колокола» А. И. Ничипоренко. Он возвращался из Лондона и оставил компрометирующие его бумаги в вагоне поезда при таможенном осмотре; эти бумаги дали основание для привлечения к дознанию нового круга лиц. Так возникло «Дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», или «процесс 32-х».

Впрочем, в конце 1862 года Тургенев ничего не знал еще об этом деле. 7 (19) октября 1862 года он писал Е. Е. Ламберт из Баден-Бадена: «...В Петербурге дела, кажется, принимают более удовлетворительный оборот: телеграф сообщил известие о преобразовании суда у нас — и это тем особенно утешительно, что показывает твердую решимость государя, его не запугали происшествия нынешнего года — дай бог ему и вперед идти тем же шагом!» *(П V, 58).*

Тогда же, осенью 1862 года, Тургенев решил поближе познакомиться с умонастроением русской молодежи, столь решительно недавно заявившей о себе во время студенческих волнений. Для этого он ездил в Гейдельберг, куда после закрытия Петербургского университета и массовых репрессий устремились некоторые студенты. Для свидания с русскими студентами в Гейдельберге у Тургенева был и особый повод. Весной 1862 года эти студенты сообщили ему через К. К. Случевского свои критические замечания по поводу «Отцов и детей». Тургенев ответил им обширным письмом, своеобразным и глубоким автокомментарием к роману. Разговоры в Гейдельберге осенью 1862 года и последующие наблюдения за жизнью этой русской студенческой колонии не очень обрадовали Тургенева. В значительной мере они отразились в романе «Дым» (1867).

Взгляды Тургенева того времени проявились в известной полемике его с Герценом о будущем России, о ее историческом пути, о России и Западе, о русской крестьянской общине. В сущности, это был спор о народническом социализме Герцена и Огарева, против которого выступил Тургенев, считавший, что задача герценовского «Колокола» — борьба за политическую свободу, а не пропаганда социалистических идей. В этом споре Тургенев высказал Герцену много трезвых истин. Он скептически отнесся к народнической идеализации крестьянства и проницательно отметил рост в русской деревне кулацких, буржуазных элементов. Однако выдвинутая Герценом теория «русского социализма» служила обоснованием революционной борьбы. Тургенева же социально-политический скепсис приводил к идее постепенных изменений. Это тоже была утопия, только не революционная, а либеральная. В. И. Ленин писал шестьдесят лет спустя после спора Тургенева с Герценом: «Либеральная утопия отучает крестьянские массы бороться. Народническая выражает их стремления бороться...»[1]. В «социалистических теориях» Тургенев увидел не начало нового этапа освободительного движения, а только «значительное непонимание народной жизни и современных ее потребностей» *(П V, 74)*. Преобладание этих теорий в «Колоколе» Тургенев считал ошибкой и укоризненно внушал Герцену: «...Публике, читающей в России «Колокол», не до социализма: она нуждается в той критике, в той чисто политической агитации, от которой ты отступил, сам надломив свой меч» *(П V, 75)*.

После этих споров совершенно неожиданным было сообщение Анненкова о скором вызове Тургенева в Петербург по делу о «сношениях с лондонскими пропагандистами», т. е. с Герценом и Огаревым. Тургенев не хотел

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 120.

верить сообщению Анненкова. «Я убежден, — писал он тогда, — что этот слух не имеет основания, потому что он слишком нелеп. Вызывать меня теперь (в Сенат), после «Отцов и детей», после бранчливых статей молодого поколения, именно теперь, когда я окончательно — чуть не публично — разошелся с лондонскими изгнанниками, т. е. с их образом мыслей, — это совершенно непонятный факт» *(П V, 82—83).*

Первое время тургеневские предположения о нелепости слуха, казалось, оправдывались: посланник русского правительства в Париже барон Будберг еще ничего не знал о вызове Тургенева в Петербург. Но в конце января 1863 года русское посольство сообщило Тургеневу, что правительство требует его немедленного возвращения в столицу в связи с «делом 32-х».

Следствие продолжалось полгода. Лишь 31 декабря 1862 года, по докладу председателя следственной комиссии князя А. Ф. Голицына, Александр II согласился на передачу дела в Сенат. А незадолго перед тем, когда основные участники процесса уже были выявлены и дали свои показания, Голицын доложил императору о необходимости вызвать из-за границы А. А. Серно-Соловьевича — брата арестованного, В. И. Кельсиева — одного из ближайших тогда соратников Герцена, В. И. Касаткина и А. А. Черкесова, принимавших непосредственное участие в герценовской пропаганде, а также и Тургенева. Комиссия располагала многими документами, в которых упоминалось имя Тургенева, и заподозрила его в «антиправительственных сношениях» с «лондонскими пропагандистами».

Прежде всего в руках комиссии оказались два письма М. А. Бакунина к Тургеневу, в которых шла речь о денежных средствах, необходимых для переезда жены Бакунина в Лондон; о том же говорилось в многочисленных письмах Герцена и Бакунина третьим лицам. В связи с этим

следствие заинтересовалось характером отношений Тургенева с некоторыми уже арестованными участниками процесса: армянским писателем и критиком М. Налбандяном, корреспондентом «Колокола» Ничипоренко, Н. А. Серно-Соловьевичем, «лондонским эмиссаром» А. Бенни и другими. Но Тургенев мог обо всем этом пока только догадываться. Поэтому, посоветовавшись с Будбергом и сославшись на семейные обстоятельства, он решил просить о высылке ему «допросных пунктов» в Париж и написал письмо Александру II.

25 января (6 февраля) 1863 года Тургенев сообщил об этом Анненкову. В письме еще раз высказывалось недоумение по поводу вызова в Петербург: «Я не в состоянии себе представить, в чем, собственно, меня обвиняют. Не могу же я думать, что на меня сердятся за сношения с товарищами молодости, которые находятся в изгнании и с которыми мы давно и окончательно разошлись в политических убеждениях. Да и какой я политический человек? Я — писатель, как я это представил самому государю, — писатель независимый, но добросовестный и умеренный писатель, — и больше ничего. Правительству остается судить, насколько я полезен или вреден, но до́лжно сознаться, что оно немилостиво поступает со своим „тайным приверженцем“, как вы, помнится, меня называли. Впрочем, я совершенно спокоен и буду спокойно ожидать ответа...» *(П V, 89)*.

Это письмо было явно рассчитано на перлюстрацию. Оно противоречит основному тону писем Тургенева 60-х годов, его сомнениям в правильности правительственной политики и тревоге по поводу откровенного наступления реакции. Конечно, Тургенев был совсем не спокоен. Он пытался узнать истинные причины своего вызова в Петербург и даже думал о том, чтобы ослушаться предписания правительства. 31 января (12 февраля) 1863 года

Тургенев писал Герцену: «Начинаю с того, что требую от тебя глубочайшей и ничем не нарушимой тайны. Можешь ли ты себе представить: меня, меня, твоего антагониста, Третье отделение *требует* в Россию, с обычной угрозой конфискации и т. д. в случае неповиновения. Каково? Ведь это наконец высочайший юмор. Я отвечал письмом государю, в котором прошу его велеть мне выслать допросные пункты; если они удовлетворятся моими ответами — тем лучше; если нет — я не поеду — и пусть они срамятся и *лишают* меня чинов и т. д.» *(П V, 95)*.

Через неделю после этого письма Тургенев получил «из Дрездена и из Петербурга» подтверждение, что его «хотят судить перед Сенатом за сообщения с Герценом», и решение его не возвращаться в Россию еще более укрепилось. В письме к брату 9 (21) февраля 1863 года он прямо заявлял, что «вовсе решился *не* ехать в Петербург», если на его просьбу о высылке «допросных пунктов» последует отказ *(П V, 99)*.

Тургенев серьезно думал об эмиграции. Подтверждением тому может служить письмо к Б. М. Маркевичу, который вместе с А. К. Толстым хлопотал о деле Тургенева в Петербурге, в частности вел переговоры с уже упоминавшейся баронессой Раден и через нее — с великой княгиней Еленой Павловной. Удивляясь неожиданности вызова, Тургенев писал 6 (18) февраля 1863 года: «Вы меня спрашиваете, какое впечатление на меня всё это производит; я этим огорчен, но, смею утверждать без ложной гордости, больше за правительство, чем за себя. Если бы дело шло о том, чтобы предстать перед настоящим судом, я бы немедленно явился; но я мало доверяю правосудию нашего Сената — и притом, кто может поручиться, что даже умеренные мнения не будут наказаны? Подвергнуться предварительному заключению, чтобы затем отправиться на

два или три года прозябать в глухой провинции? Я слишком стар для этого» *(П V, 418)*.

Письмо Маркевича тоже весьма интересно: он сообщал, что Тургенева хотят судить «за намерения произвести переворот в государстве» и что, понимая нелепость этого обвинения, он высказывал перед влиятельными особами мысль о весьма возможной эмиграции писателя. Настроение следственной комиссии было очень решительным; Маркевич же приводил следующие доводы в пользу Тургенева: «Предположив, что Тургенев явиться в Петербург, очевидно, не пожелает, надо думать, если не брать середины, что он будет приговорен к ссылке. При такой постановке вопроса, отдает ли себе отчет правительство в дилемме, которая развертывается перед ним в этом случае: или Тургенев — человек мстительный и перейдет в ряды ожесточенных врагов правительства, и тогда он будет гораздо опаснее самого Герцена, или же (что представляется весьма возможным для тех, кто знает Тургенева) он не отступит ни на пядь от своих принципов умеренности и от своих убеждений либеральных, но всё же монархических, как он мне сказал, и в таком случае позиция правительства не окажется ли нелепой лицом к лицу с произведениями, на которых запечатлелся этот дух ума и сдержанности далекого изгнанника, осужденного, как анархист и революционер?» [1].

Впрочем, «допросные пункты» пришли и оказались, по мнению Тургенева, «совершенными пустяками» *(П V, 107)*. 22 марта (3 апреля) Тургенев написал ответы; тогда же они были отправлены в Петербург. Оговорившись, что не знает Кельсиева вовсе, с Огаревым почти никогда не говорил, а дружба с Бакуниным не основывалась на общности политических взглядов, Тургенев основную часть ответа

[1] «Звенья», т. V. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 290—293.

посвятил рассказу о своих отношениях с Герценом. Он убеждал своих судей, что вся история этих отношений — постепенное охлаждение двух приятелей друг к другу на почве несогласия во взглядах, охлаждение, приведшее наконец к разрыву.

Имея в виду этот ответ и письмо Тургенева на имя Александра II, Герцен позднее писал в «Колоколе» «об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучаясь, что государь еще не знает о постигшем ее раскаянии, в силу которого *„она прервала все связи с друзьями юности“*»[1].

Революционер Герцен имел право сурово осудить либеральную позицию Тургенева в «деле 32-х», хотя ни в письме Тургенева к Александру II, ни в его ответах Сенату не было ни слова о его «раскаянии». Тургенев в письме к Герцену с огорчением и обидой возражал против заметки в «Колоколе» и привел полный текст своего обращения к царю. Этот эпизод стал поводом к перерыву в отношениях писателей.

Остальные «допросные пункты» касались конкретных фактов, послуживших непосредственным поводом для привлечения Тургенева к дознанию. Ряд вопросов был связан с участием писателя в судьбе жены Бакунина. В своих показаниях следственной комиссии Тургенев настойчиво повторял, что его связи с Герценом, Бакуниным и Огаревым носят сугубо личный характер и что содействие жене Бакунина — не более чем бескорыстная помощь Бакунину — другу юности. Всё это действительно так. Но помощь жене Бакунина никак и не инкриминировалась Тургеневу. Гораздо больше комиссию интересовали связи Тургенева с Налбандяном, против которого было возбуждено обвине-

---

[1] «Колокол», 1864, л. 177, 15 (27) января, стр. 1460.

ние в распространении антиправительственной литературы. Но допрос Налбандяна и ответы Тургенева ничего не дали: оба показали, что их отношения ограничивались помощью жене Бакунина. Однако третий подсудимый, Ничипоренко, говорил другое. От Тургенева требовали объяснений, каким образом Налбандян встретился с Ничипоренко на квартире Тургенева; Тургенева спрашивали также, не передавал ли ему Бакунин какого-нибудь словаря или ключа для облегчения конспиративной переписки[1]. Был задан вопрос о передаче Тургеневым записки Герцена, адресованной Н. А. Серно-Соловьевичу. При этой записке оказался пакет с воззваниями о пожертвованиях в так называемый общий фонд «Колокола».

Из опасения повредить себе и другим Тургенев отвечал на все вопросы очень осторожно, тем более что он не мог знать о показаниях обвиняемых. Поэтому нет ничего удивительного, что некоторые ответы комиссию не удовлетворили и в сентябре 1863 года Тургеневу было предложено явиться в Петербург для дополнительных показаний. В письме, выдержанном в осторожных и доброжелательных тонах, писателю предлагалось приехать в удобное для него время.

Анненков в письме от 8 сентября 1863 года сообщал об этом же: «Я имею поручение от весьма важных и неважных чиновников сенатской комиссии убедительно просить Вас о приезде для исполнения формальности *очной ставки* с наговорщиками Вашими, *которая ни в коем случае не может иметь ни малейших последствий для вашей личности и независимого положения*. А очная ставка необходима совершенно по нашим формам судопроизводства,

---

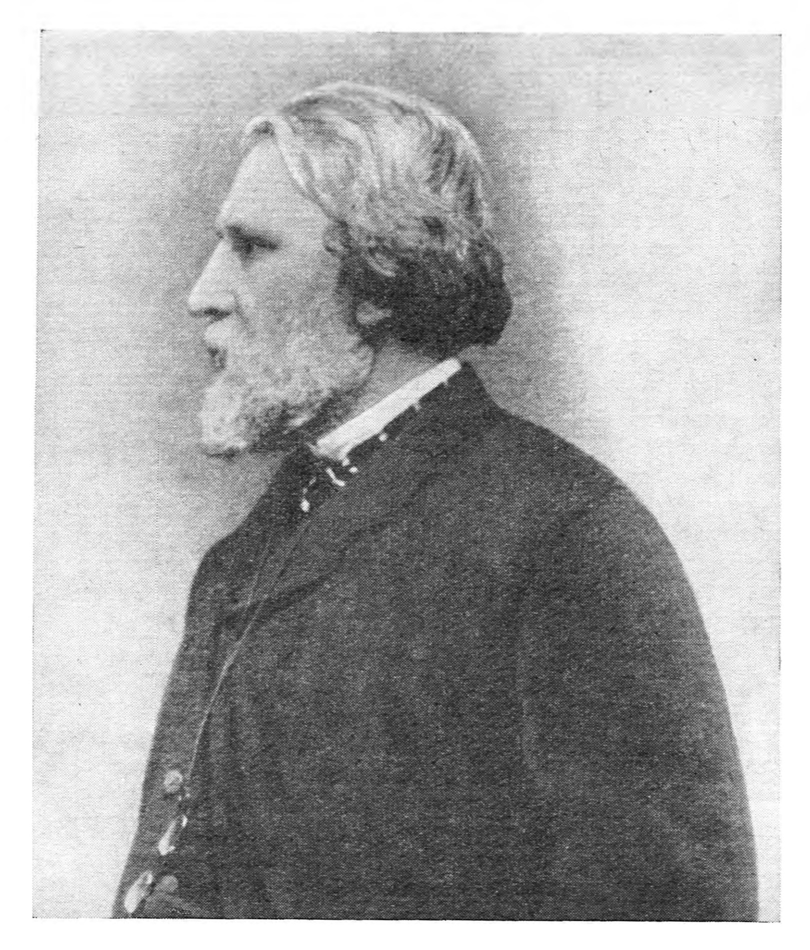
[1] Этот факт имел место. Тургенев и сам однажды воспользовался этим шифром. См.: Н. А. Островская. Воспоминания о Тургеневе. — В кн.: «Тургеневский сборник» под ред. Н. К. Пиксанова. Пг., «Огни», 1915, стр. 68.

для окончания всего дела, для выпуска тех, которые содержатся под арестом, для прекращения вообще для многих состояния... неопределенности положения — словом, для завершения процедуры, останавливаемой одним этим обстоятельством. Так объясняет дело председательствующий в комиссии — Карниолин-Пинский и многие другие, которых в коварстве или двоедушии подозревать нельзя и которые все согласны, что приезд Ваш был бы актом весьма благодетельным...» *(П V, 585)*.

Тургенев рассчитывал приехать в Петербург в ноябре или первых числах декабря, но из-за болезни вынужден был отложить отъезд. Это вызвало негодование общественного мнения «почти всех кругов» *(П V, 597)*, так как промедление Тургенева приводило к отсрочке решения участи арестованных. 4 января 1864 года Тургенев прибыл в Петербург и поселился в гостинице «Франция»; современный адрес: улица Герцена, дома 6—8 (?). «Мое возвращение в Россию заставило умолкнуть кучу сплетен, столь же неприятных, как и глупых» *(П V, 202)*, — писал он П. Виардо.

Тургенев проводит дни в беспрестанных визитах, успевая увидеть много разных лиц, побывать на вечерах и обедах, в театрах и на концертах и, конечно, встретиться с нужными людьми. Друзья побеспокоились о том, чтобы он имел возможность встретиться с судьями и другими важными сановниками, от которых мог зависеть исход дела.

4 января Тургенев «долго беседовал с Боткиным и Анненковым», а на следующий день успел «перевидать немало всякого народу», в том числе председателя сенатской комиссии М. М. Карниолина-Пинского. «С председателем объяснился удовлетворительно и полагаю, что всё это дело кончится скоро и благополучно», — сообщал он П. Виардо. Обедал Тургенев в тот день с Боткиным, Анненковым и

И. С. Тургенев.
Фотография. 1863 год.

известным востоковедом Н. В. Ханыковым, первую половину вечера провел у А. Г. Рубинштейна, который обещал помочь опубликованию в России альбома романсов П. Виардо на слова русских авторов, а затем поехал к Анненкову *(П V, 193—194)*.

6 января Тургенев «принимал посетителей-литераторов», «сделал два или три визита», снова обедал у Анненкова «с несколькими старыми друзьями» и «оттуда отправился в театр слушать оперу г. Серова „Юдифь“», после чего «поехал пить чай к Милютину» — видному деятелю крестьянской реформы, своему давнему знакомому *(П V, 441—442)*.

Создается впечатление, что Тургенев намеренно, несмотря даже на болезнь, которая давала себя знать в Петербурге, ведет столь рассеянную светскую жизнь. Видимо, зная, что за ним наблюдают, он всё время на людях, в кругу своих старых знакомых из литературной среды и светского общества. Литераторы, о которых говорится в его письмах, — это тоже старинные приятели, никак не связанные с «Современником» или молодыми «нигилистами».

7 января, между двенадцатью и часом дня, Тургенев в первый раз был на заседании сенатской комиссии. В этот день он еще не давал показаний, но должен был выслушать постановление о предании его суду, дать подписку о невыезде и исполнить ряд необходимых формальностей. «Меня ввели с некоторой торжественностью в большую комнату, — рассказывал Тургенев, — где я увидел шестерых старцев в мундирах и со звездами. Меня продержали стоя в течение часа, мне прочитали ответы, посланные мною. Меня спросили, не имею ли я чего-либо прибавить, потом меня отпустили, сказав явиться в понедельник на очную ставку с другим господином. Все были очень вежливы и очень молчаливы, что является отличным

знаком, и, судя по общему мнению, дело закончится еще скорее, чем я надеялся» *(П V, 442)*.

А до понедельника жизнь Тургенева в Петербурге проходила всё в тех же встречах и развлечениях. Из Сената он отправился к графине Ламберт, обедал у Анненкова и провел вечер у композитора А. Н. Серова, который играл отрывки из новой оперы «Рогнеда», очень понравившиеся Тургеневу. По утрам Тургенев всё так же «делал и принимал визиты», вечером 8 января был в итальянской опере на «Фаусте» (эта опера в тот сезон имела необычайный успех у петербургской публики), 9 января — на концерте Русского музыкального общества с участием А. Г. Рубинштейна, откуда поехал на званый вечер к итальянскому послу маркизу Пеполи. Это посещение было для Тургенева своего рода обязанностью. Он не забывал о том, что́ привело его в Россию. «Видел много знакомых, — сообщал, между прочим, Тургенев П. Виардо — в том числе m-me Адлерберг [1], которая расспрашивала меня о Вас. Князь Долгорукий [2] (Вы послушайте только!), глава и начальник всей полиции в империи, один из влиятельнейших сановников, подошел ко мне и несколько минут беседовал со мной; князь Суворов [3] был со мной в высшей степени любезен; всё это доказывает, что во мне не видят заговорщика. Впрочем, один из моих судей, толстый Веневитинов, которого Вы знаете, объявил мне, что мое дело — пустяшное» *(П V, 199)*.

Дело действительно кончилось благополучно и быстрее, чем думал Тургенев. Ничипоренко, показания которого против Тургенева были наиболее основательны, умер в

---

[1] Жена А. В. Адлерберга, генерал-адъютанта и личного друга Александра II.

[2] В. А. Долгоруков, начальник III отделения.

[3] А. А. Суворов, петербургский военный генерал-губернатор.

крепости. Поэтому, когда 13 января Тургенев снова был в Сенате, ему объявили, что очной ставки не будет и вместо этого он должен дать дополнительные письменные показания. «...Удовольствовались тем, что вручили мне весь dossier моего дела (что, в скобках, является доказательством огромного ко мне доверия), указав мне страницы, на которых упоминается мое имя, — сообщал Тургенев П. Виардо. — Я написал несколько замечаний — вернее, добавочных разъяснений, которые, по-видимому, вполне удовлетворили моих судей. Очевидно, дело совсем пустяковое — меня даже не допрашивали. Мои шестеро судей предпочли поболтать со мной о том, о сем, и то всего в продолжение каких-нибудь двух минут. Завтра опять пойду в Сенат — думаю, в последний раз» *(П V, 201—202)*.

Тургенев прочел или, вернее, просмотрел всё дело. Теперь он имел ясное представление не только о том, в чем подозревают его, но и о серьезности обвинений всех привлеченных к делу. Он не мог не видеть, что сколько-нибудь веских оснований для обвинения его, особенно после смерти Ничипоренко, у комиссии нет. Ему оставалось лишь повторить, с некоторыми незначительными добавлениями, свои прежние ответы. Дополнительные ответы Тургенева действительно вполне удовлетворили комиссию.

Некоторые «доброжелатели» Тургенева остались недовольны таким окончанием дела для писателя. Среди них — Б. Маркевич, «хлопотавший» о Тургеневе еще в 1863 году. Письмо Маркевича к М. Н. Каткову 7 января 1864 года характеризует «искренность» этих хлопот: «Третьего дня приехал сюда Тургенев. Вчера он виделся с главным судьею своим — сенатором Пинским, который принял его благосклонно, но торжественно, объявив ему, что Сенат потребует его объяснений, а ареста на него не наложат и даже позволят ему ... отлучиться на время в Москву.

Единственный обвинитель Тургенева, Ничипоренко, умер в крепости: весьма досадно»[1].

В начале февраля Тургенев уже мог бы уехать из Петербурга, но его удерживали в России некоторые неотложные дела. Главные из них: издание альбома романсов П. Виардо, публикация «Призраков» и переговоры с московским книгоиздательством братьев Салаевых об издании собрания сочинений. Пока Тургенев находился в неизвестности относительно результата суда, он не мог спокойно заниматься этими делами.

Альбом Виардо[2] появился в музыкальном магазине Иогансона на Невском проспекте уже в марте 1864 года. Он был выпущен владельцем магазина под негласной редакцией А. Г. Рубинштейна и под непосредственным наблюдением самого Тургенева, который не только вел переговоры с издателем и редактором, не только следил за ходом всего издания, но и активно способствовал рекламированию этого альбома в русской периодической печати. Что касается переговоров об издании собрания сочинений, то и они завершились благополучно; в 1865 году в Карлсруэ уже были отпечатаны все пять томов.

В ожидании исхода своего дела Тургенев всё так же проводил бо́льшую часть времени в светских визитах и в театре. 16 января он посетил баронессу Раден и «долго беседовал с великой княгиней Еленой», после чего «пошел в русский театр смотреть пьесу Островского». На сцене Мариинского театра шла «Воспитанница», чрезвычайно не понравившаяся писателю. «Актеры отвратительные, актрисы еще того хуже: неверные интонации, неудачные жесты» *(П V, 203)*, — писал он П. Виардо. В тот же вечер шла

---

[1] «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1959, № 4, стр. 141.

[2] 12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, переведенные Ф. Боденштедтом и положенные на музыку П. Виардо. СПб., 1864.

пьеса самого Тургенева «Холостяк». Писатель даже не упомянул о ней.

18 января Тургенев был на «превосходном представлении» оперы Бетховена «Фиделио», поставленной итальянской труппой в Петербурге, а на следующий день присутствовал на концерте Венявского и Давыдова в зале Бенардаки. 22 января Тургенев обедал у одного из своих судей — сенатора Веневитинова, а на следующий день вечером снова был на концерте Русского музыкального общества, которым руководил А. Г. Рубинштейн.

Но постепенно сообщения о светских визитах и даже посещениях театральных представлений исчезают со страниц писем Тургенева. «В обществе бываю редко и без удовольствия» *(П V, 208)*, — писал он П. Виардо 22 января 1864 года. В феврале Тургенев еще посетил нескольких старых знакомых и был на большом балу в Дворянском собрании. Вот и всё. Но зато больше времени у него начинают отнимать встречи с литераторами.

19 января 1864 года умер А. В. Дружинин. «...Я видел его через несколько дней после моего приезда, — писал Тургенев, — это был призрак. Он уснул спокойно, без страданий» *(П V, 443)*. 21 января состоялись похороны. В этот день Тургенев помирился с Гончаровым. «На похоронах Дружинина, на Смоленском кладбище, в церкви, ко мне подошел Анненков, — вспоминал Гончаров, — и сказал, что Тургенев желает подать мне руку — как я отвечу? — „Подам свою“, — отвечал я, и мы опять сошлись, как ни в чем не бывало. И опять пошли свидания, разговоры, обеды — я всё забыл» [1]. Тургенев тоже порадовался примирению; оно, как писал он Гончарову, положило конец «возникшему между нами недоразумению» и дало основания возобновить дружбу с человеком, «к которому,

---

[1] «И. А. Гончаров. Необыкновенная история», стр. 32.

не говоря уже об уважении к его таланту, — я стою очень близко — в силу общего прошедшего, однородности стремлений и многих других причин» *(П V, 239)*.

2 февраля Тургенев был на годовом заседании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Это заседание предполагалось не совсем обычным. Началось оно чтением краткой речи Тургенева в память основателя русского Литературного фонда. Писатель говорил: «Дружинин обладал в высокой степени тем, что мы называем характером. Он ясно сознавал идеал, к которому стремился и который людям противуположного образа мыслей мог показаться узким или недостаточным; но он честно служил этому идеалу со всей энергией твердой воли, со всей силой убеждения, которое не боится ни насмешек, ни отрицаний, ни даже одиночества и забвения» *(XV, 46)*.

Вся речь во многом была полемически заострена против нигилистического отрицания заслуг писателей старшего поколения, к которым Тургенев причислял и себя и Дружинина. Это становится понятным, если учесть, что на заседании были возможны самые неожиданные события. «Ждали запросов со стороны нетерпеливых, тех, кого здесь, с моей легкой руки (я впервые ввел это слово в „Отцах и детях“), зовут „нигилистами“; нас они находят чересчур благоразумными; но всё сошло отлично; в комитет выбраны люди умеренные (меня выбрали членом комитета и председателем ревизионной комиссии). Потом состоялся обед в честь нашего покойного собрата Дружинина; мы много говорили, ничего особенного не сказав...» *(П V, 222)*. Обед состоялся в гостинице «Франция».

Литературные и общественные вопросы постепенно увлекают Тургенева. 9 февраля он присутствует на чтении остросовременной «хроники в стихах» Я. П. Полонского. «Сюжет очень щекотливый; это — картинка того, что в настоящее время творится в Польше», — писал Тургенев.

И хотя содержание «хроники» Полонского «Разлад»[1] не противоречило официальным версиям о причинах польского восстания 1863 года, Тургенев опасался, «как бы цензура своим veto не помешала выходу в свет этого произведения, в общем замечательного» *(П V, 228—229)*. Кстати, Тургенев, заинтересованный положением в Польше, тогда же получил приглашение Н. А. Милютина, назначенного статс-секретарем в Царстве Польском, съездить туда на несколько дней. Вместе с давнишними знакомыми Тургенева — общественным деятелем славянофильского направления Ю. Ф. Самариным и уже упоминавшимся В. А. Черкасским Милютин разработал либеральный проект отмены там крепостного права. «Это более чем интересно: это историческое событие» *(П V, 231)*,— писал Тургенев о готовящейся реформе и возможности видеть ее первые шаги.

Предметом особых забот Тургенева в феврале 1864 года была повесть «Призраки», обещанная журналу «Время». Необычный, «фантастический» сюжет повести тревожил писателя — Анненков, Боткин и другие его друзья, читавшие повесть еще в 1863 году, упорно советовали отложить печатание, особенно после острой полемики вокруг «Отцов и детей». Тургенев просил Ф. М. Достоевского не информировать читателей о новом произведении до своего возвращения в Петербург. Он намеревался вновь обсудить «Призраки» с друзьями и внести в повесть поправки.

В новой повести Тургенев живо и едко откликается на усиление реакции за рубежом и в России. С презрением пишет он о буржуазном Париже и рисует сатирическую картину казарменного Петербурга. Это единственное раз-

---

[1] «Эпоха», 1864, № 4. В 1865 году поэма «Разлад» вышла отдельным изданием.

вернутое описание русской столицы в творчестве Тургенева:

«„Слуша-а-а-а-ай!“ — раздался в ушах моих протяжный крик. „Слуша-а-а-а-ай!“ — словно с отчаянием отозвалось в отдалении. „Слуша-а-а-а-ай!“ — замерло где-то на конце света. Я встрепенулся. Высокий золотой шпиль бросился мне в глаза: я узнал Петропавловскую крепость.

Северная, бледная ночь! Да и ночь ли это? Не бледный, не больной ли это день? Я никогда не любил петербургских ночей; но на этот раз мне даже страшно стало... Так вот Петербург! Да, это он, точно. Эти пустые, широкие, серые улицы; эти серо-беловатые, желто-серые, серо-лиловые, оштукатуренные и облупленные дома, с их впалыми окнами, яркими вывесками, железными навесами над крыльцами и дрянными овощными лавчонками; эти фронтоны, надписи, будки, колоды; золотая шапка Исаакия; ненужная пестрая биржа, гранитные стены крепости и взломанная деревянная мостовая; эти баржи с сеном и дровами; этот запах пыли, капусты, рогожи и конюшни, эти окаменелые дворники в тулупах у ворот, эти скорченные мертвенным сном извозчики на продавленных дрожках, — да, это она, наша Северная Пальмира. Всё видно кругом; всё ясно, до жуткости четко и ясно, и всё печально спит, странно громоздясь и рисуясь в тускло-прозрачном воздухе. Румянец вечерней зари — чахоточный румянец — не сошел еще, и не сойдет до утра с белого, беззвездного неба; он ложится полосами по шелковистой глади Невы, а она чуть журчит и чуть колышется, торопя вперед свои холодные синие воды...» *(IX, 104—105).*

Несмотря на собственные сомнения и советы друзей отложить печатание «Призраков», Тургенев отдал повесть в журнал братьев Достоевских «Эпоха». Этот журнал стал выходить с марта 1864 года вместо журнала «Время», запрещенного в апреле 1863 года за статью Н. Н. Страхова

«Роковой вопрос», в которой правительство усмотрело апологию польского восстания. Друзья Тургенева, настаивавшие на нецелесообразности опубликования повести, предсказывали ее полный провал у читателей.

Однако публика несколько иначе, по крайней мере в бытность Тургенева в Петербурге, отнеслась к «Призракам». 18 февраля 1864 года Тургенев читал свою повесть на вечере Литературного фонда и «ожидал провала» *(П V, 231)*. Но его опасения оказались напрасными. «Вечер этот был очень интересен, особенно благодаря г. Тургеневу, который прочел свою небольшую, но чрезвычайно интересную, с несколько фантастическим характером повесть „Призраки“»[1], — писал рецензент «Голоса». В печати «Призраки» появились, когда Тургенев был уже за границей. Он уехал из Петербурга 21 февраля 1864 года. Незадолго до отъезда, 19 февраля, Тургенев присутствовал на обеде в честь трехлетнего юбилея крестьянской реформы. Комиссия, составлявшая проект положения об отмене крепостного права, «присутствовала на этом празднике в полном составе своих членов» *(XV, 52)*, — вспоминал Тургенев четыре года спустя.

Пребывание в Петербурге в 1864 году, при всем разнообразии вынесенных впечатлений, дало Тургеневу меньше, чем ему хотелось. Положение подсудимого вынуждало писателя вести такой образ жизни, который не дал бы поводов к осложнениям. Тургеневу оставалось наблюдать. Но как только он оказался вне внимания официальных и полуофициальных лиц, прежний интерес к общественной жизни русской столицы сразу же обнаружился в его письмах. «Напишите мне, какие ходят теперь политические и литературные слухи в нашей северной столице?» *(П V, 243)* — спрашивал он Анненкова 24 марта (5 апреля)

---

[1] «Голос», 1864, 23 февраля.

1864 года. Посещение Петербурга лишь усилило появившиеся в 60-х годах сомнения Тургенева относительно скорого наступления «новых времен» в России. Не рассеяли этих сомнений и события следующих лет.

В 1865 году Тургенев снова приехал на родину. Поездка была весьма непродолжительной. Писатель должен был привести в порядок свои литературные и хозяйственные дела. Эти заботы поглощали Тургенева целиком. Он провел два месяца в Спасском, так и не успев как следует узнать «родину и людей, в ней живущих» *(П V, 262)*. И петербургская жизнь того времени осталась для него загадкой. Тургенев останавливался в столице лишь проездом, всего на 2—3 дня в мае и июне. Жил он на квартире В. П. Боткина, на Караванной улице (ныне улица Толмачева, дом 14). В памяти Тургенева это пребывание в Петербурге не оставило ярких воспоминаний.

Однако писателя не покидала мысль о русской столице, и образ Петербурга нередко появлялся на страницах его произведений 60-х годов. Даже в короткой повести «Собака», весьма далекой по своему содержанию не только от социальных, но даже и от бытовых вопросов столичной жизни, Тургенев упоминает о некоем Антоне Степановиче, который «состоял в чине статского советника, служил в каком-то мудреном департаменте и, говоря с расстановкой, туго и басом, пользовался всеобщим уважением. Ему незадолго перед тем, по выражению его завистников, „влепили станислашку“» (дали орден Станислава). Рассказчик — «небогатый калужский помещик, недавно приехавший в Петербург». «Новейшие хозяйственные перемены сократили его доходы, и он отправился в столицу поискать удобного местечка. Он не обладал никакими способностями и не имел никаких связей; но он крепко

надеялся на дружбу одного старинного сослуживца, который вдруг ни с того ни с сего выскочил в люди и которому он однажды помог приколотить шулера. Сверх того он рассчитывал на свое счастье — и оно ему не изменило; несколько дней спустя он получил место надзирателя над казенными магазинами — место выгодное, даже почетное и не требовавшее отменных талантов: самые магазины существовали только в предположении и даже не было с точностью известно, чем их наполнят, — а придумали их в видах государственной экономии» *(IX, 123—124)*.

Эти герои — люди 60-х годов. Но, по мысли писателя, в пореформенное время мало что изменилось в сравнении с николаевскими временами. Мир петербургского чиновничества остался прежним. Всё та же безалаберщина, тот же бюрократизм, та же погоня за наживой и иерархические предрассудки.

Тургенев знал жизнь русской столицы. Но он хотел быть и в курсе всех изменений ее общественных и литературных настроений. А для этого нужно было жить в России. Сообщения газет и журналов и письма нескольких друзей — вот источник его информации о России. Он по-прежнему просит Анненкова писать ему о петербургской жизни и с нетерпением ждет вестей с родины. Письма Анненкова, чуть не единственный живой голос из Петербурга, приходят редко. Тургенев дорожит этими письмами, пространно отвечает на них, и на его ответах лежит заметный отпечаток суждений Анненкова. Писатель знает о Петербурге по отдельным фактам и невольно смотрит на них глазами своего друга.

Тургенева волновала общая политическая обстановка в России. Время было тяжелое и тревожное. Общественный подъем конца 50-х — начала 60-х годов кончился. Реакция усиливалась с каждым днем. Н. Г. Чернышевский, М. И. Михайлов были отправлены на каторгу, Д. И. Пи-

сарев сидел в Петропавловской крепости, многие участники революционно-демократического движения разделили судьбу своих учителей и руководителей. Польское восстание 1863 года было свирепо подавлено. Борьба с «крамолой» приняла совершенно беззастенчивый характер.

В 1866 году в Петербурге произошло событие, вызвавшее новый взрыв правительственных репрессий и приведшее к закрытию «Современника» и «Русского слова». 4 апреля член революционной террористической организации Д. В. Каракозов у Летнего сада стрелял в Александра II. Выстрел был неудачен, царь остался жив. По официальным сообщениям, мастеровой О. И. Комиссаров отвел руку Каракозова в момент выстрела и тем спас царя.

Тургенев был потрясен этим, по его словам, «безобразным событием в Петербурге». Он понимал, что покушение Каракозова может иметь роковые последствия для демократической интеллигенции и всех оппозиционных сил. «Нельзя не содрогнуться при мысли, чтó бы сталось с Россией, если б это злодейство удалось, — писал Тургенев уже 6 (18) апреля Анненкову. — Но теперь я обращаюсь к вам с настоятельной просьбой: вы должны мне сказать всё, что узнаете об этом Петрове[1]; вы понимаете, что тут дело не в простом любопытстве: чрезвычайно важно знать, какое его прошедшее и что могло побудить его к подобному преступлению...» *(П VI, 66—67)*. Положение в Петербурге не могло не беспокоить писателя: он скоро узнал, что реакция, как всегда, воспользовалась случаем расправиться с инакомыслящими. Писатель не оправдывал ни правительственного террора, ни позиции Александра II, разрешившего массовые преследования. «Нежелание Ваше возвратиться в Россию мне более понятно, — пишет он

---

[1] Каракозов при аресте назвал себя Алексеем Петровым.

30 мая (11 июня) 1866 года поэту и переводчику А. М. Жемчужникову, — там всё свирепствует Комиссаров. Я душевно предан государю; но это „ломание стульев“ — из рук вон» *(П VI, 83)*.

А еще несколько месяцев спустя, когда «ломание стульев» стало несколько затихать, Тургенев начинает надеяться, что реакционная истерия, вызванная покушением 4 апреля, наконец кончится. «Каракозовская история оканчивается, по-видимому, — „пшиком“ — и я этому рад, хотя это, быть может, и огорчит Василия Петровича [Боткина], — писал он Н. В. Ханыкову 16 (28) сентября 1866 года. — А то уж очень становилось странно в воздухе...» *(П VI, 104)*.

Но Тургенева беспокоила не только «каракозовская история». При поддержке правительственных кругов славянофильские публицисты развернули реакционную панславистскую пропаганду. Оставаясь на позициях либерализма, Тургенев ничего не мог противопоставить возродившемуся славянофильству, кроме старых идей либерального западничества 40-х годов. Верность западническим заветам Тургенев подчеркивает в то время с особенным демонстративным упорством. В то же время его смущает и тревожит социалистическая пропаганда Герцена и Огарева. Характерные народнические черты их учения (вера в общину и т. д.) он ошибочно сближает с обветшалыми славянофильскими теориями. На почве тягостных впечатлений общественной жизни и печальных мыслей о безвременье и о неопределенном будущем России возник новый роман Тургенева — «Дым». Он был задуман еще в 1862 году, закончил же его Тургенев только в 1867 году.

25 февраля 1867 года Тургенев снова приехал в Петербург. Он пробыл здесь десять дней и останавливался, как и в прошлый свой приезд, на квартире В. П. Боткина. Писатель привез с собой новый роман.

«Дым», как и «Отцы и дети», должен был появиться в журнале Каткова «Русский вестник», но Тургенев «еще ни разу не печатал ни одного из своих произведений, не подвергнув его обсуждению своих литературных друзей — и не внеся в него, вследствие этого обсуждения, значительных изменений и поправок». «Это более чем когда-либо необходимо теперь, — писал Тургенев М. Н. Каткову, — я довольно долгое время молчал, — и публика — как это всегда бывает в подобных случаях — с некоторым недоверием относится ко мне, притом самый этот роман задевает много вопросов и вообще имеет — для меня по крайней мере — важное значение» *(П VI, 128)*.

Чтение состоялось в первый же день приезда. Тургенев читал «Историю лейтенанта Ергунова» и несколько глав нового романа. Он сообщил П. Виардо: «За исключением одной главы, которую Анненков советует мне переделать (пикник генералов), — по тону несколько утрированной — an die Karrikatur streifend [на грани карикатуры] — обо всех остальных я слышал только комплименты; даже больше того: видел на лицах (слушателей), в особенности старика Боткина, выражение удовольствия, смешанного с удивлением, и это было мне очень приятно» *(П VI, 164—165)*. На следующий день чтение продолжалось, и Тургенев снова писал об этом П. Виардо: «Успех моего чтения чем дальше, тем больше возрастал; кончил всё вчера, к двенадцати ночи — читал почти семь часов подряд, изнемогая от усталости, но то впечатление, которое, я видел, производило мое чтение, поддерживало и ободрило меня. Словом, по-видимому, из всего написанного мною это наименее плохо, и мне сулят золотые горы. Тем лучше, тем лучше» *(П VI, 166)*. После этого чтения Тургенев сразу же принялся за переделку романа, и ко времени отъезда из Петербурга «Дым» был вполне окончен.

Слух о новом произведении Тургенева распространился по столице. «Оба моих опуса [«Дым» и «История лейтенанта Ергунова»] наделали много шума в Петербурге, — писал он, — хотели бы, чтоб я читал их и тут и там, но я занят другим» *(П VI, 400)*. И действительно, на встречах с писателями Тургенев мало говорил о своем новом романе: его рассказы касались готовившихся тогда «Литературных воспоминаний», а разговоры — новых произведений русской литературы.

Впрочем, на литературных вечерах Тургенев бывал нечасто; он продолжал работу над «Дымом». Много времени отнимали и хлопоты по официальному введению в дела нового управляющего имениями. Свободное время писатель отдавал музыке. Он посещал любительские музыкальные вечера у Ф. Ф. Абаза, жены видного государственного деятеля, где встречался с А. Г. Рубинштейном. Был Тургенев и на концертах в Консерватории и в бесплатной музыкальной школе, созданной деятелями «Могучей кучки». Здесь он познакомился с В. В. Стасовым.

Впервые Стасов увидел Тургенева в 1865 году, на концерте Русского музыкального общества в зале Благородного собрания. Стасов вспоминал: Тургенев, «войдя в залу, рассказывал какой-то знакомой своей даме, рядом со мною, отчего опоздал. «Je viens d'entendre pour la première fois le quintetto de Schumann... J'ai l'âme tout en feu» [Я только что услышал первый раз квинтет Шумана... У меня душа горит], — говорил он своим мягким и тихим голосом, немного пришепетывая. Я в первый раз видел эту крупную, величавую, немного сутуловатую фигуру, его голову с густой гривой тогда еще не седых волос вокруг, его добрые, немножко потухшие глаза. Шумана страстно любил тогда весь наш музыкальный кружок, я тоже, и мне было приятно вдруг узнать, что и такой талантливый человек, как Тургенев, поражен Шуманом, как мы. Навряд ли кто-ни-

будь еще, из всех наших литераторов, знал тогда что-нибудь о Шумане, и тем более — способен был бы понимать его»[1].

В. В. Стасов.
Фотография. 1860-е годы.

В 1867 году Тургенев сам выразил желание познакомиться с В. В. Стасовым, которого знал по его статьям. Наибольший интерес Тургенева вызвали резкие суждения критика о К. Брюллове. И разговор их начался с Брюллова: здесь взгляды Тургенева и Стасова совпали. Стасов рассказывал Тургеневу о редакторском вмешательстве Каткова в его работы; Тургенев жаловался на то же. Далее разговор перешел на новый роман Тургенева «Дым», где высказаны довольно резкие суждения не только о русских художниках, но и о русских музыкантах, в том числе — о Глинке. Стасов решительно не согласился с мыслью писателя, что родоначальник национальной русской музыки — лишь самородок. «...Завязался спор, горячий, сердитый, первый из тех споров, какие мне суждено было вести с Тургеневым в продолжение стольких еще лет впереди», — вспоминал Стасов[2].

[1] «Северный вестник», 1888, № 10, стр. 146.

[2] Там же, стр. 146—149. Впоследствии Тургенев передал атмосферу споров со Стасовым в стихотворении в прозе «С кем спорить?».

Но самое главное, чем ознаменовалось для Тургенева это посещение Петербурга, — знакомство с Д. И. Писаревым. «...Писарев, великий Писарев, бывший критик «Русского слова», зашел ко мне, — писал Тургенев 30 марта 1867 года писателю М. В. Авдееву, — и оказался человеком весьма не глупым и который еще может выработаться: главное — il a l'air d'un enfant de bonne maison [он выглядит ребенком из хорошей семьи], как говорится, ручки имеет прекрасные, и ногти — следующей длины [далее следовал слегка шаржированный рисунок] — что для нигилиста несколько странно» *(П VI, 213)*.

В воспоминаниях Н. А. Островской, часто навещавшей писателя в те годы, приводится интересный рассказ Тургенева об этой встрече. «Я останавливался тогда у В. Боткина, — рассказывал он. — Надо вам сказать, что Боткин бывал частенько очень грубоват. Когда он узнал, что пришел Писарев, он взволновался: „Зачем этот еще пришел? Неужели ты его примешь?“ Я говорю: „Конечно приму; если тебе неприятно, ты бы лучше ушел“. „Нет, — говорит, — останусь“. Мне хотелось, чтобы Боткин ушел: я знал его и боялся, как бы он не выкинул какой штуки... Но делать было нечего: не мог же я гнать хозяина из его собственного дома. Я их познакомил. Боткин едва кивнул головой и уселся в угол. „Ну, — думаю, — быть беде!“ И действительно, только что Писарев что-то сказал — как мой Боткин вскочил, да и начал: „Да вы, — говорит, — мальчишки, молокососы, неучи!.. Да как вы смеете?..“ Писарев отвечал учтиво, сдержанно, заявив, что едва ли г. Боткин настолько знает современную молодежь, чтоб называть всю ее, огулом — „неучами“. Что же касается самого укора в *молодости*, то это еще не вина: придет время — и эта молодежь созреет. Таким образом оказалось, что поклонник всего прекрасного, изящного и утонченного — оказался совершенно грубым задирой, а пред-

полагаемый „нигилист“, „циник“ и т. п. — истым джентельменом. Я после стыдил этим Боткина. „Не могу, — оправдывался он, — не могу переносить их“» [1].

По некоторым замечаниям об этой встрече в письмах Тургенева и по воспоминаниям о нем можно восстановить круг вопросов, который обсуждали известный писатель и молодой критик. У Писарева было поручение от имени редакторов «Дела». В этом новом демократическом журнале, который стал выходить в 1866 году под фактической редакцией критика Г. Е. Благосветлова, принимали участие многие из сотрудников закрытого «Русского слова». Писарев обратился к Тургеневу с просьбой предоставить новое произведение этому журналу. Тургенев не отказал, но и не обещал. И всё же, когда перед ним возникла необходимость напечатать новую повесть «Бригадир», писатель рекомендовал Анненкову, занимавшемуся этим делом, подумать и о предложении Писарева. «Если вздумаете, пошлите за ним: он придет наверное, а человек он любопытный — помимо всяких соображений на помещение моего „детища“» *(П VI, 251)*, — писал Тургенев.

Впрочем, для Писарева предложение о сотрудничестве было, скорее всего, лишь поводом. Между ним и Тургеневым состоялся прямой и принципиальный разговор о литературе и критике. Воспоминания Тургенева дают ясное представление о тоне и характере этого разговора. Тургенев писал в «Воспоминаниях о Белинском»: «Имя Писарева напоминает мне следующее. Весной 1867 года, во время моего проезда через Петербург, он сделал мне честь — посетил меня. Я до тех пор с ним не встречался, но читал его статьи с интересом, хотя со многими положениями в них, вообще с их направлением, согласиться не

---

[1] «Тургеневский сборник» под ред. Н. К. Пиксанова. Пг., «Огни», 1915, стр. 95.

Д. И. Писарев.
Гравюра по рисунку И. Н. Крамского.

мог. Особенно возмутили меня его статьи о Пушкине. В течение разговора я откровенно высказался перед ним. Писарев с первого взгляда производил впечатление человека честного и умного, которому не только можно, но и дóлжно говорить правду. „Вы, — начал я, — втоптали в грязь, между прочим, одно из самых трогательных стихотворений Пушкина (обращение его к последнему лицейскому товарищу, долженствующему остаться в живых: „Несчастный друг“ и т. д.). Вы уверяете, что поэт советует приятелю просто взять да с горя нализаться. Эстетическое чувство в вас слишком живо: вы не могли сказать это серьезно — вы это сказали *нарочно*, с целью. Посмотрим, оправдывает ли вас эта цель. Я понимаю преувеличение, я допускаю карикатуру, — но преувеличение истины, карикатуру в дельном смысле, в настоящем направлении. Если б у нас молодые люди теперь только и делали, что стихи писали, как в блаженную эпоху альманахов, я бы понял, я бы, пожалуй, даже оправдал ваш злобный укор, вашу насмешку, я бы подумал: несправедливо, но полезно! А то, помилуйте, в кого вы стреляете? Уж точно по воробьям из пушки! Всего-то у нас осталось три-четыре человека, старички пятидесяти

лет и свыше, которые еще упражняются в сочинении стихов; стоит ли яриться против них? Как будто нет тысячи других, животрепещущих вопросов, на которые вы, как журналист, *обязанный* прежде всех ощущать, чуять насущное, нужное, безотлагательное, *должны* обратить внимание публики? Поход на стихотворцев в 1866 году! Да это антикварская выходка, архаизм! Белинский — тот никогда бы не впал в такой просак!" Не знаю, что подумал Писарев, но он ничего не отвечал мне. Вероятно, он не согласился со мною» *(XIV, 35—36)*.

Глубокое уважение и интерес, с которыми Тургенев неизменно относился к Писареву, проявляются и в письмах Тургенева к критику. В этих письмах преимущественно говорится о романе «Дым». Тургенева особенно интересовал отзыв Писарева, в котором он, не без оснований, видел мнение передового демократического читателя.

Тургенев надеялся поближе познакомиться с Писаревым, приглашал его в Баден-Баден и очень сожалел, что на обратном пути из Москвы, в апреле 1867 года, не успел с ним повидаться. «Я сожалею об этом, потому что — по разрушении того, что французы называют первым льдом, мы бы, я уверен, если не сошлись бы — то поговорили бы откровенно, — писал Тургенев Писареву 10 (22) мая 1867 года. — Я ценю Ваш талант, уважаю Ваш характер — и, не разделяя некоторых Ваших убеждений, постарался бы изложить Вам причину моего разногласия — не в надежде обратить Вас — а с целью направить Ваше внимание на некоторые последствия Вашей деятельности. Я не знаю, когда я попаду в Петербург; если бы Вам случилось выехать за границу и добраться до Бадена, я бы с истинным удовольствием увиделся с Вами» *(П VI, 254—255)*. Но этому не суждено было сбыться. Писарев утонул в июле 1868 года в Дуббельне под Ригой.

Из Петербурга Тургенев уехал 7 марта в Спасское, а уже 1 апреля снова появился на квартире Боткина, не собираясь, впрочем, задерживаться здесь долго. Четыре дня, проведенные Тургеневым в Петербурге, были заполнены с утра до вечера. «...Я совершенно подавлен делами, посетителями и т. п.» *(П VI, 413)*, — жаловался он своему другу, немецкому критику Л. Пичу 2 апреля. Главное, что заставляло Тургенева сделать остановку в Петербурге, — данное Анненкову слово участвовать в чтении в пользу Литературного фонда.

Это чтение состоялось 3 апреля в зале Бенардаки и прошло с большим успехом. Читал Тургенев несколько отрывков из романа «Дым»: начало, сцену у Губарева и описание жизни Ирины в Москве. «В первых рядах сидели представители и представительницы большого света; далее виднелись лица, принадлежащие к литературному и артистическому миру, и множество молодежи», — писала газета «Голос», предсказывая, что новый роман, вызвавший столь огромный интерес петербургской публики, вызовет и новые споры. Впрочем, публика тепло встретила Тургенева. «Очерки, прочитанные г. Тургеневым, были приняты публикою восторженно, — говорилось в отчете об этом вечере. — Гром рукоплесканий встречал и провожал автора оба раза, когда он появлялся на эстраде и сходил с нее [чтение было разделено на две части]. Читает г. Тургенев отлично» [1]. «Слушатели были сильно заинтересованы и содержанием романа, и симпатичным чтением автора, которое придавало роману еще бóльшую прелесть, — вторили «Голосу» «С.-Петербургские ведомости». — Мы вынесли из этого вечера полное и сильное впечатление...» [2].

---

[1] «Голос», 1867, 9 апреля.

[2] «С.-Петербургские ведомости», 1867, 5 апреля.

На следующий день после выступления Тургенев уехал в Баден-Баден. Посещение России в 1867 году оставило у него вполне определенное впечатление: страна всё еще переживает переходный период. «Что мне Вам сказать о том калейдоскопе, который в течение этих пяти недель вертится у меня перед глазами? — писал Тургенев М. В. Авдееву в марте 1867 года. — Надо быть великим философом, чтобы резюмировать это в нескольких словах. Явно одно: от литературно-эстетического берега наше общество отстало — а к политическому еще не пристало... тут и плыви посередине» *(П VI, 212)*.

Тургенев считал, что Россия, лишь после реформы вставшая на путь европейского развития, еще не выработала твердых государственных, а следовательно и политических, принципов. Он был убежден, что до реформы преобладал «литературно-эстетический» взгляд на развитие общества и государства, то есть наиболее полное выражение насущных задач времени принадлежало писателям, критикам и публицистам, которые и содействовали формированию общественно-политической мысли страны. В 1867 году, через шесть лет после реформы, Россия еще только вырабатывает свои новые политические и государственные институты, давно уже существующие в Европе. К «политическому берегу» она еще не пристала. Подробно об этом Тургенев сказал в «Дыме»; наблюдения над русской жизнью в 1867 году лишь подтвердили для него выводы этого романа, заставившего современников снова заговорить о важных вопросах жизни России. Имя Тургенева опять оказалось в центре общественно-литературной полемики, особенно в Петербурге.

Тургенев уехал из России, когда критика и читатели еще не успели сказать своего слова о его новом романе. Но очень скоро писатель смог убедиться, что за «Дым» его «ругают все — и красные, и белые, и сверху, и снизу —

и сбоку — особенно сбоку». «Но я что-то не конфужусь, — писал Тургенев Герцену 23 мая (4 июня) 1867 года, — и не потому, что воображаю себя непогрешимым, — а так как-то — словно с гуся вода. Представь себе: я даже радуюсь, что мой ограниченный западник Потугин появился в самое время этой всеславянской пляски с присядкой, где Погодин так лихо вывертывает па с гармоникой под осеняющей десницей Филарета» *(П VI, 260)*[1].

В полемике, разгоревшейся вокруг «Дыма», звучали ноты, которые никогда не слышались в спорах о прежних романах Тургенева: критики, писатели и читатели разных лагерей и направлений сошлись в том, что тургеневского героя, который выражал бы новые стремления новой России, в «Дыме» нет. Наиболее ярко эту точку зрения выразил Писарев, который обратился к Тургеневу с таким язвительным вопросом: «Мне хочется спросить у Вас, Иван Сергеевич, куда Вы девали Базарова? — Вы смотрите на явления русской жизни глазами Литвинова, Вы подводите итоги с его точки зрения, Вы делаете его центром и героем романа, а ведь Литвинов — этот тот самый друг Аркадий Николаевич, которого Базаров безуспешно просил не говорить красиво. Чтобы осмотреться и ориентироваться, Вы становитесь на эту низкую и рыхлую муравьиную кочку, между тем как в Вашем распоряжении находится настоящая каланча, которую Вы же сами открыли и описали. Что же сделалось с этой каланчой? Куда она девалась?»[2].

Писарев имел веские основания для своих упреков. В самом деле, выдвинуть Литвинова на первый план — это всё равно что представить в «Рудине» главным героем

[1] Тургенев имел в виду открывшийся в 1867 году в Москве «славянский съезд», приуроченный к «этнографической выставке». Главную роль на нем играли славянофилы.

[2] Д. И. Писарев, т. IV, стр. 424.

Лежнева, а в «Отцах и детях» Аркадия Кирсанова, то есть помещиков-практиков, благоразумных и благополучных, а не тех идеологов, «пропагандистов», как называл героев такого типа Добролюбов, людей трагической судьбы и неустроенной жизни, которые стояли в центре прежних романов Тургенева. Такого героя, в самом деле, не было в «Дыме», он появился потом в «Нови», в лице Нежданова. Литвинов с этими героями в сравнение не идет. Почему же в самом деле в новом романе Тургенева Литвинов заменил Базарова и куда исчез герой базаровского толка?

Романист недвусмысленно сказал об этом в своем ответе Писареву: «Вы напоминаете мне о „Базарове" и взываете ко мне: „Каин, где брат твой Авель?" Но Вы не сообразили того, что если Базаров и жив — в чем я не сомневаюсь, — то в литературном произведении упоминать о нем нельзя: отнестись к нему с критической точки — не следует, с другой — неудобно; да и наконец — ему только теперь можно *заявлять* себя — на то он Базаров; а пока он себя не заявил, беседовать о нем или его устами — было бы совершенною прихотью — даже фальшью» *(П VI, 261)*.

В условиях реакции, которая сурово расправилась с деятелями революционно-демократического движения 60-х годов, единственное, что было возможно для Тургенева, — намекнуть на существование таких побежденных, но не сдавшихся деятелей. Однако и это казалось Тургеневу слишком внешним и потому недостойным откликом на великую и трагическую тему. «Мне было бы очень легко ввести фразу вроде того, — что «однако вот, мол, есть у нас теперь дельные и сильные работники, трудящиеся в тишине», — но из уважения и к этим работникам и к этой тишине я предпочел обойтись без этой фразы...» *(П VI, 261—262)*.

«Тишина», в контексте тургеневского письма, — это революционное подполье, «работники, трудящиеся в тишине», — его самоотверженные деятели. Среди них были теперь и Базаровы. О них Тургенев писать не мог — и по цензурным причинам, и потому, что не знал их так близко, как это нужно было художнику. По этим причинам он и не ставил своей задачей изображение новой России.

Зато суд над старой Россией стал одной из главных тем романа. Этот суд воплощен прежде всего в эпизодах с петербургскими генералами в Бадене. В баденских сценах отразились итоги наблюдений Тургенева над жизнью России и правительственной политикой на протяжении всех 60-х годов. Поездки в Петербург сыграли не последнюю роль при подведении этих итогов.

Уничтожить все результаты реформ, вернуться как можно дальше назад, к дореформенным временам, — вот о чем мечтают влиятельные сановники из Петербурга. «...Надо переделать... да... переделать всё сделанное, — и девятнадцатое февраля — насколько это возможно», «нужно остановиться... и остановить», «воротитесь назад...», «совсем, совсем назад, mon tres cher [мой дорогой]. Чем дальше назад, тем лучше». Чтобы это осуществить, нужно подавить передовую журналистику («Журналы! Обличение!»), нужно, чтобы умолкла демократическая интеллигенция, «эти студенты, поповичи, разночинцы, вся эта мелюзга»; нужно свести на нет «все эти университеты, да семинарии там, да народные училища», в делах государственного правления нужно действовать по принципу: «вежливо, но в зубы!».

Сатира Тургенева очень близка к реальной жизни. В злобных выкриках генеральской партии отразилась целая программа контрреформ, характерная для 60-х годов и предвосхитившая реакционную практику правительства Александра III в 80-е годы.

Может показаться, что Тургенев отделяет политические призывы и чаяния баденских генералов от официального курса правительственной политики, что генеральская компания в «Дыме» — всего лишь аристократическая оппозиция справа, оппозиция влиятельная, весомая, но не более всё же чем оппозиция. Однако это не так. Представитель правительственной идеологии находится в том же круге баденских генералов, он свой человек среди них и даже центр их кружка. Это генерал Ратмиров. Он может себе позволить легкую критику «преувеличений», которые допускают его друзья, не стесненные требованиями официального тона, он роняет иногда фразы о необходимости прогресса, но он не отвергает существа их стремлений, а только вносит в их речи оттенок «общего, легкого, как пух, либерализма». Впрочем, никто и не мог бы принять ратмировский либерализм хоть сколько-нибудь всерьез. Этому противоречила биография героя, целиком связанная с официальной правительственной политикой, проводившейся в Петербурге.

Тургенев вспоминал: «Удались мне генералы в „Дыме“, метко попал... Знаете ли: когда вышел „Дым“, они, настоящие генералы, так обиделись, что в один прекрасный вечер, в английском клубе, совсем было собрались писать мне коллективное письмо, по которому исключали меня из своего общества. Никогда не прощу Соллогубу, что он отговорил их тогда от этого, растолковав им, что это будет очень глупо. Подумайте, какое бы торжество было для меня получить такое письмо? Я бы его на стенке в золотой рамке повесил!» [1]. «Настоящие генералы» обиделись, между прочим, и потому, что «Дым» — не просто

---

[1] Н. А. Островская. Воспоминания о Тургеневе. — В кн.: «Тургеневский сборник» под ред. Н. К. Пиксанова. Пг., «Огни», 1915, стр. 91.

политическая сатира, но и сатира на лица. Писатель хотел не только верно воспроизвести типические явления русской жизни, но и изобразить, по возможности более точно и «оскорбительно», конкретных лиц, игравших важную роль в жизни страны. Деятельность этих людей направлялась из Петербурга.

Прототипом генерала Ратмирова послужил видный представитель пореформенных правительственных кругов П. П. Альбединский. Сын смоленского дворянина, Альбединский, как и герой тургеневского романа, учился в пажеском корпусе и «вышел в гвардию». Он принимал участие в Крымской войне, а затем командовал конногвардейским полком в Польше во время восстания 1863 года; последний факт составляет существенный этап и в биографии Ратмирова. Но путь к блестящей карьере герою, как и его прототипу, открыли даже не эти военные «доблести». Альбединский вскоре женился на фаворитке Александра II, княжне А. С. Долгорукой, которая, как известно, послужила прототипом Ирины. «...Об отношениях императора к княжне Долгорукой, которую Тургенев так хорошо обрисовал под именем Ирины, во дворце говорили еще более открыто, чем в петербургских салонах», — свидетельствовал учившийся тогда в пажеском корпусе П. Кропоткин[1].

Женившись по расчету, Ратмиров «видел наконец перед собою все пути открытыми». «Муж Ирины быстро продвигается на том пути, который у французов называется путем почестей» *(IX, 328)*, — сообщает Тургенев в эпилоге романа. Об этих путях говорит и карьера генерала Альбединского: в 1865 году он стал начальником штаба войск гвардии и петербургского военного округа, а менее

---

[1] П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., «Мысль», 1966, стр. 155.

чем через год был произведен в генерал-лейтенанты и назначен прибалтийским генерал-губернатором.

Тургенев вскользь упоминает о занятиях некоего графа Рейзенбаха. «Богач, камергер, в Петербурге живет, в ходу человек, в Лифляндии всем вертит», — характеризует его автор. Намек более чем прозрачен. Речь идет о реакционной политике Николая I в Прибалтике, которая усугубила и без того тяжелое положение прибалтийского крестьянства и привела к массовым крестьянским волнениям. Политика Александра II ничем не отличалась, по мысли Тургенева, от политики Николая. «Либеральный» Ратмиров — тому яркое свидетельство. Либерализм не помешал ему «перепороть пятьдесят человек крестьян в взбунтовавшемся белорусском селении, куда его послали для усмирения» *(IX, 221)*. Ратмировы-Альбединские оказались ревностными продолжателями нравственно нечистоплотных и корыстных «деятелей» николаевских времен. Да и вся генеральская партия в романе руководится лишь своекорыстными инстинктами. В ее программе всё грубо, низменно и мертво. «В самых криках и возгласах не слышалось увлечения; в самом порицании не чувствовалось страсти; лишь изредка, из-под личины мнимо-гражданского негодования, мнимо-презрительного равнодушия, плаксивым писком пищала боязнь возможных убытков да несколько имен, которых потомство не забудет, произносилось со скрипением зубов... И хоть бы капля живой струи подо всем этим хламом и сором!» *(IX, 247)*.

Глухие намеки на жизнь этих людей «до́ма» приоткрывают завесу над такими сторонами жизни великосветской среды, близкой ко двору, о которых нельзя было говорить полным голосом. «До́ма» творятся «страшные и темные истории». Когда бывает нужно, в эти грязные и мрачные истории властно вмешивается чья-то «могущественная рука». Чья же она, эта рука? Внимательному читателю

было ясно, что сатира Тургенева захватывает не только аристократическую камарилью, но и Зимний дворец. Здесь уже перо сатирика наталкивалось на непреодолимые препятствия. Тургенев подчеркнул запретность темы многозначительным возгласом: «Мимо, читатель, мимо!»

Намек на Зимний дворец некоторые современники усматривали и в изображении одного «из самых первых петербургских зданий», в котором царствует «действительная тайная тишина». П. Л. Лавров, связывая этот эпизод с генеральскими сценами, писал: «...Нельзя было не поставить на счет автору самую смелую для него картину кружка, дирижировавшего тогда судьбами России, начиная с его молодых генералов разного типа, кандидатов на места министров и генерал-губернаторов, и кончая „храмом, посвященным высшему приличию", с его „тайной тишиной", храмом, в котором злые языки признавали будто бы приемную императрицы. За признание *этого* „дымом", да еще, очевидно, зловредным, удушающим, Ивану Сергеевичу прощали многое» [1].

Что же надо было «прощать» автору «Дыма»? Здесь имеются в виду эпизоды, которые автор в письме к Герцену назвал «гейдельбергскими арабесками». В них некоторые современники видели памфлет против Герцена и Огарева. Такое прямолинейное толкование «гейдельбергских арабесок» грубо упрощает вопрос. Не случайно же, конечно, почти все участники губаревского кружка изображены не как идейные революционеры, а как пустые лоботрясы, балующиеся на досуге демократизмом герценовской окра-

---

[1] П. Л. Лавров. И. С. Тургенев и развитие русского общества. — «Литературное наследство», т. 76, стр. 231—232.

Другие современники предполагали, что «храм, посвященный высшему приличию», это дом графини Н. Д. Протасовой-Бахметьевой, хозяйки аристократического салона, особы весьма приближенной ко двору. См. примечания к «Дыму» — *IX, 558.*

ски, разговорами о самобытности, общине и тому подобных модных сюжетах. Как только это занятие становится небезопасным, они сразу бросают его и возвращаются в лоно благонамеренности. Самого Губарева мы видим в финале романа процветающим на родине, в деревне, в роли помещика-зубодробителя, на которого вполне могли бы опереться петербургские генералы. «Мужичьё поганое!.. — кричит этот недавний руководитель заграничного кружка. — Бить их надо, вот что, по мордам бить; вот им какую свободу — в зубы...» *(IX, 321)*. Это почти повторение генеральского девиза «вежливо, но в зубы», с той лишь разницей, что «во глубине России» вежливость не нужна.

Совершенно очевидно, что в «гейдельбергских арабесках» не могло быть памфлета против «лондонских изгнанников», которых Тургенев, при всех разногласиях с ними, уважал и чтил; они, по мнению писателя, принадлежали к тем людям, «которых потомство не забудет». Характерен отзыв Писарева о «гейдельбергских арабесках». «Сцены у Губарева, — писал он, — меня нисколько не огорчают и не раздражают. Есть русская пословица: дураков в алтаре бьют. Вы действуете по этой пословице, и я с своей стороны ничего не могу возразить против такого образа действий. Я сам глубоко ненавижу всех дураков вообще, и особенно глубоко ненавижу тех дураков, которые прикидываются моими друзьями, единомышленниками и союзниками» [1].

Итак, всё «дым» — и генеральская партия, и Губарев со своими приспешниками. Что же не «дым», в ком сила России? Может быть, в Литвинове? Но Литвинов как герой романа был для писателя не проявлением силы, а выражением бессилия современного ему культурного слоя.

---

[1] Д. И. Писарев, т. IV, стр. 424.

Для данного исторического момента автор «Дыма» готов признать практически мыслящего человека наиболее прогрессивной силой, но самый этот момент в сознании писателя отмечен печатью безвременья. Чем скорее пройдет это безвременье, тем лучше. Литвиновы способны на свое маленькое дело в переходный период, но они не способны содействовать скорому наступлению новых времен. В этом смысле и они «дым».

Что касается Потугина, то он играет в романе роль резонера и выступает как враг славянофильства всех оттенков и как сторонник либерального культурничества. Признавая полезность этих западнических идей, писатель, однако, не видел и в них новой практической программы. Он указал на эти идеи как на проверенные жизнью старые «принципы», которые, по его мнению, могли бы сослужить еще хорошую службу в эпоху безвременья.

Нет в «Дыме» и «тургеневской» героини, которая явилась бы воплощением смутных, бессознательных общественных стремлений. Ирина так же мало заменяет героиню прежнего тургеневского романа, как Литвинов — прежнего тургеневского героя. Роль ее в «Дыме» в другом: Ирина выступает в романе как жертва той среды, которая дает автору материал для политической сатиры.

Нового деятеля ни в Литвинове, ни в Потугине Тургенев не видел. Россия представлялась ему как бы в «газообразном состоянии», а ее общественная жизнь — «дымом», беспрестанно меняющим направление. Название романа намекало на переходность той эпохи, которая нашла в нем отражение.

6 июня 1868 года Тургенев снова приехал в Россию и остановился на три дня в Петербурге, в той же квартире Боткина. Его ждали дела в Москве и Спасском в связи

с выходом нового издания собрания сочинений и окончательным разрешением сложных отношений с дядей, отстраненным незадолго до того от управления тургеневскими имениями. Поэтому в Петербурге Тургенев остался всего на несколько дней.

Он встречается только с самыми ближайшими знакомыми, посещает Эрмитаж, ведет переговоры с Иогансоном о новом альбоме романсов П. Виардо. Город его раздражает. «С тех пор как я здесь, я всё кисну: эти белые ночи действуют мне на нервы, и я всё время ощущаю в воздухе какой-то неопределенный запах, от которого меня тошнит. Пахнет какой-то сладковатой сыростью. Ох, как бы мне не хотелось жить здесь!» *(П VII, 158)* — пишет он П. Виардо. 9 июня Тургенев уехал из Петербурга, а через месяц, 8 июля, снова прибыл в столицу, чтобы на следующий же день отправиться в Баден-Баден.

Этот день, однако, прошел для Тургенева беспокойно. В «С.-Петербургских ведомостях» он прочел заметку, которая больно его задела и повлекла за собой весьма резкое письмо к редактору, помеченное 9 июля 1868 года. В фельетоне Незнакомца (А. С. Суворина) были приведены и в благожелательном для Тургенева тоне прокомментированы некоторые цитаты из книги русского эмигранта князя П. Долгорукова, касающиеся Тургенева. В подтверждение своих слов об отсутствии у писателя, как и у других знакомых Долгорукова, мужества, тот рассказывал распространенный анекдот, будто в 1838 году, во время пожара на пароходе «Николай I» [1], на котором Тургенев направлялся в Германию, будущий писатель взывал о помощи к окружающим, говоря, что он единственный сын у матери.

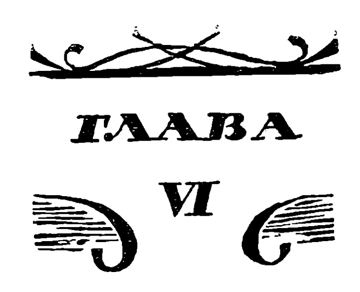
---

[1] Тургенев рассказал об этом эпизоде в очерке 1883 года «Пожар на море» *(XIV, 186—202)*.

Обиженный разрывом со многими русскими общественными деятелями, Долгоруков, кроме того, грозил опубликовать все свои разговоры с ними. Тургенев отвечал: «Князь Долгоруков грозится напечатать все мои бывшие с ним разговоры; я — с моей стороны — даю ему на это полное и безусловное разрешение. Я не раскаиваюсь ни в одном из сказанных ему мною слов; но, признаюсь, не могу не раскаиваться в том, что вообще вступил в знакомство с князем П. В. Долгоруковым» *(XV, 147—148)*.

Путешествие по России в 1868 году было для Тургенева безотрадным. Жара и вызванные ею пожары — вот что осталось в памяти Тургенева от июльского Петербурга 1868 года. Образ горящей земли ассоциировался в сознании писателя со страшными бедствиями и голодом нищей России. «К тому же год готовится страшный: яровые пропали, рожь соломой огромна, но в колосе нет зерна, — писал он брату 16 (28) июля 1868 года. — И что за вид представляет теперь Россия, эта, по уверениям всех, столь богатая земля! Крыши *все* раскрыты, заборы повалились, нигде не видать ни одного нового строения, за исключением кабаков; лошади, коровы — мертвые, люди — испитые; три ямщика едва могли поднять мой чемодан! Пыль стоит везде, как облако, — вокруг Петербурга всё горит — леса, дома, самая *земля*... Только и видишь людей, спящих на брюхе плашмя врастяжку, — бессилие, вялость и невылазная грязь и бедность везде. Картина невеселая — но *верная*» *(П VII, 195)*.

России действительно далеко было до «нового будущего».

ГЛАВА VI

Народническое движение

В „Вестнике Европы“

Тургенев и революционный Петербург

„Новь“

Последние годы

В конце 60-х годов произошли новые изменения в общественной жизни России. К этому времени явственно сказались результаты крестьянской реформы. Россия вступила в период капитализма, происходила ломка привычных жизненных устоев. Спустя шесть лет после реформы Тургенев писал о пореформенных условиях жизни: «Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло, ... весь поколебленный быт ходил ходуном, как трясина болотная...» *(IX, 318)*. Прошло еще десять лет, и Л. Толстой сказал устами Левина: «...У нас теперь ... всё это переворотилось и только укладывается».

В. И. Ленин заметил по поводу этих слов: «...трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов»[1]. Переворотился старый крепостнический, укладывался новый буржуазный строй. «Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма, — писал В. И. Ленин. — Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря „дешевому труду" разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность»[2].

Развитие капитализма и крестьянское разорение — вот что характеризовало русский пореформенный строй и определяло всю идейно-политическую жизнь страны. Реформа не удовлетворила народных требований: она была либерально-помещичьей, а не буржуазно-демократической. Поэтому в пореформенных условиях неизбежно должна была вновь вспыхнуть борьба за буржуазно-демократическое преобразование страны. Теорией этой борьбы было народничество.

В многочисленных работах о народничестве В. И. Ленин настойчиво подчеркивал «исторически реальное и прогрессивное историческое *содержание* народничества, как теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего...»[3]. Народничество как теория и как общественное течение генетически связано с революционно-демократическим учением Герцена и Чернышевского, но в пореформенных условиях оно черпало свои аргументы прежде

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 100.
[2] Там же, стр. 39.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 228—229.

всего в программных сочинениях новых теоретиков, заложивших основы так называемой «субъективной социологии».

В 1869 году появились две работы, ставшие своеобразным «евангелием» нового этапа демократического движения в России, — «Исторические письма» П. Л. Лаврова и «Что такое прогресс?» Н. К. Михайловского. В этих сочинениях исторический прогресс рассматривался как категория субъективная, как приближение к идеалу, извлеченному из абстрактного, внеисторического представления о некой естественной человеческой личности, индивидуальности с ее коренными запросами и стремлениями.

«Вы видите, — писал В. И. Ленин о теории прогресса Михайловского, — этого социолога интересует только такое общество, которое удовлетворяет человеческой природе, а совсем не какие-то там общественные формации, которые притом могут быть основаны на таком не соответствующем „человеческой природе" явлении, как порабощение большинства меньшинством. Вы видите также, что с точки зрения этого социолога не может быть и речи о том, чтобы смотреть на развитие общества как на естественно-исторический процесс... Мало того, не может быть речи даже и о развитии, а только о разных уклонениях от „желательного", о „дефектах", случавшихся в истории вследствие... вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков»[1].

Как уклонение от «желательного» народники рассматривали капиталистический строй, они стремились остановить капиталистическое развитие России и повернуть ход истории в нужном направлении. «Желательным» считали

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 134.

они укрепление крестьянской общины, в ней они видели залог самостоятельности работника и все надежды возлагали на энергию и волю интеллигенции, которую рассматривали как нечто единое и вовсе не связанное с классами современного общества.

Но при всей ложности теории, на которую опирались народники, именно они вели в 70-х годах активную революционную борьбу против самодержавия и господства помещиков, именно они выступали защитниками интересов крестьянства. «...Масса энергичнейших и талантливых работников» [1], двинувшаяся «в народ», стремилась разъяснить крестьянам их собственную силу и поднять их на решительную борьбу против самодержавно-помещичьего строя. Народники-пропагандисты хотя и не достигли своих целей, немало сделали для просвещения крестьянской массы. В конце 70-х годов деятели «Народной воли» перешли к тактике террористической борьбы с наиболее реакционными деятелями правительственной партии. Террористическая тактика не привела к победе, однако нельзя забыть того, что в героическом поединке с правительством революционеры 70-х годов сумели создать централизованную организацию.

В. И. Ленин считал революционеров 70-х годов предшественниками русской социал-демократии и указывал на то, что их «жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа» [2].

Массовые суды над революционными деятелями 70-х годов — «процесс 50-ти» и «процесс 193-х» — привлекли к себе всеобщее внимание и вызвали усиление революционной борьбы. Мужественное поведение подсудимых будо-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 286.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

ражило умы. Ткач П. Алексеев на «процессе 50-ти» закончил свою речь словами: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» В. И. Ленин назвал эти слова великим пророчеством русского рабочего-революционера[1]. Большое впечатление произвел в 1878 году процесс В. И. Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Правительство вполне было уверено в обвинительном приговоре и передало ее дело суду присяжных, но, вопреки ожиданиям властей, присяжные заседатели оправдали В. Засулич. Л. Н. Толстой под свежим впечатлением процесса писал, что дело Засулич «похоже на предвозвестие революции»[2].

Все эти события снова заставили Тургенева ощутить свою оторванность от родины. С еще более пристальным вниманием начинает он следить за малейшими изменениями общественных настроений в стране. Газеты, письма друзей, рассказы знакомых — всё это, как и раньше, давало лишь самые общие представления о жизни России, поэтому по-прежнему необходимы были для него ежегодные поездки на родину.

Во время этих поездок Тургенев непременно посещал Петербург, и его литературная деятельность в это время оказалась наиболее прочно связана именно с Петербургом.

В первом номере петербургского журнала «Вестник Европы» за 1868 год появился рассказ Тургенева «Бригадир». С тех пор и до конца своей жизни писатель остается постоянным сотрудником этого журнала, издававшегося крупным общественным деятелем, либеральным историком и публицистом М. М. Стасюлевичем. И дело не только в

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 377.

[2] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 62. М., Гослитиздат, 1953, стр. 411.

том, что в «Вестнике Европы» Тургенев печатал все свои крупные произведения тех лет. Он снова, как и четверть века тому назад, смог ощутить себя журналистом, оказывающим воздействие на общее направление солидного и широко известного журнала. Тургенев дорожил тем, что может влиять на редактора в выборе сотрудников, рекомендовать ему начинающих авторов, а также — через журнал пропагандировать в России крупнейшие произведения европейской литературы. Редактор чутко прислушивался к мнениям Тургенева и считался с его оценками и рекомендациями. Но главное, Стасюлевич очень дорожил сотрудничеством самого Тургенева. Это со всей очевидностью проявилось уже в 1870 году.

Тургенев приехал в Петербург утром 21 мая 1870 года и тотчас написал Стасюлевичу записку: «Я только что приехал сюда, остановился в гостинице Клея [№ 45] и очень бы желал теперь же увидеться с Вами насчет помещения небольшой статьи, в которой я описываю казнь Тропмана, в *июньском* номере «Вестника Европы» [1]. Оттого-то (так как времени осталось мало) я бы желал *сегодня же вечером* прочесть Вам ее. Я буду ждать Вас... Если статья не может появиться в *июньском* номере «Вестника Европы», то я принужден буду обратиться в другой журнал...» *(П VIII, 231)*.

Чтение, очевидно, состоялось в тот же день; 23 мая Тургенев запрашивал корректуру, а еще через четыре дня сообщал о замеченных опечатках. «Казнь Тропмана» появилась в июньском номере журнала, через два дня после отъезда Тургенева из Петербурга, — очередной номер «Вестника Европы» аккуратно выходил первого числа каждого месяца.

---

[1] Тургенев спешил, так как уже был готов немецкий перевод «Казни Тропмана» *(П VIII, 232—233)*.

24 мая писатель вместе с Анненковым был на обеде у М. М. Стасюлевича. Квартира редактора «Вестника Европы» на Галерной (теперь Красная) улице, в доме 20, стала тем «гостеприимным кровом» *(П IX, 232)*, где Тургенев находил самый радушный прием: он присутствовал на писательских обедах у Стасюлевича, встречаясь здесь с либеральными писателями и публицистами «Вестника Европы», читал свои новые произведения. «Тургенев в свои приезды в Петербург всегда был желанным и дорогим гостем за „круглым столом", за которым дольше, чем в обыкновенные дни, приходилось засиживаться, слушая неисчерпаемые в своем разнообразии и прекрасные по своей конструкции рассказы великого писателя» [1], — вспоминал А. Ф. Кони об этих встречах у Стасюлевича.

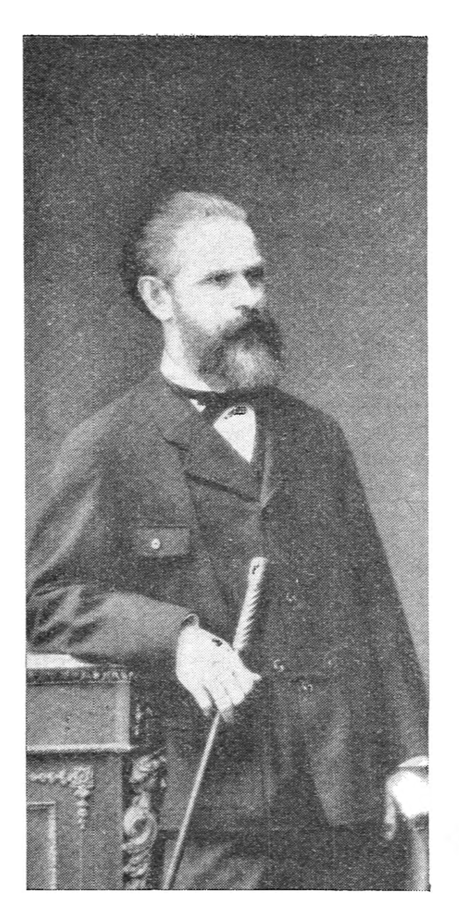
В 1870 году Тургенев привез с собою оконченную повесть «Степной король Лир», предназначенную для журнала. Он читал ее П. В. Анненкову и А. К. Толстому и, услышав сдержанное мнение о своем новом произведении, «увидел необходимость произвести значительные исправления» *(П VIII, 240)*.

В мае 1870 года Тургенев приехал в Петербург не один, — он показывал Россию своему английскому другу, критику и пропагандисту русской литературы в Англии, В. Ральстону, для которого жизнь Петербурга представляла большой и разнообразный интерес. Да и сам Тургенев активно интересовался жизнью столицы. По собственному признанию писателя, он «видел много любопытных вещей на выставках, в суде [2] и т. п.» *(П VIII, 240)*.

Выставками Петербург был богат в тот сезон. Незадолго до приезда Тургенева в Россию на территории

[1] А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. 2. СПб., 1912, стр. 224.

[2] Возможно, писатель присутствовал на разбирательстве дела Максима Иванова и Ивана Федорова, обвинявшихся в убийстве фон Зона и казненных 28-го и 29 мая («Голос», 1870, 27 мая).

М. М. Стасюлевич.
Фотография. 1870-е годы.

Соляного городка возле Летнего сада открылась Всероссийская мануфактурная выставка, призванная демонстрировать успехи русской промышленности, сельского хозяйства, военной техники, науки и искусства; там же были расположены «кавказская» и «ташкентская» выставки и выставка «предметов русской народной школы», созданная по инициативе Комитета грамотности. Кроме того, на углу Невского проспекта и Троицкой улицы в доме правления Общества для содействия русской промышленности и торговле (ныне улица Рубинштейна, дом 2) открылась выставка «образцов предметов, вывозимых из Индии и ввозимых в нее»; эти образцы доставил в Петербург через Суэцкий канал агент общества Е. И. Барановский (его брата,

мирового судью А. И. Барановского, Тургенев хорошо знал). Все эти выставки свидетельствовали об ускорившемся процессе европеизации России, на который писатель возлагал в ту пору особенно большие надежды.

29 мая Тургенев уехал вместе с Ральстоном в Спасское, а на обратном пути за границу в Петербурге был только проездом. Прибыв в столицу 29 июня, он уже на следующий день отправился в Баден-Баден. Я. П. Полонский, которого Тургенев обещал навестить тогда, едва успел с ним попрощаться перед входом в гостиницу Клея. Тургенев спешил: еще в пути его застало известие о начале франко-прусской войны.

Посещение России в 1870 году оказалось слишком кратким, и Тургенев рассчитывал зимой приехать снова на более продолжительное время.

Он приехал в Петербург 13 февраля 1871 года и поселился в гостинице Демута, в номере 7, в двух «довольно скверных, зато теплых» комнатках *(П IX, 16)*. На этот раз писатель пробыл в столице три недели, и его с первого же дня захватил «петербургский вихрь» *(П IX, 370)*.

Жизнь Тургенева в Петербурге в 1871 году чем-то напоминала его жизнь в столице в 50-х годах. Но обстановка существенно изменилась. Тогда либеральные деятели мечтали о воплощении своих идеалов и стремлений, ожидали реформ и были одержимы лихорадкой деятельности. Теперь, оставаясь в положении стороннего наблюдателя, Тургенев видел, что появились новые деятели, которым нет дела до волнений «отцов». Писатель стремился понять «детей», их идеалы и надежды. Но понять всё это было не так-то легко. Тургеневу казалось, что после «Отцов и детей» и «Дыма» молодежь записала его в «отсталые» и не искала встреч и разговоров с ним. Он проводил время

в беседах с друзьями, видел множество разных лиц, но среди них почти не было тех «детей», которые активно начали «заявлять» о себе уже в конце 60-х годов.

«Как правило, мой день начинается очень рано нашествием старых друзей, старых знакомых или же лиц, намеренных так или иначе меня эксплуатировать, либо имеющих до меня дело... — «отчитывался» Тургенев в одном из писем к П. Виардо. — Затем следуют разъезды, представляющие значительные трудности для передвижения из-за ужасной грязи, которой полны все улицы, а также потому, что на этот раз я не позволяю себе роскоши иметь экипаж; затем наступает время обеда» *(П IX, 367)*. Его день заполнен буквально до отказа разнообразными визитами, дружескими и полуофициальными обедами, концертами, лекциями, всевозможными хлопотами.

Вот «хроника» жизни Тургенева в Петербурге в феврале 1871 года. Днем 13 февраля он ездил к В. С. Серовой — вдове композитора, которая жила на Васильевском острове, на 15-й линии, дом 8. Тургенев должен был узнать о старшей дочери П. Виардо Луизе Эритт, разошедшейся со своим мужем и демонстративно уехавшей в Россию, где она долгое время преподавала пение и музыку. Обедал Тургенев в английском клубе, в доме Бенардаки на Невском проспекте, и имел возможность познакомиться с мнением русской публики относительно франко-прусской войны. «Здесь очень вооружены против Германии и очень сочувствуют Франции, но немного смущены тем, что она выказала себя так мало талантливой, и тревожатся за ее будущее, — писал он П. Виардо. — По-видимому, даже в высших сферах желают успеха умеренной республике и довольны, видя у власти Тьера» *(П IX, 17)*. Вечер Тургенев провел у Анненкова.

Днем 14 февраля Тургенев «познакомился с молодым русским скульптором из Вильны, обладающим незауряд-

ным талантом. Он изваял статую Ивана Грозного, небрежно одетого, сидящего с Библией на коленях, погруженного в грозное и мрачное раздумье, — сообщал Тургенев П. Виардо. — Я нахожу эту статую несомненным шедевром исторического и психологического проникновения, великолепным по исполнению. И сделано это совсем молодым человеком, бедным, как церковная крыса, болезненным, который начал заниматься ваянием и научился читать и писать только в двадцать два года; до этого он был рабочим... Spiritus flat ubi vult [дух веет где хочет]. В этом бедном болезненном юноше есть, несомненно, гениальность. Его посылают в Италию для поправки здоровья. Зовут его Антокольским; вот имя, которое не умрет» *(П IX, 363)* [1]. Вечером того же дня Тургенев был на музыкальном собрании у В. С. Серовой и на концерте в Мариинском театре. Особенно понравились ему певица Лавровская — ученица П. Виардо, и молодой бас Мельников.

М. М. Антокольский.
Фотография. 1870-е годы.

[1] Тургенев часто встречался с М. М. Антокольским в его студии и в доме В. С. Серовой на музыкальных вечерах. Об одном таком вечере впоследствии вспоминал скульптор И. Я. Гинзбург («Тургеневский сборник», вып. III, стр. 261—262).

Следующий вечер Тургенев провел в Шахматном клубе, помещавшемся в здании Немецкого собрания (Демидов переулок, дом 1), где узнал о предварительных условиях мира, подписанных Германией и Францией в Версале. «Здесь все полны сочувствия к Франции, но от этого становится еще горше...» *(П IX, 364)* — писал Тургенев П. Виардо.

16—18 февраля Тургенев видел мало народу и всё время был занят подготовкой очередного тома собрания своих сочинений. В 1871 году издательство братьев Салаевых выпускало восьмой том, в который вошли произведения Тургенева конца 60-х — начала 70-х годов.

В эти же дни Тургенев позировал известному художнику Н. Н. Ге, обедал у обер-прокурора сената А. А. Половцова, «своего рода петербургского пройдохи, который, женившись на побочной дочери банкира Штиглица, страшно разбогател, живет во дворце, дает утонченные обеды и т. д.». Вернувшись домой, написал статью об Антокольском[1]. «Нужно бить в барабаны ради него и постараться, чтобы был наконец выполнен заказ, сделанный ему двором[2], и чтобы он получил немного денег на поездку в Италию» *(П IX, 364)*, — писал Тургенев П. Виардо.

19 февраля Тургенев присутствовал на обеде, который ежегодно устраивали члены бывшего комитета по подготовке крестьянской реформы. «Я был единственным приглашенным, помимо членов комитета, и это очень большая честь для меня, единственная честь подобного рода, которая может меня тронуть, — сообщал он П. Виардо. — Но этим дело не ограничилось; эти господа пили за мое

---

[1] Опубликована в «С.-Петербургских ведомостях», 1871, 19 февраля.

[2] Антокольский получил от Александра II заказ на копию статуи Ивана Грозного для Эрмитажа.

здоровье! Быть может, я должен был бы этого ожидать и приготовить спич, но так как я об этом не подумал, то пробормотал с моей обычной красноречивостью несколько невразумительных слов... В конце концов они могли видеть, что я взволнован, потому что я в самом деле волновался, вот и всё» *(П IX, 364)*. Вечером того же дня Тургенев «отправился на раут к некоей графине П...[1]; много знакомых... малоинтересные разговоры» *(П IX, 365)*.

Тургенев не мог жаловаться на отсутствие внимания к себе со стороны старых друзей, а также чиновного и даже великосветского Петербурга. Он имел возможность слышать официальные и полуофициальные мнения о государственных делах, много говорил о политике и литературе. 20 февраля писатель получил приглашение от великой княгини Елены Павловны, с которой вел «политический разговор»; сразу после этого он поехал на «литературный обед» к Стасюлевичу. Впрочем, эта среда была Тургеневу хорошо известна. Ему не хватало другого — живого общения с молодежью.

Тургенев ищет новых встреч и новых впечатлений, его интересует всё, что свидетельствует о живых, дееспособных силах России. Поэтому столь большое впечатление произвело на него «собрание педагогического общества [в помещении 2-й гимназии — Казанская улица (теперь улица Плеханова), дом 21], где молодая девятнадцатилетняя барышня ... перед двумя сотнями слушателей в диспуте на историческую тему отстаивает свое мнение с редкостными знаниями, уверенностью и красноречием» *(П IX, 365)*. Этой «барышней» была С. К. Кавелина (в замужестве Брюллова), дочь К. Д. Кавелина.

На заседании, о котором пишет Тургенев, был прочитан реферат педагога Я. Г. Гуревича «О преподавании

---

[1] Вероятно, графиня Н. Д. Протасова-Бахметьева *(П IX, 423)*.

истории в среднеучебных заведениях» и затем предложена дискуссия по тезисам прочитанного еще в январе доклада другого русского педагога В. Д. Сиповского на ту же тему. Тезисы были опубликованы. Сиповский предлагал заменить систематическое преподавание всеобщей истории в гимназиях изучением лишь наиболее важных эпох. Кавелина же, соглашавшаяся с Сиповским в критике общего состояния гимназического курса истории, возражала против основного тезиса автора. «Вот это, несомненно, нечто новое, ни тени педантизма, детская непосредственность, такая полная отрешенность от всего личного, что исчезает всякая робость. Это удивительно! Ей хлопали оглушительно. В аудитории было много барышень, учительниц» *(П IX, 365—366)*, — писал Тургенев под свежим впечатлением от диспута.

О том же вспоминала писательница и переводчица Е. И. Апрелева, встретившаяся с Тургеневым сразу же после окончания заседания общества. «Тургенев был очарован, но его приводило в восхищение и внушало какое-то трогательное благоговение главным образом то, что эта очаровавшая его девушка была *русская* девушка. В ней он видел нарождающийся новый тип честной, благородной *русской* женщины, бодрой, умной, кроткой, веселой при изумительном трудолюбии и обширном образовании. Лицо его, когда он это высказывал, сияло, и глаза утратили обычное грустное выражение. Для него вечер в педагогическом собрании, на котором так блистательно выступила талантливая, симпатичная русская девушка, составлял радостное событие, и радость эта подтверждала его горячую любовь к родине...» [1].

[1] Е. Ардов [Е. И. Апрелева]. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. — «Русские ведомости», 1904, 4 января. С. К. Кавелина-Брюллова умерла в 1877 году. Тургенев откликнулся на ее смерть кратким письмом в редакцию «Вестника Европы» *(XIV, 235—236)*.

Но таких впечатлений Тургенев вынес немного из своего пребывания в Петербурге в 1871 году. Его день чаще всего состоял из привычных дружеских, деловых и светских встреч. «...Визиты литературные и деловые, визиты ко мне и отданные мною; здешняя жизнь моя — одна сплошная суета; и я буду очень рад, когда покачу в тихую Москву и в еще более тихое Спасское. Всё это необходимо; но когда оно кончится, будет очень *приятно*...» *(П IX, 368)* — писал Тургенев П. Виардо.

21 февраля он позировал художнику К. Е. Маковскому, потом был на концерте А. Г. Рубинштейна в Дворянском собрании и обедал у Анненкова. Следующий день Тургенев тоже провел у Анненкова, который отмечал годовщину своей свадьбы. 23 февраля он обедал у графини Н. Д. Протасовой и вел политические разговоры, главным образом об итогах франко-прусской войны, затем пошел в Эрмитаж и был на вечере у В. М. Жемчужникова, брата известного поэта, где застал «многих приверженцев новой русской музыкальной школы», среди которых был М. А. Балакирев.

До самого последнего дня своего пребывания в Петербурге Тургенев вел всё ту же, по его словам, «суетливую» жизнь; его дни буквально «разобраны до ниточки» *(П IX, 38)*: «*литературные*, то есть скучные, визиты», сеансы у Ге и Маковского, обед «с тремя *молодыми* литераторами», «вечер у одной очень скучной женщины», у г-жи М..., обед у графа А..., «человека тоже довольно-таки скучного, но полного благих намерений в отношении литературы; он собирается основать обширное словарно-энциклопедическое предприятие; он очень богат, и нужно это поощрять (не богатство, а предприятия). Оттуда я отправился в другой салон, тоже политико-литературный, но с немного более определенной окраской, так что я имею представление о различных оттенках того, что можно назвать

общественным мнением в cara patria» [дорогом отечестве] *(П IX, 368—369)*.

Тургенев был на репетиции оперы А. Н. Серова «Вражья сила» и на концерте Русского музыкального общества в зале Дворянского собрания; он присутствовал на лекции известного физиолога И. М. Сеченова, состоявшейся в зале Петербургского собрания художников (в доме Кононова — набережная Мойки, дом 61), и даже принимал участие в опытах ученого.

Из всех этих разнообразных встреч Тургенев хотел составить общее представление о современной России, ее настроениях, стремлениях и общественном мнении. Он ощущал, что его связи с родиной ослабевают, и использовал любой случай, чтобы возобновить старые знакомства, больше понять и увидеть. «Если я задержался дольше, чем предполагал, в Петербурге, — писал Тургенев П. Виардо, — то это потому, что нашел здесь множество полуоборванных нитей, которые мне пришлось вновь связывать, чтобы не порвать совсем всех отношений с Россией, а этого делать я пока не желаю» *(П IX, 371)*.

27 февраля Тургенев участвовал в «литературно-музыкальном утре» в пользу раненых французских солдат. Оно состоялось в том же зале Петербургского собрания художников при огромном стечении народа и было необычайно разнообразно по своему репертуару: в нем приняли участие писатели и публицисты (П. Д. Боборыкин, И. Ф. Горбунов и другие), русские музыканты и артисты французской труппы; была представлена «живая картина», изображавшая «апофеоз Гарибальди», прочитаны воспоминания о гарибальдийцах, французские и русские стихи и т. д. «Немножко кафешантанно, правда, — писал Тургенев, — музыка отвратительная; но масса публики, кипящей молодостью...» *(П IX, 369)*. Тургеневу был оказан самый восторженный прием, тем более для него неожиданный, что

писатель был уверен в окончательном охлаждении к нему русской публики. «Что касается меня, — писал Тургенев П. Виардо, — то должен сознаться, что никогда еще я не был предметом таких — простите мне это слово! — *оваций*... У меня было такое ощущение, словно крупный грозовой дождь, быстрый и сильный, льется мне на голые плечи. Я читал отрывок из „Записок охотника" под названием „Бурмистр"; мне кажется, я прочел довольно хорошо, напряжение моих нервов ослабло за время всего этого шума, и я был спокоен, притом публика была так благожелательна!» *(П IX, 369)*. «С.-Петербургские ведомости» писали об этом утре: «Событием его мы считаем восторженный прием, оказанный одному из участников — И. С. Тургеневу. Русская публика изменчива в своих симпатиях. ...И. С. Тургенева встретили при входе его в залу крики и рукоплескания, не умолкавшие несколько минут. То же повторилось и перед чтением рассказа из „Записок охотника". Автор выбрал „Бурмистра" и прочел его мастерски, спокойно, с тонкими оттенками выражения, юмором и силой. Весь букет крепостничества вышел живым перед глазами слушателей в виде такой картины прошлого, которая, в различных видоизменениях, существует отчасти и поныне» [1].

Таким образом перед отъездом из Петербурга Тургенев имел возможность несколько разувериться в том, что русские читатели его забыли. Еще одно подтверждение тому писатель получил на заседании основателей Русского литературно-артистического общества.

Вечером 27 февраля Тургенев посетил одного из наиболее популярных русских актеров — В. В. Самойлова — и виделся у него с А. Г. Рубинштейном. Рубинштейн и привлек Тургенева к организации этого общества, призван-

---

[1] «С.-Петербургские ведомости», 1871, 1 марта.

ного объединить артистическую и литературную интеллигенцию Петербурга. «Эта мысль долго обсуждалась, и в конце концов решили устроить пробный вечер в будущий четверг (этот день выбрали потому, что в пятницу я уезжаю), составили списки приглашенных и обращения. Я должен был подписать обращение к литераторам» *(П IX, 370)*, — писал Тургенев П. Виардо.

Учредительное собрание состоялось 4 марта, в 10 часов утра, в большом зале гостиницы Демута, и на нем Тургенева чествовали как одного из самых любимых русских писателей. «Я стал очень популярен в Петербурге, — сообщал он П. Виардо, — вкусы публики изменчивы. На этом заседании пили за мое здоровье под гром рукоплесканий» *(П IX, 41)*.

Пребывание Тургенева в Петербурге зимой 1871 года оказалось для него и важным и утешительным. «Всё, что ни говори, почва, родная земля, родной воздух» *(П IX, 65)*, — писал он И. П. Борисову, соседу по имению. Тургенев намеревался задержаться в Петербурге и на обратном пути из Спасского. Однако боязнь холеры, вспыхнувшей в русской столице в начале марта, заставила его проехать через Петербург не задерживаясь. Тургенев прибыл на Николаевский вокзал утром 22 марта, а уже днем уехал с Варшавского вокзала в Берлин. По выражению писателя, он, «пролетев с одной чугунки на другую, пожалел, но не поколебался» *(П IX, 67)*.

Впрочем, Тургенев намеревался уже в ноябре 1871 года снова приехать в столицу на три месяца. Но обстоятельства задержали его за границей, и лишь в мае 1872 года писатель снова попал в Петербург, и то на непродолжительное время.

Он приехал 12 мая, остановился в гостинице Демута, а 19 мая покинул столицу. Тургенев занимался на этот раз лишь самыми необходимыми делами. Он отказывался

от приглашений и даже не успел точно узнать о местопребывании В. В. Стасова, с которым желал встретиться. На пути за границу писатель пробыл в Петербурге менее суток.

Тургенев собирался вернуться в Россию сперва в конце 1872 года, затем — в январе 1873 года; болезнь и разного рода дела заставили его снова отложить свой приезд до весны, а потом и до зимы. Лишь 7 мая 1874 года, то есть фактически после трехлетнего перерыва, Тургенев наконец опять приехал в Петербург. Остановился он всё в той же гостинице Демута.

За время отсутствия Тургенева в России произошли важные события и значительные перемены. Еще в 1871 году писатель был очень обеспокоен усилением цензурных преследований печати, принимавших откровенно полицейский характер. Он негодовал и по поводу назначения М. Н. Лонгинова, в 40-х годах либерального критика и писателя, а затем — «сквернейшего по всей Руси губернатора» и откровенного реакционера, «начальником нашей несчастной прессы» *(П IX, 196)*. Прошумел в Петербурге взволновавший всех открытый процесс нечаевцев[1], первый в ряду многочисленных политических процессов 70-х годов. Материалы этого процесса публиковались

[1] Так называли участников конспиративной революционной группы, организованной С. Г. Нечаевым в конце 60-х годов. Революционер-заговорщик Нечаев в своей деятельности применял провокационные методы и проявлял диктаторские замашки. Это привело к тому, что участники его группы убили за несогласие с Нечаевым студента И. И. Иванова, ложно обвинив его в предательстве. В декабре 1869 года все участники группы Нечаева были арестованы и преданы суду, а сам Нечаев скрылся за границу. В 1872 году швейцарское правительство выдало его русским властям как уголовного преступника.

в «Правительственном вестнике» и широко освещались русской и иностранной прессой. «Что за нелепица, гнусность — и как в то же время интересно всё это невообразимое нечаевское дело!» *(П IX, 115)* — писал Тургенев из Лондона Анненкову 17 (29) июля 1871 года. Слишком краткое посещение Петербурга в мае 1872 года не могло дать Тургеневу представления об общественных переменах и политической обстановке в России.

Наблюдения за жизнью России 1872—1874 годов лишь обострили желание Тургенева приехать на родину. Он видел появление в России новой революционной силы и внимательно присматривался к революционным народникам. С некоторыми он встречался за границей, и ему хотелось возможно больше узнать об их деятельности в самой России.

19 (31) января 1874 года, сообщая М. В. Авдееву о своем намерении надолго приехать в Петербург, Тургенев писал: «Темное и не совсем даже понятное время наступает на Руси!» *(П X, 189)*. Многое писателя удивляло, во многом он хотел убедиться воочию. «...Странная земля и странное государство!» *(П X, 134)* — говорил он о России 70-х годов Анненкову.

В то время Тургенев обдумывал план своего романа «Новь», и поездка в Россию для него становилась совершенно необходимой. Он писал С. К. Кавелиной 21 декабря 1872 (2 января 1873) года: «...я сам понимаю и чувствую, что мне следует произвести нечто более крупное и современное — и скажу Вам даже, что у меня готов сюжет и план романа — ибо я вовсе не думаю, что в нашу эпоху перевелись типы и описывать нечего; но из двенадцати лиц, составляющих мой персонал, два лица не довольно изучены на месте — не взяты живьем; а *сочинять* в известном смысле я не хочу — да и пользы от этого нет никакой — ибо никого обмануть нельзя. Следовательно, нужно

набраться материалу. А для этого надо жить в России. ...И выходит из всего этого, что мне надо стараться помочь горю хоть временными пребываниями на Руси, что я и намерен привести в исполнение. Но достаточны ли будут эти наезды? Это скажет мне моя литературная совесть. Коли да — напишу мой роман; коли нет — ну и аминь! Придет другой и исполнит то, что у меня мелькает в голове, и, вероятно, гораздо лучше моего» *(П X, 48—49)*.

О пребывании Тургенева в Петербурге в мае 1874 года сохранилось лишь немного отрывочных сведений, хотя известно, что у него там было очень много дел. В Петербурге он закончил работу над новым собранием своих сочинений, выпускавшихся московским издательством братьев Салаевых, и вел переговоры со Стасюлевичем о переводах произведений Флобера и Золя для «Вестника Европы».

Тургенева волнуют и внутренняя политика русского правительства, и литературные новости и настроения. «Впечатления, вынесенные мною с родины, не могут быть вкратце высказаны, — писал он П. Лаврову 23 ноября (5 декабря) 1874 года, — в общей сложности они не дурны — хотя во всех официальных сферах и в литературе утешительного мало. Особенно литература находится в совершенном упадке — всякие живые воды в ней иссякли — это чувствуется всеми» *(П X, 331)*.

Литература, театр, музыка, как это видно из приведенного письма, особенно интересовали Тургенева. 17 мая писатель был на спектакле Александринского театра, где давалась пьеса Островского «Лес». «Разыграна пиэса была довольно плохо, — но какая это прелесть! — писал он автору. — Характер „трагика“ [Несчастливцева играл П. С. Степанов, Счастливцева — С. В. Шумский] один из самых Ваших удачных» *(П X, 247)*.

Известно также, что Тургенев упросил В. В. Стасова, с которым часто виделся во время своих посещений Петербурга и по-прежнему спорил о русском искусстве, устроить у себя музыкальный вечер. Его желание было исполнено, но Тургенев неожиданно почувствовал приступ своей застарелой болезни и вынужден был уехать. Он так и не слышал в тот вечер русской музыки, хотя и познакомился с ведущими композиторами «русской школы» — А. П. Бородиным, М. П. Мусоргским, Ц. А. Кюи и другими.

В этот свой приезд в Петербург Тургенев познакомился также с известным судебным деятелем пореформенной поры А. Ф. Кони. «Его [Тургенева] вообще интересовали наши новые суды, — вспоминал Кони, — а затем особое его внимание остановил на себе разбиравшийся в этом году при моем участии, в качестве прокурора, громкий, по личности участников, процесс об убийстве помещика одной из северных губерний, соблазнившего доверчивую девушку и устроившего затем брак ее со своим хорошим знакомым, от которого он скрыл свои предшествовавшие отношения к невесте... Переписка участников этой драмы, дневник жены и личность убийцы, обладавшего в частной и общественной жизни многими симпатичными и даже трогательными свойствами, представляли чрезвычайно интересный материал для глубокого и тонкого наблюдателя и изобразителя жизни, каким был Тургенев. Он хотел познакомиться с некоторыми подробностями дела и со взглядом на него человека, которому выпало на долю разбирать эту житейскую драму пред судом» [1].

Далее Кони рассказал курьезный эпизод о том, как он пытался дать возможность Тургеневу «посмотреть самое производство суда с присяжными». В тот день разби-

---

[1] А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. 2. СПб., 1912, стр. 77—78.

рательство шло при закрытых дверях, и товарищ председателя заявил Кони, что допустить писателя в зал заседания может только в том случае, если он «чин судебного ведомства». Наведя справки, Кони установил, к удивлению Тургенева, что тот уже давно «почетный мировой судья и даже по двум уездам».

«Введенный мною в „места за судьями" залы заседания, — писал Кони, — Тургенев чрезвычайно внимательно следил за всеми подробностями процесса» [1]. Во время перерыва Кони познакомил писателя с товарищем председателя и членами суда; один из них, «почтенный старик-труженик, горячо преданный своему делу, но кроме этого дела ничем не интересовавшийся», принял Тургенева за председателя казенной палаты в каком-то губернском городе; о писателе Тургеневе он никогда не слышал.

В мае 1874 года произошла также краткая, но, по выражению Тургенева, «фантастическая встреча с Гончаровым»: они встретились на Невском проспекте и, разговаривая, свернули на Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова). Тургенев так писал об этой встрече Анненкову: «Теперь он укоряет меня в том, что я все мысли его произведений выкрадываю и передаю — кому? Французским романистам, все сочинения которых будто бы не что иное, как *худо скрытое подражание „Обломову" и „Обрыву"*. И для чего я это делаю? Для того, чтобы сделать невозможными переводы его романов... и таким образом сохранить в глазах французов первенство в русской литературе!» *(П X, 250)*. Разговор послужил причиной новой размолвки писателей.

В этот приезд Тургенев стремился «набраться материалу» для романа «Новь» и как можно лучше узнать жизнь русской столицы — центра общественной жизни

[1] А. Ф. Кони. На жизненном пути; т. 2, стр. 78—80.

страны. Поездка на родину, и прежде всего в Петербург, по признанию писателя, оказалась «не бесполезной»: он «нашел почти всё, что искал». «Есть очень странные — и интересные — вещи в „cara patria“», — писал Тургенев Флоберу. «Моя cara patria — всё же удивительная страна!» — повторил он в письме к своему немецкому приятелю Л. Пичу *(П X, 441, 439)*. Тургенев имел возможность многое увидеть и услышать, чтобы судить о русской жизни 70-х годов.

Главное, что могло заинтересовать писателя во время его пребывания в Петербурге, — это начавшийся там 7 мая и окончившийся 20 июля 1874 года так называемый процесс долгушинцев (по имени основателя революционно-народнического кружка А. В. Долгушина). Кружок возник осенью 1872 года в Петербурге. Участники его были убеждены в готовности народа к революции и ставили своею целью революционную пропаганду среди крестьян и подготовку бунтов. Материалы процесса тогда же публиковались в официальной русской прессе и безусловно привлекли большое внимание Тургенева; они нашли свое отражение в романе «Новь».

Но знакомство Тургенева с революционерами-народниками этим не ограничилось. Есть все основания полагать, что в Петербурге писатель встречался с некоторыми деятелями народнического движения. Во всяком случае, на это есть указание в его письме к П. Лаврову от 23 ноября (5 декабря) 1874 года.

В 1874 году возникла известная полемика между двумя идеологами русского народничества П. Лавровым и П. Ткачевым по вопросу о тактике народников. В 1874 году Ткачев опубликовал в Лондоне брошюру («Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к работникам журнала „Вперед!“». Лондон, 1874), в которой резко выступил против программы журнала «Вперед!», отстаивав-

шего идею длительной и планомерной социалистической пропаганды. Ткачев доказывал, что русский крестьянин, этот «революционер по инстинкту», уже готов к революции и нужно только одновременно в нескольких местах разбудить в народе чувство недовольства, чтобы произошло объединение революционных сил, тогда победа народа будет обеспечена. В своем ответе («Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры: „Задачи революционной пропаганды в России“». Лондон, 1874) редактор журнала «Вперед!» Лавров настаивал на необходимости тщательной подготовки революции в России. В полемике русских деятелей принял участие и Ф. Энгельс. Он оценил взгляды Ткачева как «сверхребяческое представление о ходе революции» и высмеял его мысль, будто «революции можно делать по заказу, как кусок узорчатого ситца или самовар» [1].

Тургенев, часто встречавшийся с редактором «Вперед!» и даже оказывавший ему материальную помощь в издании журнала, высказал свое отношение к его взглядам. При этом он ссылался на те впечатления, которые вынес из России. Тургенев писал Лаврову: «В Вашей полемике против Ткачева Вы совершенно правы; но молодые головы вообще будут всегда с трудом понимать, чтоб можно было медленно и терпеливо приготовлять нечто сильное и внезапное... Им кажется, что медленно приготовляют только медленное — вроде постепенной реформы и т. д. Это самое впечатление выносят молодые люди из чтения Вашего журнала, который в большом количестве проник в Россию и получил там авторитет и значение» *(П X, 331)*. Разумеется, это не означает, что Тургенев был единомышленником Лаврова. Напротив, он полемизировал с ним по

---

[1] «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», М., Политиздат, 1967, стр. 71.

поводу программы журнала «Вперед!», считая, что Лавров напрасно нападает на либералов-конституционалистов. Во время пребывания в Петербурге Тургенева, конечно, живо интересовало отношение русской молодежи к идеям журнала «Вперед!».

Однако разнообразные впечатления, вынесенные из пребывания в России в 1874 году, всё же казались Тургеневу недостаточными для окончательных суждений, и следовательно для завершения романа. В письме Анненкову из Спасского, сообщая о своем намерении не останавливаться в Петербурге при возвращении за границу, писатель сказал об этом достаточно определенно: «Я очень доволен нынешним своим визитом в Россию — но в то же время я убедился, что, если я хочу сделать что-нибудь дельное, современное, большое, словом, если я хочу окончить задуманный — и начатый — мною роман, я непременно должен — как это ни жутко — вернуться на зиму в Петербург» *(П X, 250)*.

Тургенев всё же задержался в Петербурге: в Спасском он заболел и был вынужден, приехав в столицу 3 июля 1874 года, пролежать в гостинице Демута почти три недели. Это переменило все его планы. Едва выбравшись из Петербурга, он писал Анненкову: «Путешествие мое в Россию началось было очень хорошо: я много увидел и услышал нового, делал штудии — даже работал; а потом всё пошло к черту. Лежа, как бревно, на спине по неделям, трудно упражняться в сочинительстве! Я совсем было решился часть зимы провести в России для окончания моей работы; но теперь — слуга покорный! Из работы выйдет что господу угодно — вероятно, ничего» *(П X, 266—267)*.

Я. П. Полонскому еще из Петербурга Тургенев писал о своем вынужденном решении: ни зимой, ни в будущем году не приезжать в Россию.

Почти два года Тургенев провел за границей. Он жадно ловил вести из Петербурга, хотя они были далеко не радостны. О положении в России писатель судил преимущественно на основании бесед с эмигрантами, всё чаще навещавшими его в Париже. Внутриполитическая жизнь России не располагала к оптимистическим прогнозам. «Время, в которое мы живем, сквернее того, в котором прошла наша молодость, — писал Тургенев редактору газеты «Новое время» А. С. Суворину 14 (26) февраля 1875 года. — Тогда мы стояли перед наглухо заколоченной дверью; теперь дверь как будто несколько приотворена, но пройти в нее еще труднее» *(П XI, 26)*. Цензурные преследования и аресты, аморализм и беспринципность людей, облеченных властью, реакция — вот что прежде всего огорчало Тургенева; писатель всё более убеждался в невозможности осуществления либеральных реформ сверху.

24 мая 1876 года Тургенев наконец приехал в Петербург (поселился снова в гостинице Демута), но пробыл в столице лишь неделю. Он спешил в Спасское, намереваясь там всё же закончить свой роман.

В Петербурге Тургенев вел жизнь, ставшую для него привычной во время кратких ежегодных посещений России; разнообразные встречи и дела поглощали всё его время. На этот раз Тургенев вел переговоры с М. М. Стасюлевичем и А. С. Сувориным о сотрудничестве Золя в петербургской прессе, заручился согласием М. Е. Салтыкова-Щедрина о том, что «Отечественные записки» будут периодически помещать корреспонденции французского писателя. С князем А. А. Мещерским, секретарем отделения статистики Русского географического общества, писатель обсуждал вопрос о денежной помощи экспедиции выдающегося ученого Н. Н. Миклухо-Маклая на острова Тихого океана.

1 июня Тургенев уехал в Спасское, где приводил в порядок свои финансовые дела и успешно работал над «Новью», закончив черновую редакцию романа.

В это время развернулись события, положившие начало национально-освободительной борьбе балканских славян против турецкого владычества. Турецкое правительство, стремясь подавить освободительное движение славянских народов, разжигало у мусульманского населения религиозную вражду к «неправоверным» славянам. Это приводило к кровавым расправам над мирными жителями славянских сёл и деревень, над стариками, женщинами, детьми. О диком варварстве, свирепости и религиозном исступлении много говорилось в связи с этими страшными насилиями, которым подвергались балканские славяне, находившиеся под турецким игом.

Тургенев откликнулся на балканские события стихотворением «Крóкет в Виндзоре», в котором с гневом клеймил политику попустительства этим зверствам со стороны Англии, союзницы Турции. Это была волнующая аллегория. В Виндзорском бору королева Англии играет в крокет; ей чудится, что вместо крокетных шаров «катаются целые сотни голов, обрызганных кровию черной». Кровь заливает край королевской одежды. Королева в ужасе: «На помощь, британские реки!» — «Нет, ваше величество! вам уж не смыть той крови невинной во веки». «Крóкет в Виндзоре» Тургенев «придумал ночью, во время бессонницы, сидя в вагоне Николаевской дороги — и под влиянием вычитанных из газет болгарских ужасов» *(П XII, кн. 1, 31)*. Приехав в Петербург 19 июля, он записал его (под стихотворением дата: «С.-Петербург, 20 июля, 1876») и попытался опубликовать в «Новом времени». Но то ли вмешалась цензура, то ли газета не решилась поместить стихотворение, но оно так и не увидело света в 1876 году, что, однако, как писал Тургенев, «не помешало этим вир-

шам облететь всю Россию, быть читанными на вечерах у наследника — и переведенными на немецкий, французский, английский языки!» *(П XII, кн. 1, 31—32)*. Стихотворение распространялось даже в виде листовок, отпечатанных в Лейпциге. В 1876 году оно было опубликовано в подлиннике и в болгарской эмигрантской печати. Всюду стихотворение пользовалось громадным успехом.

В Петербурге Тургенев не задержался: уже 21 июля 1876 года он уехал.

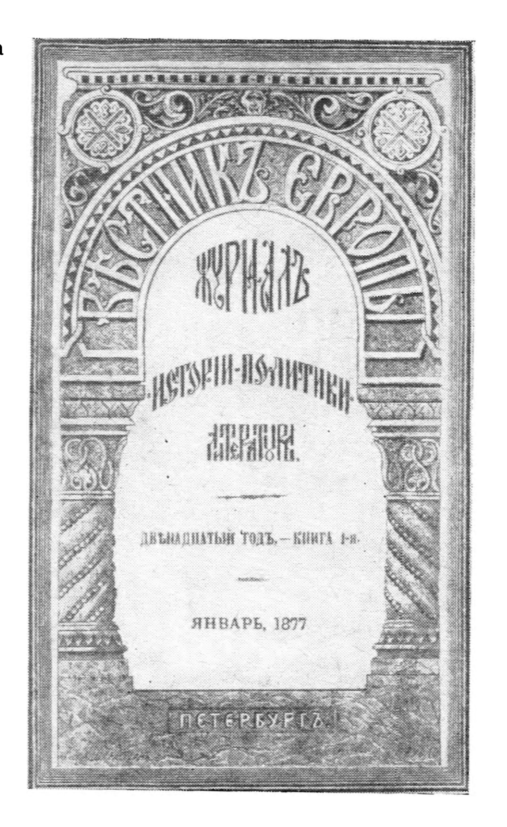
Во Франции писатель закончил роман «Новь». В январском номере «Вестника Европы» за 1877 год печаталась его первая часть.

Время было очень тревожное; газеты и телеграф приносили сведения о новых политических демонстрациях и арестах в Петербурге, о готовящихся массовых политических процессах. «Новь» оказалась острозлободневным романом, и Тургеневу пришлось пережить немало волнений, прежде чем это произведение появилось в печати. Возникли даже опасения, что цензура не пропустит роман. 6 декабря 1876 года в Петербурге перед Казанским собором состоялась массовая политическая демонстрация студентов-народников и рабочих. Это событие могло прямо отразиться на судьбе «Нови», и Тургенев написал Стасюлевичу «предохранительное письмо», в котором объяснял, что основная мысль романа «в сущности, *цензурна* и благонамеренна», что в нем нет ни прославления, ни оскорбления молодежи. «Я решился выбрать среднюю дорогу, — писал Тургенев, — стать ближе к правде; взять молодых людей, большей частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско» *(П XII, кн. 1, 44)*. Это письмо Стасюлевич должен был использовать в случае цензурных затруднений.

Книжка «Вестника Европы» вышла 1 января 1877 года, а уже через неделю русские газеты начали активную полемику. Отзывы критики были в основном отрицательными. Это повлияло на решение Тургенева возвратиться в Петербург в начале года. Уже 15 (27) января 1877 года он упоминал в одном из писем: «Поездка моя поневоле отсрочена; мне хочется дать испариться скверному впечатлению „Нови“ — что, впрочем, долго затянуться не может; в половине или в конце марта я приеду в Петербург...» *(П XII, кн. 1, 69)*. Но Тургенев не приехал и в марте: появилось окончание «Нови», и «скверное впечатление» от нового романа не «испарилось».

А между тем вскоре писатель имел возможность убедиться, что картины современной жизни, изображенные им в «Нови», верны, что он обратил внимание на важные проблемы жизни молодежи 70-х годов.

21 февраля 1877 года в Петербурге в особом присутствии правительствующего Сената начался упомянутый выше процесс по «делу о разных лицах, обвиняемых в государственном преступлении по составлению противозаконного общества и распространению преступных сочинений», или «процесс 50-ти». «Очень бы мне хотелось приехать пораньше в Петербург, — писал Тургенев Я. П. Полонскому 21 февраля (5 марта) 1877 года, — чтобы застать еще тот процесс нигилистов, который должен сегодня начаться...» *(П XII, кн. 1, 102)*. А в письме к А. В. Головнину от 25 февраля (9 марта) добавлял: «Вы не можете себе представить, как бы мне хотелось присутствовать на процессе, который начался в Сенате — и воочию увидать всех этих полубезумных детей... Но едва ли я смогу вырваться отсюда раньше трех недель! Факт знаменательный — и ни в какой другой земле — *решительно ни в какой* — невозможный: из *52-х* политических преступников — *18* женщин!! А мне г-да критики говорят, что я

Титульный лист журнала «Вестник Европы».

выдумал Марианну, что таких личностей не бывает!» *(П XII, кн. 1, 103)*. То же писатель повторял и в письме к своей петербургской знакомой, баронессе Ю. П. Вревской, которая присутствовала на суде; он просил ее прислать «несколько заметок насчет юных нигилисток, которых судят теперь в Петербурге» *(П XII, кн. 1, 109)*.

Тургенев приехал в Петербург 22 мая 1877 года и остановился в меблированных комнатах г-жи Булье, в квартире «из двух комнат в бельэтаже, окна на улицу», недалеко от гостиницы Демута[1] (Большая Конюшенная, дом Петропавловской церкви, кв. 15; теперь Невский проспект, дом 22). Все мысли писателя были заняты спорами по поводу романа «Новь» и недавно закончившегося «процесса 50-ти». Мнения критики о новом романе Тургенева несколько переменились после этого процесса: судебные отчеты, печатавшиеся в русских газетах, убеждали в правдивости картин народнического движения, изображенных в «Нови».

Действие романа начинается в 1868 году в Петербурге, на Офицерской улице, в маленькой комнатке пятиэтажного дома, где квартирует студент историко-филологического факультета Петербургского университета Алексей Нежданов. Из разговора собирающихся у него участников революционной организации сразу выясняется, что́ толкнуло молодежь к борьбе с самодержавным правительством.

Крестьянская реформа не только не принесла облегчения народу, она разорила его — эта мысль возникает сразу и затем неоднократно подчеркивается на протяжении романа. Бедствует и голодает крестьянство, в грязи и копоти живут рабочие, пухнут с голоду малые дети, под полицейским гнетом стонет демократическая интеллигенция, идут аресты, благоденствуют фабриканты и ростовщики, да «царев кабак» «не смыкает глаз» — такова картина пореформенного строя в романе Тургенева. «Пол-России с голода помирает, „Московские ведомости“ торжествуют, классицизм хотят ввести, студенческие кассы запрещаются,

---

[1] «Литературный архив», т. 4. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 256.

везде шпионство, притеснения, доносы, ложь и фальшь — шагу нам ступить некуда...» *(XII, 15)* — негодует Нежданов в начале романа. Вот что вызвало, по Тургеневу, «хождение в народ»; оно порождено глубоким сочувствием демократической интеллигенции бедствиям народа, тяжким страданиям «безымянной Руси». Впереди идет петербургская молодежь; Тургенев и в этом не погрешил против истины.

Петербург показан в «Нови» как революционный центр. Отсюда молодые народники отправляются в глубь России для революционной пропаганды. В финале романа появляется в Петербурге, на одной из линий Васильевского острова, Фекла Машурина с паспортом итальянской графини. Здесь, возможно, суждено ей погибнуть. Это один Петербург. Но есть и другой — тот самый, хорошо известный Тургеневу и смертельно враждебный его молодым героям Петербург, «где тайный советник и камергер Сипягин готовился играть значительную роль, где его жена покровительствовала всем искусствам, давала музыкальные вечера и устраивала дешевые кухни, а г. Калломейцев считался одним из надежнейших чиновников своего министерства...» *(XII, 292)*. Против этого второго Петербурга и начинают самоотверженную и мужественную борьбу молодые люди, собирающиеся на Офицерской улице.

Как правдиво показал Тургенев, свою работу «в народе» эта молодежь ведет с детской неумелостью. Нежданов и его друзья совсем не знают крестьянской жизни, не умеют говорить с крестьянами, не понимают их материальных интересов и духовных стремлений. Они видят недовольство народа и наивно думают, что этого достаточно, чтобы поднять крестьянство на революционное выступление. Сталкиваясь с недоверием крестьян, не понимающих утопической программы народников, некоторые участники

движения разочаровываются, падают духом, теряют веру в себя и в народ.

И вместе с тем, при всей трагической неудачливости этих людей, в них есть «русская суть»; она видна в настойчивости и силе Маркелова, в готовности и способности Марианны к жертвенному служению, в нераздельности слова и дела у Машуриной. Все революционные деятели народнического движения наделены в романе безусловной честностью и горячей любовью к народу, который к ним равнодушен и которого они не знают.

Показав безысходные противоречия народнического движения и произнеся свой суровый, но далеко не равнодушный приговор над его деятелями, Тургенев понимал в то же время, что их высылает в мир на бесплодную борьбу и неизбежную гибель не какой-нибудь «Василий Николаевич» (имелся в виду Нечаев), а «безымянная Русь». Герои «Нови» незримыми, но прочными нитями связаны с русским народом, — в этом их оправдание. В эпиграфе к роману сказано: «Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом». Молодые народники в романе Тургенева поднимают новь поверхностно скользящей сохой, но они поднимают ее, — в этом их значение; они — исторически необходимые предшественники других деятелей, которые станут поднимать новь глубоко забирающим плугом.

Еще в июле 1870 года, когда писатель набросал свой первый, едва наметившийся «концепт», он признал историческое значение этих людей и сказал о них слова, полные глубокого сочувствия: «Они несчастные, исковерканные — и мучатся самой этой исковерканностью, как вещью, совсем к их делу не подходящей. Между тем их явление, возможное в одной России, где всё еще носит характер *пропедевтический*, воспитательный, полезно и необходимо: они своего рода пророки, проповедники...» *(XII, 314)*.

Первая страница рукописи романа «Новь».

Не случайно в народнической прокламации, написанной П. Ф. Якубовичем после смерти Тургенева, сказано было (главным образом в связи с «Новью»), что Тургенев, «постепеновец» по убеждениям, «служил русской революции сердечным смыслом своих произведений...» [1]. Сразу после выхода романа многие народники осудили Тургенева за неверие в победу революционного дела, но, как бы ни отнеслись революционеры-семидесятники к программному смыслу романа, его «сердечный смысл», по выражению П. Ф. Якубовича, трогал и волновал их. «Он признал нравственное величие „русской нови"» [2], — с благодарностью отметил П. Л. Лавров, а известный революционер-народоволец Г. А. Лопатин, сурово отнесшийся к роману при его появлении, сказал много лет спустя: «...Он знал, что мы потерпим крах, и всё же сочувствовал нам» [3].

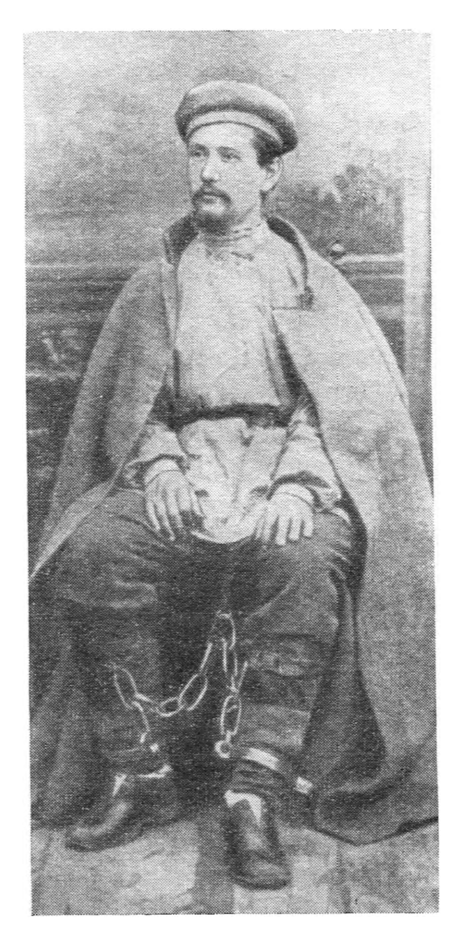
Это сочувствие к потерпевшим крах героям видно и в том, что писатель объединяется с ними в оценке их врагов: Сипягин и Калломейцев ему так же ненавистны, как Нежданову и Маркелову. «Мне иногда потому только досадно на свою лень, не дающую мне окончить начатый мною роман, — писал Тургенев еще в 1875 году, — что две-три фигуры, ожидающие клейма позора, гуляют хотя с медными — но не выжженными еще лбами» *(П XI, 26)*. Сатирические страницы в «Нови» направлены не только против откровенных реакционеров, но и против сановных либералов вроде Сипягина. О Сипягине Тургенев говорит тем же тоном, что о Калломейцеве, приравнивая этих персонажей друг к другу. «Роман» Сипягина с Неждановым заканчивается тем, что Сипягин выдает Нежданова поли-

---

[1] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 8.
[2] Там же, стр. 77.
[3] Там же, стр. 125.

ции, а размолвки Сипягина с Калломейцевым ни к каким осложнениям не ведут.

В 70-х годах Тургенев вообще меняет свое отношение к либералам не только из числа Сипягиных, но и к либеральным журналистам и общественным деятелям. Он не видит в них ни силы, ни способности к борьбе за новые назревшие реформы. Зато он возлагает свои надежды на деятелей иного типа, которых представляет в романе Соломин. Это демократ с ног до головы, он сочувствует угнетенному народу и поддерживает тесные отношения с революционерами. Однако он не сочувствует их тактике и хочет идти своей дорогой. Он, подобно самому Тургеневу, «постепеновец», но, в отличие от него, постепеновец «не сверху, а снизу», то есть деятель, вышедший из

П. Ф. Якубович.
Фотография. 1880-е годы.

народа и к нему пришедший, ему посвятивший свою жизнь и знания. В близость революции он не верит, не видит готовой для нее почвы ни среди крестьян, ни среди фабричных, но, как сказано в конспекте романа, «у него своя религия — торжество *низшего класса*, в котором он хочет участвовать»; вот почему этот «постепеновец снизу» назван в конспекте «русским революционером» *(XII, 315)*. Ему и принадлежит будущее, он один из тех, кто будет поднимать русскую новь глубоко забирающим плугом. «Теперь только таких и нужно! — восклицает в финальной сцене романа Паклин, в чьи уста Тургенев часто вкладывает свои мысли. — Вы смотрите на Соломина: умен — как день, и здоров — как рыба... Помилуйте: человек с идеалом — и без фразы; образованный — и из народа, простой — и себе на уме... Какого вам еще надо?» *(XII, 298—299)*.

Соломин ограничивает пока свою деятельность организацией заводских школ, библиотек и фабрик на артельных началах. Что́ он будет делать дальше, — остается неясным. Вряд ли это было ясно и самому Тургеневу. Вот почему в образе Соломина много недосказанного и вызывающего самые различные догадки и толкования. Любопытно, что Тургенев придавал большое значение не только Соломину, но и рабочему Павлу, в котором видел «будущего *народного* революционера». «...Но, — писал он, — это слишком крупный тип — он станет — со временем (не под моим, конечно, пером — я для этого слишком стар — и слишком долго живу вне России) — центральной фигурой нового романа» *(П XII, кн. 1, 39)*.

Таков был художественный итог десятилетних наблюдений Тургенева над русской жизнью.

Политические процессы, начавшиеся почти одновременно с выходом «Нови» и служившие прекрасным историческим комментарием к роману, не могли не волновать

писателя. На «процесс 50-ти» он не попал, но зато очень интересовался теми политическими процессами, которые разбирались во время его пребывания в Петербурге. С 23-го по 29 мая 1877 года Тургенев присутствовал на заседаниях особого присутствия Сената, разбиравшего дело «Южнороссийского союза рабочих».

По составу участников процесса это судебное разбирательство было совершенно необычным для России. «В ряду социалистических процессов, которыми так богат был нынешний год, этот процесс занимает особенно выдающееся положение, — писал журнал „Вперед!“, — и заслуживает самого серьезного внимания, как потому, что почти все обвиняемые ... принадлежат к среде рабочих, так еще более потому, что процесс этот касается попытки самостоятельной организации для революционных целей рабочих сил на юге России, организации, естественно и исторически выросшей на почве местных интересов рабочего класса» [1].

Перед судом предстали 15 пропагандистов, которые хотели создать в Одессе общество рабочих, конечной целью которого было бы насильственное ниспровержение существующего строя. Организатор кружка, впоследствии названного «Южнороссийский союз рабочих», Е. О. Заславский, организовывал стачки на заводах, вел активную агитацию среди одесских железнодорожных рабочих, распространяя антиправительственную литературу. Этот процесс тем более был интересен Тургеневу, что судились люди, распространявшие, и весьма активно, журнал П. Лаврова «Вперед!». К тому же влияние народнической пропаганды на рабочих и участие рабочих в революционном движении России волновало писателя еще в период работы над романом «Новь».

---

[1] «Вперед!» [Лондон], 1877, кн. 5, стр. 141.

Правительство не опубликовало даже краткого отчета о процессе «Южнороссийского союза рабочих». Обвинительный акт по этому делу и приговор были напечатаны в журнале П. Лаврова «Вперед!» [1]. Правительство явно не хотело широкой огласки: следствие велось недобросовестно и крайне пристрастно. Тем более неприятной правительству была просьба Тургенева о разрешении присутствовать на процессе. «Отказать знаменитому писателю было как-то неловко, — писал историк революционного движения В. Богучарский, — и Тургенев, как передавал нам один из участников процесса, находился всё время в зале заседаний суда, сидя за судейскими креслами» [2].

В «недобросовестности и крайнем пристрастии» русских политических процессов Тургенев мог воочию убедиться и во время другого судебного разбирательства. 8 июня то же особое присутствие слушало дело «О студенте СПб. университета Сергее Сергееве, учителе Алексее Покровском, крестьянах: Романе Травине, Михаиле Маркине, Федоре Маслове, статском советнике Федоре Покрышкине и его жене Татьяне Покрышкиной». Тургенев был и на этом заседании суда. «В *середу* судится здесь очень любопытный политический процесс, на котором я непременно желаю присутствовать» *(П XII, кн. 1, 169)*, — писал Тургенев брату 5 июня 1877 года. Особый интерес Тургенева в этом случае был вызван тем, что на процессе фигурировал необычный обвиняемый — статский советник. Как вспоминает современник, Тургенев говорил: «Я завтра же уехал бы в Париж, но не уеду потому, что завтра будет судиться по обвинению в государственном преступ-

---

[1] «Вперед!» [Лондон], 1877, кн. 5, стр. 141—156.

[2] Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник. Составлен под ред. В. Базилевского [В. Богучарского], т. II. Ростов-на-Дону, [б. г.], стр. 334. Обвинительный акт опубликован там же, стр. 334—344.

лении некто статский советник Покрышкин. Будь то коллежский асессор Покрышкин, даже надворный советник, я бы уехал, но статский советник, да еще Покрышкин, нет, уж не могу, я решил остаться»[1].

Дело это было, в общем, довольно обычным в ряду политических процессов 70-х годов. Подсудимые обвинялись в распространении нелегальной литературы среди крестьян. Как и дело о «Южнороссийском союзе рабочих», материалы этого процесса не освещались официальной прессой. Они были также опубликованы в журнале «Вперед!»: не исключено, что некоторые свои впечатления Тургенев мог изложить П. Лаврову в Париже. Суду не удалось установить сколько-нибудь серьезного состава преступления обвиняемых. И тем не менее они были осуждены и сосланы. Тургенев мог убедиться, что об истинном правосудии в России говорить еще слишком рано.

Приезд в Россию в 1877 году оставил в памяти Тургенева грустные воспоминания. В мае произошла последняя встреча писателя с Ю. П. Вревской.

Ю. П. Вревская, урожденная Варпаховская, была незаурядной женщиной. В шестнадцатилетнем возрасте она вышла замуж за генерал-лейтенанта барона И. А. Вревского, товарища Лермонтова и многих декабристов. В 1858 году он погиб на Кавказе. «Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез» *(XIII, 167)*,— писал Тургенев в стихотворении в прозе «Памяти Ю. П. Вревской».

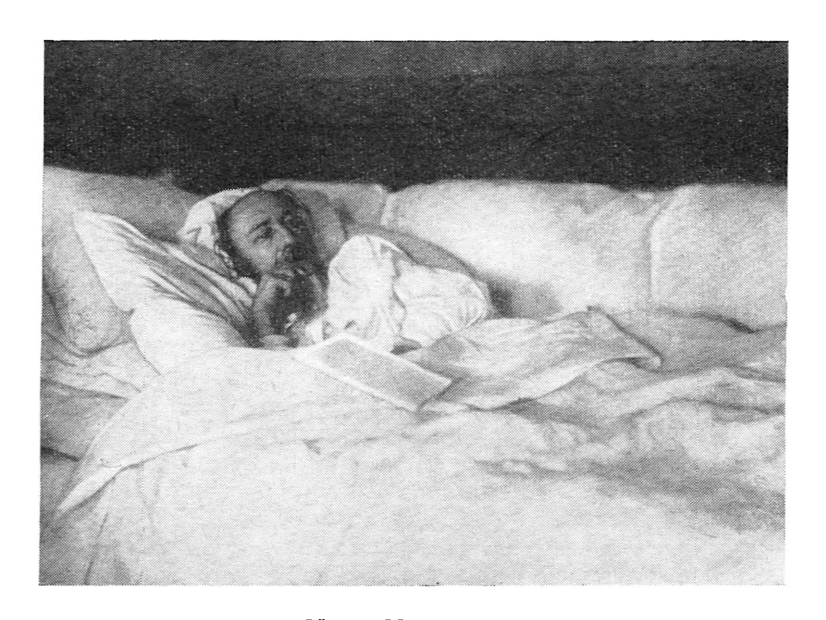
[1] К. П. Ободовский. Рассказы о Тургеневе. — «Исторический вестник», 1893, № 2, стр. 363.

В апреле 1877 года Россия объявила войну Турции. Официальной целью войны было освобождение балканских славян, в то же время Россия стремилась укрепить свое влияние на Балканах. Освободительные цели войны привлекли многих демократически настроенных людей и вызвали сочувствие в кругах молодежи. Среди добровольцев, принявших участие в балканской войне, были и активные деятели революционного движения. Вревская уехала на Балканы как сестра милосердия. В начале 1878 года она заболела тифом и умерла в болгарском городе Беле.

Тургенев познакомился с Вревской в 1873 году, и они с тех пор встречались каждый год. В 1874 году Вревская навестила писателя в Спасском, затем они виделись в Карлсбаде, а в 1876 году — в Петербурге: Тургенев тогда навестил Вревскую в ее квартире на Литейном проспекте и на даче в Старом Петергофе. В перерывах между встречами Тургенев и Вревская часто обменивались письмами. Последняя встреча их состоялась на даче Я. П. Полонского в Павловске, куда в конце мая 1877 года Тургенев приезжал с Вревской, уже носившей костюм сестры милосердия.

Посещение Петербурга в 1877 году вообще было для Тургенева временем «последних свиданий». Он посетил умирающего Некрасова, с которым не встречался с начала 60-х годов. Еще в январе 1877 года Вревская советовала Тургеневу написать Некрасову «примирительное письмо», но он отказался от этой мысли. «...Не будет ли ему мое письмо казаться каким-то предсмертным вестником... — писал Тургенев. — Надеюсь, Вы уверены, что никакой другой причины моему молчанию нет — и быть не может» *(П XII, кн. 1, 70)*.

В начале июня Тургенев вместе с Анненковым навестил Некрасова. Поэт первым сделал шаг к примирению: узнав о приезде Тургенева в Петербург, он просил

Н. А. Некрасов.
Фотография. 1877 год.

А. Н. Пыпина (известного историка литературы и сотрудника «Современника», двоюродного брата Чернышевского) передать Тургеневу, что он всегда любил его, а на предложение Пыпина встретиться с Тургеневым ответил согласием. Писатель так вспоминал об этой встрече, оставившей тяжелый след в его сознании: «Я отправился к нему, вошел в его комнату... Взоры наши встретились.

Я едва узнал его. Боже! что с ним сделал недуг!

Желтый, высохший, с лысиной во всю голову, с узкой седой бородой, он сидел в одной, нарочно изрезанной рубахе... Он не мог сносить давление самого легкого платья.

Порывисто протянул он мне страшно худую, словно обглоданную руку, усиленно прошептал несколько невнятных слов — привет ли то был, упрек ли, кто знает? Изможденная грудь заколыхалась — и на съеженные зрачки загоревшихся глаз скатились две скупые, страдальческие слезинки.

Сердце во мне упало... Я сел на стул возле него — и, опустив невольно взоры перед тем ужасом и безобразием, также протянул руку» («Последнее свидание». *XIII, 168*).

Некрасов умер 27 декабря 1877 года, и это известие снова вызвало в памяти Тургенева грустное свидание на петербургской квартире поэта. «С немалым огорчением узнал я о смерти Некрасова, — писал Тургенев своему петербургскому знакомому А. В. Топорову 1 (13) января 1878 года, — надо было ее ожидать — и даже удивительно, как он мог так долго бороться. Никогда не выйдет у меня из памяти это лицо, каким я его видел нынешней весною» *(П XII, кн. 1, 255)*. То же он повторил Анненкову, свидетелю этого последнего свидания с Некрасовым: «Да, Некрасов умер... И вместе с ним умерла большая часть нашего прошедшего и нашей молодости. Помните, каким мы его с Вами видели — в июне?..» *(П XII, кн. 1, 261)*. В апреле 1878 года Тургенев написал под впечатлением встречи с Некрасовым и известия о его смерти уже цитировавшееся стихотворение в прозе «Последнее свидание». «Смерть нас примирила», — писал он.

Встреча со смертельно больным Некрасовым произвела на Тургенева тем большее впечатление, что сам он постоянно ощущал неумолимое приближение конца. Его приезды в Петербург в 70-х годах были омрачены болезнями, с удивительным постоянством одолевавшими его в России. Так было и в 1877 году: в июне Тургенев снова заболел и вынужден был задержаться в Петербурге на целый месяц, отменив поездку в Спасское. За время болезни писа-

тель почти никого не видел; один только Анненков был у него «завсегдатаем» *(П XII, кн. 1, 178)*. Лишь 24 июня Тургенев уехал из Петербурга.

29 июля (10 августа) 1877 года Тургенев писал американскому писателю Генри Джеймсу: «Во время своего пребывания в России я, действительно, видел много хорошего и дурного; привез с собой множество впечатлений...» *(П XII, кн. 1, 462)*.

За границей он по-прежнему живо откликался на события петербургской жизни, внимательно следил за русскими газетами и журналами, сообщал Стасюлевичу свое мнение об очередных номерах «Вестника Европы». Прежде всего его волновали политические процессы. В 1877 году он с нетерпением ждал, когда ему пришлют обвинительный акт по «делу 193-х». Этот процесс, следствие по которому тянулось около трех лет (к дознанию было привлечено около тысячи «пропагандистов»), необычайно интересовал Тургенева. В 1878 году его особенное внимание привлекло дело Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Тургеневу важны были все эти материалы как историческая проверка основных тенденций романа «Новь», как документы, свидетельствовавшие о жизни и чаяниях русской революционной молодежи.

Всё это не могло не интересовать Тургенева и во время следующего посещения Петербурга в 1878 году. Об этом пребывании писателя в столице рассказывают лишь деловые письма. В Петербурге он был очень недолго: приехав 27 июля 1878 года и остановившись в Европейской гостинице, писатель 2 августа уехал в Москву и Спасское. 4 сентября он снова был в Петербурге, откуда через два дня уехал во Францию.

Но Тургенев имел возможность составить себе представление об общей атмосфере общественно-политической

жизни столицы, взволнованной непрекращавшимися политическими процессами. «В России мне в самом деле пришлось пережить немало странного» *(П XII, кн. 1, 482)*, — писал Тургенев Л. Пичу 26 сентября (8 октября) 1878 года. Вскоре ему представилась полная возможность близко узнать эту «странную» жизнь России.

В феврале следующего, 1879 года Тургенев снова спешил на родину, на этот раз — в Москву. В январе скончался старший брат писателя, и Тургенев должен был предпринять срочные меры по делам наследства. Поэтому в Петербурге он задержался лишь на пять дней: с 8-го по 13 февраля; жил Тургенев снова в Европейской гостинице.

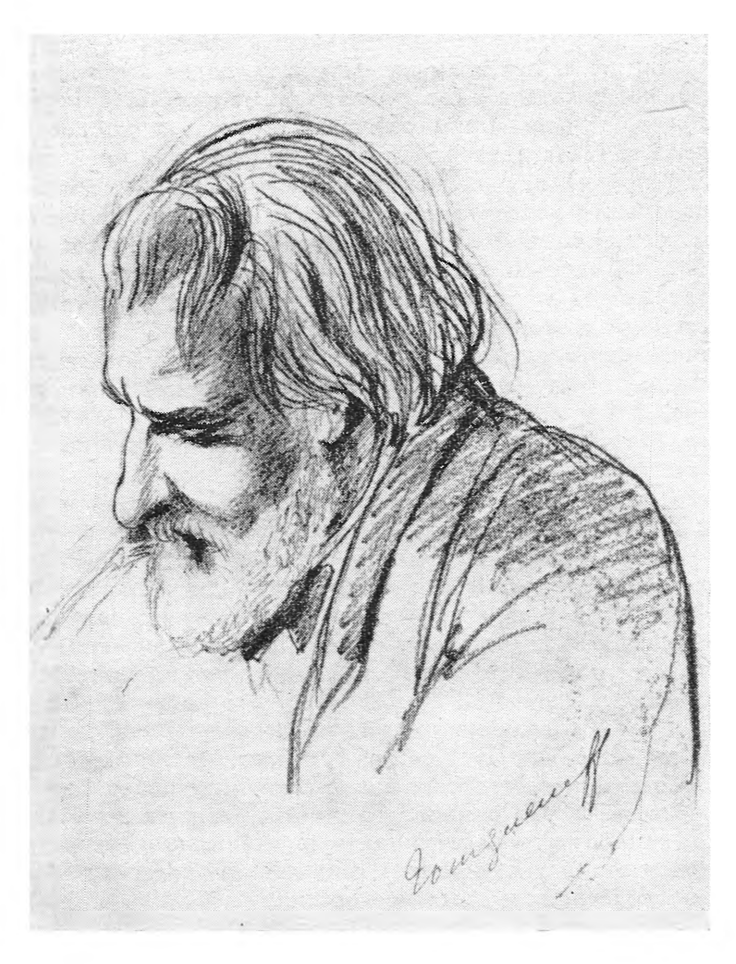
Об этом посещении Петербурга, кроме деловых бумаг, осталось лишь одно свидетельство. 11 февраля Тургенев был на спектакле в клубе петербургских художников, в доме Кононова на Мойке. «Давали „Грозу“ Островского, с г-жою Стрепетовой в роли Катерины. Тургенев прослушал пьесу с начала до конца, т. е. с девяти часов до часу. Кроме нашего знаменитого романиста, в числе публики было много интеллигентных представителей петербургского общества, собравшихся для того, чтобы посмотреть нашу даровитую артистку. Ей поднесли золотой браслет и бросали на сцену массу венков и букетов. По окончании представления вызовы артистки обратились в шумную и восторженную овацию» [1].

Есть сведения, что в 70-х годах Тургенев видел П. А. Стрепетову также в «Горькой судьбине» Писемского и был взволнован до слез ее игрой [2].

---

[1] «Новое время», 1879, 12 февраля.

[2] См.: Р. Беньяш. Пелагея Стрепетова. Л., «Искусство», 1967, стр. 147—148.

И. С. Тургенев.
Рисунок П. Виардо, 1879 год.

Этот приезд на родину остался в памяти Тургенева как один из самых знаменательных периодов в его жизни. В Москве писателя ждали неожиданные овации. Там было положено начало «примирению» Тургенева с русской молодежью. На следующий день после приезда в Москву (15 февраля) группа молодых профессоров Московского университета устроила обед в честь писателя. Инициатором этой встречи был М. М. Ковалевский, будущий ученый с мировой славой, а в те годы начинающий профессор сравнительной истории права, но уже известный в России и за границей. Вокруг Ковалевского, игравшего значительную роль в общественной жизни университета, группировались молодые профессора, пользовавшиеся большой популярностью в студенческой среде, — А. И. Чупров, И. И. Янжул и другие. «А вчерашний день надолго останется мне в памяти как нечто еще небывалое в моей литературной жизни» *(П XII, кн. 2, 37)*, — писал Тургенев М. М. Ковалевскому 16 февраля 1879 года.

В этот день Тургенева чествовали как автора «Нови» и говорили о нем как о честном писателе и наставнике молодежи. А еще через два дня, 18 февраля, на заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете Тургенева публично приветствовал от имени студентов П. П. Викторов. Его речь была встречена бурей аплодисментов огромной аудитории, пришедшей на заседание. В Москве Тургенева чествовали после этого заседания неоднократно, и печать подробно сообщала об этом. Когда 8 марта 1879 года Тургенев возвратился в Петербург, там его ждали новые овации, встречи с молодежью и выражения сочувствия, превосходившие своей сердечностью даже московские.

С первого же дня своего пребывания в Петербурге Тургенев оказался в центре всеобщего внимания. Писателя приглашали на разнообразные благотворительные ве-

чера и обеды, устраиваемые в его честь, преподносили приветственные адреса и лавровые венки. «Чтения, овации и т. д. продолжаются и здесь, как в Москве» *(П XII, кн. 2, 47)*, — сообщал он 14 марта 1879 года Л. Я. Стечькиной, писательнице, в те годы неоднократно обращавшейся к Тургеневу за литературными советами. Тургенев выступал перед петербургской молодежью почти каждый день, и его имя не сходило со страниц столичных газет. Корреспонденты писали о пребывании Тургенева в Москве и Петербурге, спорили, анализировали приветственные речи и т. д.

Овации начались уже 9 марта, во время вечера Литературного фонда, проходившего в зале Благородного собрания. «Если уж сама Москва всполошилась и рискнула на овации в честь Тургенева, приветствуя в нем, между прочим, старого друга молодого поколения и всего жизненного на Руси, то „нигилистическому" Петербургу, конечно, и бог простит поклонение Тургеневу» [1], — писала газета «Голос», предлагая читателю отчет об этом литературном вечере.

Программа литературного вечера 9 марта была разнообразна: выступали Я. П. Полонский, А. Н. Плещеев, драматург А. А. Потехин; большой успех выпал на долю М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ф. М. Достоевского. Последним выступил Тургенев, прочитавший рассказ «Бурмистр». Публика, до отказа наполнившая зал, стоя приветствовала любимого писателя. Рукоплескания неоднократно прерывали чтение и с новой силой вспыхнули после его окончания. «После чтения в зале стоял содом, — вспоминал присутствовавший на вечере драматург и беллетрист П. П. Гнедич. — Молодежь жала Тургеневу руку. Он, в белых перчатках, торопливо жал протянутые

[1] «Голос», 1879, 11 марта.

десницы и, конфузливо кланяясь, торопливо пробирался к выходу...» [1].

13 марта Тургенев присутствовал на обеде профессоров и литераторов в ресторане Ж. Бореля, самом фешенебельном ресторане Петербурга, находившемся на Большой Морской улице, дом 18 (ныне улица Герцена, дом 16). Это был один из ежемесячных традиционных обедов, устраивавшихся с целью сближения петербургских литераторов и ученых. В тот день обед был дан в честь приезда Тургенева. В многочисленных речах говорилось о заслугах писателя перед русской литературой, о высоком нравственном значении его произведений. Писатели и ученые разных поколений и взглядов приветствовали Тургенева как человека, который сумел сделать понятными для молодежи идеалы людей 40-х годов, который примирил «отцов» и «детей». Эта мысль содержалась и в пространной речи известного юриста и адвоката В. Д. Спасовича, и в тосте Д. В. Григоровича, и в приветствии К. Д. Кавелина, и в других речах. Эту же мысль подчеркнул и Тургенев в своем ответе.

Идея объединения прогрессивных элементов русского общества была дорога Тургеневу; он считал ее необычайно актуальной для России, но не видел тех сил, которые смогли бы взять на себя практическое ее осуществление. Прекрасным комментарием к этому служат воспоминания П. Лаврова. Как он свидетельствует, в беседах о положении дел в России Тургенев часто говорил не только «об отсутствии всякой надежды на правительство», но и «о бессилии и трусости его [Тургенева] либеральных друзей». «Каждый раз, — вспоминал Лавров, — он начинал иронически или раздражительно перебирать имена и

---

[1] П. П. Гнедич. Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918. Л., «Прибой», 1922, стр. 123.

личности (иные весьма близкие ему) и доказывать для каждого, что он не способен ни к смелому делу, ни к риску, ни к жертве и что поэтому невозможна организация их в политическую партию с определенною программою и с готовностью пожертвовать многими личными удобствами до тех пор, пока для них сделается возможною надежда достичь своих политических целей»[1].

Характерно, что революционные эмигранты, стремясь активизировать либеральное движение, обращались именно к Тургеневу. Писатель охотно поддерживал с ними общение более чем дружеское. Не разделяя политических устремлений революционных народников, Тургенев видел в них силу, способную принудить правительство к политическим реформам. Эта позиция Тургенева не была секретом для его революционных друзей, и Лавров, не переставая считать Тургенева либералом, видел, однако, в нем человека, «настолько имеющего более чутья, чем его товарищи, что он готов был сочувствовать и даже содействовать *всякой* нарождающейся силе, оппозиционной по отношению абсолютизма...»[2].

Овации, устраиваемые Тургеневу молодежью, становились всё более бурными. Его приглашали выступить на различных литературных вечерах, многочисленные почитатели искали встречи с известным писателем. «Его номер на четвертом этаже Европейской гостиницы за эти недели обратился в какой-то проходной двор, — вспоминал журналист и критик Н. Я. Стечькин. — Рядом с известнейшими людьми, корифеями журналистики и литературы[3],

---

[1] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 25, 42.

[2] Там же, стр. 73.

[3] Тургенева часто навещали и Полонский и Григорович; бывал Салтыков-Щедрин и спорил со Стасовым о романе Золя «Нана», только что появившемся в печати; приходили известный адвокат князь А. И. Урусов, А. Ф. Кони и многие другие.

тут бывали первые встречные, студенты, курсистки, депутации от самозванных кружков. ... В ту пору в Европейскую гостиницу ходили, как на поклон. ... Молодежь шла к Тургеневу вереницами» [1].

К Тургеневу приходили за советом, его приглашали на различные вечера, ему приносили свои рукописи начинающие писатели, приходили и просто так, чтобы посмотреть на известного писателя, получить автограф или выразить чувство признательности.

В свою очередь, Тургенев посещал вечера Я. П. Полонского, жившего на Фонтанке, в доме 24. Здесь собирался цвет петербургской интеллигенции. Часто бывал писатель у Стасюлевича. «Почти всегда в бодром настроении духа, он [Тургенев] бывал в это время неистощим в рассказах из своей жизни и своих наблюдений» [2], — вспоминал А. Ф. Кони.

Чествование Тургенева достигло апогея 15 марта: в тот день писатель участвовал в литературном вечере в пользу нуждающихся слушательниц женских педагогических курсов; курсы находились при Александровской женской гимназии на Гороховой улице (ныне улица Дзержинского, дом 20). На вечере выступали А. А. Потехин, А. Н. Плещеев, Я. П. Полонский, П. И. Вейнберг. Тургенев приехал поздно, когда все участники вечера уже выступили. Но собравшиеся не расходились. Они восторженно приветствовали Тургенева при входе в зал. Когда он появился на эстраде, его увенчали лавровым венком. Одна из слушательниц произнесла приветственное слово, в котором говорилось о значении произведений писателя в общественном развитии русских женщин. Венок и адрес препод-

---

[1] Н. Я. Стечькин. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. СПб., 1903, стр. 20—21.

[2] А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. 2. СПб., 1912, стр. 84.

несли Тургеневу и слушательницы Бестужевских курсов. После выступления Тургенева, читавшего рассказ «Льгов», аплодисменты и приветствия возобновились с новой силой и не прекращались до тех пор, пока писатель не покинул зал.

Все овации, встречи, адреса и приветствия весной 1879 года Тургенев воспринимал не только как признание своих заслуг перед литературой и обществом. Он говорил тогда Г. Лопатину: «Я знаю, что недоразумения, существовавшие так долго между мною и русской молодежью, рассеялись и что она вернула мне свою любовь. Но я не так самонадеян, чтобы приписывать все эти овации моим скромным литературным заслугам. Я отлично понимаю, что русское общество, зная мои убеждения и мое исключительное положение, пользуется мною, как первым попавшимся под руку чурбаном, чтобы бросить им в голову опостылевшему ему правительству. Что ж, — *я рад послужить обществу даже и в этом качестве*»[1].

Это понимало и правительство. Уже 9 марта, на другой день после приезда писателя в Петербург, III отделение сообщало о чествовании Тургенева в Москве, о готовившемся в Петербурге вечере Литературного фонда и с тревогой указывало в агентурной записке, что «овации, которые подготовляются г. Тургеневу в Петербурге, могут принять бóльшие размеры и значение, чем даже в Москве». Официальные круги более всего были встревожены тем, что в речах, сопровождавших чествование Тургенева, прямо говорилось о скором конституционном перевороте в России и «какой-то особой демократизации»[2].

Правительство было чрезвычайно напугано теми массовыми демонстрациями, которые почти ежедневно

---

[1] «Литературное наследство», т. 76, стр. 248.
[2] Там же, стр. 325.

проходили под знаком приветствий Тургеневу. Писатель намеревался еще пожить в Петербурге, но к нему явился флигель-адъютант императора «с деликатнейшим вопросом: его величество интересуется знать, когда вы думаете, Иван Сергеевич, отбыть за границу» [1]. Сам император говорил тогда о Тургеневе: «C'est ma bête noire» [это у меня бельмо на глазу]. Однако «тронуть писателя, знаменитого во всей Европе, не решились» [2]. Тургенев стал отказываться, под видом болезни, от участия в литературных вечерах, но он почти открыто заявил студенческим депутациям Горного института и Петербургского университета, что «ему положительно запрещено являться среди молодежи и принимать ее овации». «При этом он высказал ряд таких мыслей и своих ближайших намерений, — добавляли свидетели этого разговора, — которые произвели потрясающее впечатление на этих депутатов» [3]. Тургенев написал студентам университета и Горного института открытое письмо с отказом от выступления. Оно появилось в «Петербургском листке» (1879, 27 марта); другие газеты, боясь цензурных затруднений, не решились поместить это письмо.

Реакционная пресса употребила все усилия для дискредитации Тургенева, обвиняя его в «кувыркании» перед молодежью. Особенно изощрялся Б. Маркевич, напечатавший в «Московских ведомостях» за подписью «Иногородний обыватель» злобный фельетон. В нем содержался вполне определенный намек на то, что Тургенев сочувствует крайним радикальным устремлениям молодежи. «Другой, более цельный и независимый по убеждениям своим и характеру, учитель молодежи не выразил бы ту-

[1] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 128.

[2] Там же, стр. 52.

[3] «Тургенев и молодая Россия». — «Общее дело» [Женева], 1883, № 56, стр. 6.

манного сочувствия «*всем* ее стремлениям», — писал Маркевич, — а определил бы ясно и точно те из этих стремлений, которым может и должен сочувствовать каждый зрелый и просвещенный сын страны своей, строго отделяя их от тех, которые могут вести лишь к позору и гибели...»[1]. Это уже граничило с прямым доносом.

Позднее, когда Б. Маркевич повторил свои измышления и вспомнил чествование писателя в 1879 году, Тургенев отвечал ему в «Вестнике Европы»: «Они были мне дороги, эти овации, как доказательство проявившегося сочувствия к тем убеждениям, которым я всегда был верен и которые громко высказывал в самых речах моих, обращенных к людям, которым угодно было меня чествовать. С какой же стати мне было лгать и заискивать в них, когда они сами мне протягивали руки и верили мне?» *(XV, 185)*.

О встречах Тургенева с революционной молодежью известно очень мало. Но такие встречи были, это несомненно. Приехав в Париж, Тургенев рассказывал о существующих в России «тайных обществах с радикальными тенденциями» и добавлял, что ему самому «приходилось беседовать с такими радикалами; у них нет никакой программы, они только высказывают мысль о том, что старый, обветшалый дом должен быть подожжен со всех четырех сторон, а потом должен быть построен новый»[2]. Такое представление о революционной России сложилось у писателя потому, что «радикалы», с которыми ему приходилось беседовать, вряд ли вступали в подробные объяснения с ним. Кроме того, нельзя не учитывать общего либерального отношения Тургенева к людям революционного действия.

---

[1] Иногородний обыватель [Б. Маркевич]. С берегов Невы. — «Московские ведомости», 1879, 20 марта.

[2] «Литературное наследство», т. 76, стр. 437.

В Петербурге Тургенев встретился с Г. А. Лопатиным, нелегально приехавшим тогда в русскую столицу. Писатель часто встречался с ним за границей, но никак не ожидал увидеть его в Петербурге. «Прежде чем войти, — вспоминал Лопатин, — я отправил ему свою визитную карточку, чтобы он узнал мою тогдашнюю фамилию. Кажется, Афанасием Григорьевичем Севастьяновым я был тогда. Вхожу. Увидал меня Тургенев и воскликнул: „Безумный вы человек! Можно ли так рисковать собой?..“ Потом он рассказал мне о своем пребывании в Москве, о речах, о молодежи и чествовании» [1].

Лопатин несколько раз бывал у Тургенева. Однажды Тургенев предупредил его о готовящемся аресте, уговаривая немедленно уезжать. «И сколько было тревоги за меня и боязни, что я его не послушаю, в голосе И. С., — говорил впоследствии Лопатин. — Я упорствовал. Мне захотелось проверить источник слухов. И. С. назвал мне фамилию. Я знал этого господина за труса. Этот господин встретился с одной важной особой. „А знаете, ваш-то Лопатин...“ — огорошила его особа. При словах „ваш Лопатин“ на лице моего знакомого появилось, конечно, выражение горячего протеста. „Да нéчего, нéчего, — продолжала особа, — я ведь знаю, что вы там, за границей, с ним якшаетесь, ну, так не долго ему гулять, скоро его на веревочку посадят“. Взвесив достоверность названного источника, я заявил: „Нет, Иван Сергеевич, я не поеду“. И. С. сокрушенно качал головой. Ему больно было сознавать, что он не сможет убедить меня. Я остался. А через два дня меня арестовали... Я не мог тогда уехать. У меня были дела, вещи... Ко мне должны были прийти. Но до ареста я успел еще раз повидаться с Тургеневым» [2].

---

[1] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 126.
[2] Там же, стр. 127.

После ареста Лопатина Тургенев писал П. Лаврову: «Несчастье, обрушившееся на Лопатина, было неизбежно; он сам как бы напросился на него. В самый день моего отъезда я умолял его уехать на юг— ибо об его присутствии в Петербурге полиция *знала*. Что теперь делать, сказать трудно...» *(П XII, кн. 2, 59)*. Тургенев строил различные планы освобождения Лопатина.

Г. А. Лопатин.
Фотография. 1870-е годы.

1879 год был для писателя знаменателен не только «примирением» с молодежью. К этому времени относится второе рождение тургеневского театра. Оно неотделимо от имени М. Г. Савиной.

В начале 1879 года молодая актриса Александринского театра М. Г. Савина обратилась к Тургеневу с просьбой разрешить сокращения в его пьесе «Месяц в деревне», в которой она хотела играть в свой бенефис. Тургенев согласился, хотя и выразил сомнение в сценичности комедии. 17 января 1879 года «Месяц в деревне» был поставлен. Незаурядный талант Савиной способствовал огромному и совершенно неожиданному для Тургенева успеху комедии.

На второй день своего пребывания в Петербурге Тургенев встретился с Савиной. Он никак не мог себе представить, чтобы Савина исполняла роль Верочки. «„Дей-

ствительно, вы очень молоды для роли Натальи Петровны, но... Верочка! Что же там играть?" — повторял он, озадаченный»[1]. Савина пригласила Тургенева на очередной спектакль. 15 марта Тургенев смотрел «Месяц в деревне» и был свидетелем настоящего триумфа молодой актрисы. Овациям не было конца, неоднократно вызывали автора. Публика окончательно признала в Тургеневе драматического писателя. Комедия надолго вошла в основной репертуар русского театра.

Об атмосфере, в которой проходил спектакль 15 марта, Савина вспоминала: «С каким замиранием сердца я ждала вечера и как играла — описать не умею; это был один из счастливейших, если не самый счастливый спектакль в моей жизни. Я священнодействовала... Мне совершенно ясно представлялось, что Верочка и я — одно лицо... Что делалось в публике — невообразимо! Иван Сергеевич весь первый акт прятался в тени ложи, но во втором публика его увидела, и не успел занавес опуститься, как в театре со всех сторон раздалось: „Автора!" Я, в экстазе, бросилась в комнату директорской ложи и, бесцеремонно схватив за рукав Ивана Сергеевича, потащила его на сцену ближайшим путем. Мне так хотелось показать его всем, а то сидевшие с правой стороны не могли его видеть. Иван Сергеевич очень решительно заявил, что, выйдя на сцену, он признает себя драматическим писателем, а это ему „и во сне не снилось", и потому он будет кланяться из ложи, что сейчас же и сделал. „Кланяться" ему пришлось целый вечер, т. к. публика неистовствовала. Я отчасти гордилась успехом пьесы, так как никому не пришло в голову поставить ее раньше меня...

После третьего действия (знаменитая сцена Верочки с

---

[1] М. Г. Савина. Мое знакомство с Тургеневым — В кн.: «Тургенев и Савина». Пг., 1918, стр. 64.

Натальей Петровной) Иван Сергеевич пришел ко мне в уборную, с широко открытыми глазами, и подошел ко мне, взял меня за обе руки, подвел к газовому рожку, пристально, как будто в первый раз видя меня, стал рассматривать мое лицо и сказал: „Верочка... Неужели эту Верочку я написал?!. Я даже не обращал на нее внимания, когда писал... Всё дело в Наталье Петровне... Вы живая Верочка... Какой у вас большой талант!“». Савина познакомила Тургенева с исполнителями других ролей — А. И. Абариновой, К. А. Варламовым, В. В. Стрельской. «К концу спектакля овации приняли бурный характер, и когда автор, устав раскланиваться, уехал из театра, исполнителей вызывали без конца» [1].

На следующий день Тургенев был у Савиной с визитом, а вечером читал вместе с нею на концерте в пользу Литературного фонда сцену из «Провинциалки».

Концерт, проходивший 16 марта в зале Благородного собрания, стал еще одним триумфом Тургенева. В конце первого отделения, после выступлений А. А. Потехина и А. Н. Плещеева, Тургенев прочел рассказ «Бирюк». «За этим чтением последовали шумные вызовы, во время которых группою молодых особ Тургеневу был поднесен огромный лавровый венок со свернутым при нем адресом» [2]. Но настоящим праздником литературы оказалось второе отделение. Достоевский прочел отрывок из романа «Братья Карамазовы». «Удивительно он читал!» — вспоминала Савина [3]. Его встретили и проводили как любимого писателя, успевшего уже прочно завоевать симпатии русских читателей. Савина и Тургенев читали сцену из

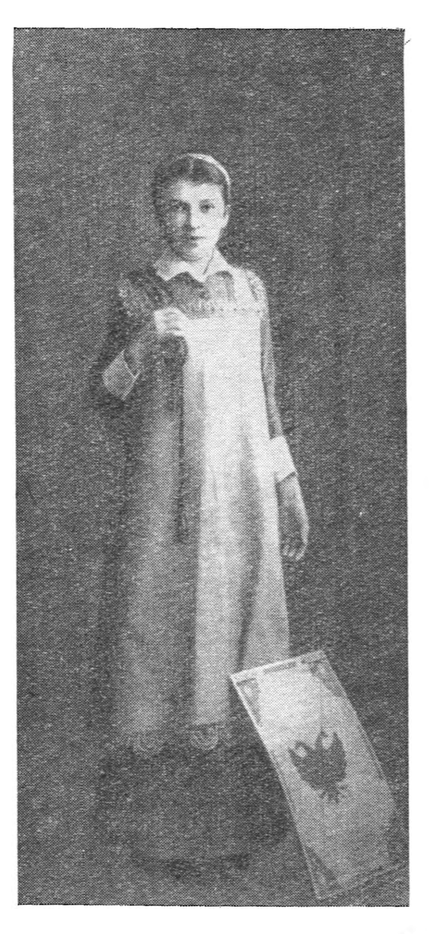
---

[1] «Тургенев и Савина». Пг., 1918, стр. 65—66.

[2] «Голос», 1879, 18 марта.

Этот венок и адрес преподнесли Тургеневу слушательницы врачебных медицинских курсов («Новое время», 1879, 20 марта).

[3] «Тургенев и Савина». Пг., 1918, стр. 69.

М. Г. Савина в роли Верочки в комедии «Месяц в деревне». *1879 год.*

«Провинциалки». «Поставили стол с двумя свечами, положили две книги, придвинули два стула и... надо было выходить, — вспоминала об этом выступлении Савина. — Теперь, столько лет спустя, у меня сердце замирает при одном воспоминании, а что было тогда!.. Иван Сергеевич взял меня за руку, Вейнберг скомандовал: „Выходите!“, — за кулисами зааплодировали, публика подхватила — и я, оглушенная, дрожащая, вышла на сцену. Когда мы вышли, я, конечно, не кланялась на аплодисменты, а сама аплодировала автору. Долго раскланивался Иван Сергеевич, наконец всё затихло — и мы начали: „Надолго вы приехали в наши края, ваше сиятельство?“ (Этой фразой начинается сцена.) Не успела я это произнести, как аплодисменты грянули вновь. Иван

Сергеевич улыбнулся. Овации казались нескончаемыми — и я, в качестве „профессиональной“, посоветовала ему встать, так как он совершенно растерянно смотрел на меня. Наконец публика утихла, и он отвечал. Тишина была в зале изумительная. Все распорядители, т. е. литераторы и даже Достоевский, участвовавший в этом вечере, пошли слушать в оркестр. Я совершенно оправилась от волнения, постепенно вошла в роль и, казалось, прочла хорошо. Нечего и говорить об овациях после окончания чтения. Ивана Сергеевича забросали лаврами. Вызывали без конца, но я, выйдя два раза на вызовы — и то по настоятельному требованию Ивана Сергеевича, — спряталась в кулисе за распорядителями и оттуда аплодировала вместе с ними» [1]. Публика снова и снова вызывала Тургенева и Савину.

Выступление в зале Благородного собрания было последним в этот приезд Тургенева в Петербург. Он уехал 21 марта, — раньше, чем предполагал. На Варшавском вокзале писателя провожали его многочисленные друзья и приятели. «Они стояли перед ним так же, как стояла небольшая горсть друзей, провожавшая его около 25-ти лет тому назад, в 1856 году, когда он, вскоре после трехлетнего обязательного пребывания в деревне, в первый раз ехал за границу — не с тем, чтобы учиться или путешествовать, как то бывало и прежде, но с тем, чтобы жить, — и точно так же окружавшие его могли и теперь повторять стихи, обращенные тогда к Тургеневу провожавшим его поэтом [Некрасовым]:

Счастливец! из доступных миру
Ты наслаждений взять умел
Всё, чем прекрасен наш удел:
Бог дал тебе свободу, лиру!..» [2]

---

[1] «Тургенев и Савина». Пг., 1918, стр. 68—69.
[2] «Вестник Европы», 1879, № 4, стр. 828.

При переезде границы Тургенев получил еще одно доказательство нежелательности своего пребывания в России. «Жандармский офицер на границе сказал ему, когда он проезжал: „А мы уже пять дней ждем вас“» [1].

О впечатлении, которое произвела на Тургенева поездка в Россию в 1879 году, сам писатель так говорил Анненкову: «Хотелось бы мне одним словом выразить то чувство, которое я вынес из России! Быть может, это слово: *сострадание*, — глубокое сострадание к нашей прекрасной молодежи — мужской и женской, которая просто задыхается от недостатка воздуха, как птица под пневматическим колоколом. В этом жгучем чувстве исчезает и тает всякое личное удовлетворение литературного самолюбия и т. п. — исчезает даже та радость, которую не может не возбудить в состарившейся душе всеобщее изъявление сочувствия... Все эти восторги, надежды, ожидания... какой исход возможен им?» *(П XII, кн. 2, 64—65).*

П. Лавров вспоминал впоследствии о своих разговорах с Тургеневым после его возвращения из России: «Он, действительно, рассказывал с одушевлением о том, что пережил, хотя беспрестанно возвращался к мысли, что овации ему были лишь поводом для либералов высказаться, а на мои вопросы: можно ли надеяться, что либералы сгруппируются, организуются, решатся кое-чем рискнуть и выступить как политическая партия с определенной программой? — опять-таки перечислял лиц, показывал их несостоятельность. Однако он часто возвращался к общему возбуждению молодежи, по-видимому, полагая, что терроризм ей надоел, что она от него отворачивается и ищет других, более мирных путей» [2].

Но буквально ближайшие дни разуверили Тургенева в

---

[1] «Литературное наследство», т. 76, стр. 439.

[2] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 53.

его представлениях о молодежи. 2 апреля 1879 года А. К. Соловьев неудачно покушался на жизнь Александра II, и это событие «сильно смутило» писателя. Сначала он негодовал на Соловьева, предвидя, «как будут иные люди эксплуатировать это безумное покушение» во вред либеральной партии *(П XII, кн. 2, 61)*. «...Но потом, выслушав рассказ какого-то высокопоставленного приятеля, передавшего ему, как держал себя Соловьев на суде, ...он признал в Соловьеве замечательный героизм»[1] — так, со слов людей, видевших Тургенева часто в это время, Лавров говорил о настроениях писателя. Тургенева пугает реакция, наступившая вслед за покушением, массовый террор. «...С мучительной тоской прислушиваюсь и приглядываюсь ко всему, что совершается теперь на Руси» *(П II, кн. 2, 81)*, — писал он. Недоверчиво относится Тургенев к либеральным заявлениям людей, близких к правительственным кругам, и видит зловещие симптомы в том, что «нигилистов вешают чуть не дюжинами» *(П XII, кн. 2, 126)*. Но его неудержимо влечет в Россию. Он намеревается приехать в Петербург уже в ноябре и предпринимает все меры к тому, чтобы не было препятствий к этой поездке. Видимо, помня о том, как правительство отнеслось к его последнему пребыванию в России, Тургенев отказывается от участия в юбилее известного польского писателя Ю. Крашевского. «Эта поездка *может помешать* моему намерению провести часть зимы в Петербурге — а для меня это главное», — пишет он Стасюлевичу 10 (22) сентября 1879 года, а через три дня добавляет: «Несмотря на все меры предосторожности — *не будет возможности воздержаться* от политики... Я хочу провести бо́льшую часть зимы в Петербурге — и не хочу повредить себе заранее» *(П XII, кн. 2, 128, 130)*. Собираясь в Россию, Тур-

---

[1] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 55.

генев намеревается уклониться от всяких публичных выступлений и встреч. «Теперь не то время...» *(П XII, кн. 2, 191)* — лаконично писал он Я. П. Полонскому, намекая на возможные осложнения.

Опасения Тургенева были небезосновательны. Новый донос написал Б. Маркевич, воспользовавшийся выходом за границей романа революционера А. Я. Павловского «В одиночном заключении»; роману было предпослано предисловие Тургенева. Писатель отвечал Б. Маркевичу в «Вестнике Европы». «Я бы оставил подлый донос г. Маркевича без внимания, — объяснял Тургенев Стасюлевичу, — если б не *предстояла нужда* публично объясниться *до* моего приезда в Петербург; скажу более, приезд мой отчасти зависит от появления этого письма» *(П XII, кн. 2, 194)*.

28 января 1880 года Тургенев наконец приехал в Петербург. Еще осенью он просил своего петербургского знакомого А. В. Топорова «осведомиться о порядочной квартерке — в две комнаты — в каких-нибудь „chambres garnies" [меблированных комнатах]... где-нибудь в Галерной или Морской». Тургенев не хотел останавливаться ни в одной из гостиниц; самые удобные из них находились в центре города: «На бойком месте — например, на Невском — я поселиться не желаю — ибо намерен проводить время очень тихо и, кроме близких лиц, никого не видеть» *(П XII, кн. 2, 122)*. Однако Топоров, видимо, не подыскал квартиры для Тургенева, и, приехав в Петербург, писатель остановился в маленькой гостинице «Hôtel de la Paix» на Большой Морской улице (ныне улица Герцена), дом 3. Здесь Тургеневу не понравилось, и через два-три дня он переехал в меблированные комнаты Кернера на Невском проспекте, дом 11, на углу Малой Морской улицы (ныне улица Гоголя). Тургенев занимал

квартиру № 20, состоявшую из небольшой передней, залы и просторной спальни.

Русская столица в то время жила напряженной жизнью: продолжались террористические акты народников, а в связи с этим становился всё более невыносимым правительственный террор. В такой обстановке Тургенев и не думал о каких-либо публичных выступлениях. Писатель старался не разглашать своего адреса во избежание многочисленных визитов малознакомых или вовсе незнакомых людей. К тому же он сразу по приезде в Петербург заболел и первые две недели вынужден был вести жизнь уединенную. Лишь изредка его навещали друзья (Савина, Стасюлевич, Пыпин, Топоров, Полонский и некоторые другие). «Ограничусь теперь только известием, что меня оставляют в совершеннейшем, идиллическом покое, — писал Тургенев Анненкову 12 февраля 1880 года, — старые приятели ко мне захаживают, новых лиц не вижу — и вместе с целым миром поражаюсь совершающимся событиям» *(П XII, кн. 2, 213)*.

После выздоровления Тургенев, как обычно, «точно в круговорот попал» *(П XII, кн. 2, 217)*. Театры, дружеские вечера, деловые встречи, как и прежде, в былые приезды в Петербург, заполняют его время.

15 февраля он побывал в Александринском театре, где Савина играла новую роль в пьесе А. И. Пальма «Очертя голову», 18 февраля писатель видел актрису в «Дикарке» А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева. 22 февраля Тургенев был в Мариинском театре на опере А. Г. Рубинштейна «Купец Калашников», запрещенной вскоре цензурой, а 29 февраля — в том же театре на утреннем спектакле, в котором шла «Майорша» И. В. Шпажинского, с Савиной в главной роли. Тургенев посещает светские салоны, часто бывает на вечерах у Полонского, где всё так же собирается дружеский кружок, и у Майковых.

19 февраля Тургенев присутствовал на ежегодном обеде в честь годовщины крестьянской реформы. Главной темой речей, как и всегда, было экономическое и юридическое положение русского крестьянства, и писатель «говорил о развитии кулачества, вредном его влиянии и нарушении прежнего среднего уровня благосостояния крестьян обогащением одних и обнищанием других» [1].

Тургенев прилагал все усилия для того, чтобы не дать повода к демонстрациям сочувствия, столь напугавшим правительство в 1879 году.

Писатель имел основания думать, что, с точки зрения правительства, его пребывание в Петербурге в 1880 году явно нежелательно. «Мне разрешили читать публично, убедясь в моей голубиной невинности...» *(П XII, кн. 2, 223)*, — писал Тургенев П. В. Анненкову по поводу своего выступления на очередном чтении Литературного фонда. Чтение состоялось 30 марта в зале Благородного собрания и привлекло многочисленных слушателей. Тургенев читал рассказ «Малиновая вода» и, как было сказано в отчете Литературного фонда, «снискал обычные овации» [2]. После 1879 года энтузиазм, с которым встречали Тургенева в Петербурге, уже никого не удивлял, и теперь он был ничуть не меньшим, чем год назад. «...Я встречаю прежний прием, — писал Тургенев Анненкову, — конечно, без венков и адресов, о чем я, разумеется, не печалюсь» *(П XII, кн. 2, 223)*.

Молодежь по-прежнему искала встреч с Тургеневым. Студенты Петербургского университета пригласили писателя участвовать в благотворительном литературном вечере, и он охотно согласился. Лишь из-за болезни Тургене-

---

[1] «19-е февраля в 1861—1884 гг.» — «Русская старина», 1884, № 3, стр. 711.

[2] «XXV лет». Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884, стр. 168.

ва этот вечер прошел без его участия. Зато весьма поучительными были его встречи с русской радикальной молодежью, объединившейся вокруг журнала «Русское богатство».

Незадолго до приезда Тургенева в Петербург «Русское богатство», второстепенный журнальчик, не пользовавшийся у читателей успехом, перешел в собственность группы писателей и публицистов-народников и был преобразован ими в «артельный журнал». Первое время не хватало средств, число подписчиков было весьма невелико. И потому, во время приезда Тургенева в Петербург в 1880 году, возникла мысль просить знаменитого писателя дать для «Русского богатства» какое-либо произведение. Тургенев был знаком с некоторыми из организаторов «артельного журнала», сотрудничавшими в «Слове» и «Отечественных записках». Он выражал желание познакомиться с ними поближе и признавался, что «искренно сочувствовал этому, у нас еще новому и хорошему, предприятию» *(П XIII, кн. 1, 38)*.

Встреча с сотрудниками «Русского богатства» состоялась на квартире Г. И. Успенского, с которым писатель познакомился и неоднократно встречался за границей. Г. Успенский жил на Царскосельском проспекте, дом 105/4 (ныне Московский проспект, дом 125). Это свидание должно было, по словам Н. С. Русанова, «поставить Тургенева в соприкосновение именно с крайней и наиболее молодой группой тогдашних литераторов»[1]. Среди участников встречи были публицисты-народники С. Н. Кривенко и Н. С. Русанов, писатели Н. И. Наумов, Н. Н. Златовратский и другие.

Неловкость первых минут встречи вскоре исчезла. «Речь [Тургенева] лилась почти безостановочно, а мы слушали,

[1] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 267.

попивая чай, — вспоминал впоследствии С. Н. Кривенко. — Впрочем, не все молчали: кто предлагал вопрос, кто вставлял замечание, а один вступил даже в продолжительный разговор. Это были две полные противоположности: один старик, другой — юноша, совсем почти мальчик; тот седой и высокий, этот черный, как жук, и маленький; тот художник, этот экономист, т. е. сама проза и цифра. Тургенев с большим вниманием вслушивался в то, что он говорил, и, по-видимому, слушал его с удовольствием»[1]. Этим юношей был Н. С. Русанов. Содержание его спора с Тургеневым весьма интересно. Оно подробно передано самим Русановым в воспоминаниях о писателе.

Русанов вспоминал: «Волнуясь, начав с фраз, где подлежащее играло в невозможную чехарду со сказуемым, и постепенно смелея и легче и легче формулируя свою мысль, я приблизительно говорил следующее: „Вы, Иван Сергеевич, давно живете во Франции и хорошо знаете и ее настоящее и прошлое; вы, конечно, знаете и Россию; каково же ваше мнение о теперешнем положении вещей у нас и не думаете ли вы, что у нас на носу революция? Разве нет большого сходства у теперешней России и дореволюционной Франции? Там был вечный дефицит в бюджете — он есть и у нас; там были голодные бунты — они и у нас; там разорялись помещики, уступая место интендантам, откупщикам и прочим капиталистам — и у нас Чумазый разоряет „дворянские гнезда“ (Тургенев при этом улыбнулся); там абсолютный король послал за море войска, чтобы поддержать свободную Американскую республику, и в то же время бросал либеральных писателей в Бастилию, — и у нас самодержавие лезет за Балканы, чтобы насаждать конституцию в Болгарии, а у себя вешает социалистов и т. д.».

---

[1] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 225.

Выложил я это в несколько минут и как попало. И Тургенев не развел руками, не сказал: „Не понимаю", но очень заинтересовался, если не убедительностью, то убежденностью оратора. Мягко и уклончиво начал он возражать мне на это, что он не пророк в своем отечестве и не может претендовать на предсказания — „будущее на лоне у богов", — говорит Гомер, но что, по его мнению, Россия далеко не так близка к революции, как Франция прошлого века. „Обратите внимание, — говорил Тургенев, — на одно обстоятельство: в то время во Франции было могущественное оппозиционное течение, и все мыслящие люди, несмотря на различие мнений, впрочем, соглашались в одном: старый строй должен быть заменен новым. То ли же самое в теперешней пореформенной России? Есть реакционеры, есть либералы, есть революционеры... крайние прогрессисты, — поправился он, окинул нашу комнату добродушным взглядом, как бы не желая обидеть нас, — что́ между ними общего, что́ они все согласны уничтожить и что́ сохранить? А пока нет общего могучего течения, в котором сливались бы отдельные оппозиционные ручьи, о революции, мне кажется, рановато говорить... — И сейчас же прибавил: — Впрочем, мне кажется, что в последние два года в России настроение бодреет как будто, увеличивается интерес к общественным делам... Поживем — увидим", — добродушно улыбнулся патриарх-джентельмен.

Я начал быстро оспаривать его пессимизм, указывать, что за настоящую силу в России только и можно считать, что „крайних прогрессистов", а у них у всех приблизительно взгляды не только общие, но одни и те же. Стал горячиться, разносить, по обыкновению, либералов за отсутствие у них энергии, трусость...» [1].

---

[1] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 275—276.

Постепенно разговор перешел на другие темы. Тургенев говорил о «Записках охотника», передал содержание двух ненаписанных рассказов этого цикла; речь шла и о положении русского народа, и о политике, и о жизни молодого поколения, о журналистике, о романе «Новь» и т. д.

Другая встреча с «литературной артелью» произошла через несколько дней в доме богатого мецената и издателя журнала «Слово» К. М. Сибирякова. Но она уже не имела того откровенного и острого характера, как встреча в доме Г. Успенского. На вечере у Сибирякова было много самых различных людей, пришедших посмотреть на знаменитого писателя, и это должно было придать всей встрече несколько светский характер. Г. Успенский впоследствии записал: «Комнаты были переполнены молчаливыми слушателями, Тургенев говорил один, один, один — еле-еле кто скажет слово... Вечер же кончился так: Тургенев встал, посмотрел на часы, был сконфужен и вышел, думая, что его пойдут провожать, но никто не тронулся, а когда я спустился, то он сердито посмотрел на меня и надел шубу. На следующий день я был у него, извинялся, и он сказал: „Да, хорош ваш Сибиряков"»[1].

17 апреля 1880 года Тургенев уехал из Петербурга. В июне в Москве состоялось торжественное открытие памятника Пушкину, ставшее значительным событием в русской жизни той поры. Тургенев был одним из самых активных участников и организаторов этого торжества. 18 июня он вернулся в Петербург, заболел и через шесть дней выехал во Францию и не был в России целый год.

В политической жизни России в то время наступили важные перемены. Испуганное ростом революционного

---

[1] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. XII. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 509.

движения, правительство приняло чрезвычайные меры. Для борьбы с революционным движением была учреждена Верховная распорядительная комиссия во главе с графом М. Т. Лорис-Меликовым, человеком популярным и в военных сферах, и в либеральных кругах. Ему были даны диктаторские полномочия, и он немедленно развернул жестокую борьбу с революционной молодежью, стремясь одновременно привлечь на свою сторону либералов и таким образом изолировать революционеров от общества. Либеральная газета «Голос» назвала политику Лорис-Меликова, ставшего вскоре министром внутренних дел, «диктатурой сердца». Привлечение «здравомыслящей части общества» было хитрым и ловким маневром, который развязал правительству руки для борьбы с революционными организациями. Но и политика «диктатуры сердца» не могла устранить возможности революционного взрыва.

Об этом свидетельствовали получившие огромный размах бунты в крестьянской среде, стачечное движение фабричного пролетариата, студенческие волнения. Государственный переворот был вполне вероятен: 1879—1881 годы недаром считаются временем второй революционной ситуации. Она завершилась убийством Александра II 1 марта 1881 года. Народнические революционеры добились самой большой победы, но она стала и самым большим их поражением.

Силы «Народной воли» были подточены. Полицейские преследования, ссылки, казни обескровили революционные организации. Правительство вскоре оправилось от испуга, вызванного убийством царя. Остатки революционных народнических организаций подверглись разгрому. Скромные либеральные просьбы и ходатайства безапелляционно отклонялись. В. И. Ленин писал об этом периоде: «Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прибоя была отбита, и либеральное движение

вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось *реакцией...*»[1].

Характерно, что в годы реакции связи Тургенева с русской демократической молодежью не только не ослабевают, но становятся всё более тесными. Его посещают в Париже известные теоретики и практики русского народничества (Лавров, Лопатин, Кравчинский и другие) и многочисленные участники политических кружков в России, эмигрировавшие во время массовых репрессий второй половины 70-х годов. В 1880 году, воспользовавшись назначением Лорис-Меликова министром внутренних дел, Тургенев обращается к нему с ходатайствами о возвращении в Россию этих добровольных изгнанников, надеясь, что наконец окажется возможным восстановление элементарных демократических свобод. Тургенев всё еще верил в реальность объединения политических усилий русской интеллигенции и по-прежнему «высказывал свою решимость вернуться в Россию и там поселиться, разорвав с долголетними привычками обстановки»[2].

Но этому не суждено было сбыться. Убийство царя народовольцами окончательно развеяло надежды Тургенева на возможность «мирного» развития страны. Это «страшное известие из Петербурга» снова поставило писателя перед неразрешимым вопросом о дальнейшем пути России и усилило его отрицательное отношение к террору. «В нынешних журналах уже говорится о смертельных приговорах Лорис-Меликову и даже Победоносцеву...[3] Дуй, значит, в хвост и в голову! А свалится ли при этом Россия в бездну и сломит себе шею — им-то что, нашим „вспы-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 45.

[2] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 53.

[3] К. П. Победоносцев — обер-прокурор Синода, мракобес, одно из самых приближенных лиц будущего императора Александра III.

шечникам"!» *(П XIII, кн. 1, 73)* — писал Тургенев Анненкову 7 (19) марта 1881 года.

Начало царствования Александра III ознаменовалось жесточайшим усилением реакции, новыми цензурными преследованиями. Нависла угроза запрещения даже над таким умеренным органом печати, как газета Стасюлевича «Порядок». Продолжались аресты.

Ровно через два месяца после покушения на Александра II Тургенев приехал в Россию. Он остановился снова в меблированных комнатах Квернера, на третьем этаже, в квартире 2. Первые его впечатления были мрачны. «Здесь дело обстоит скверно... и будущее представляется мрачным» *(П XIII, кн. 1, 87)*, — писал Тургенев немецкому критику Ю. Шмидту 13 (25) мая 1881 года.

Будущее представлялось Тургеневу тем более «мрачным», что он, вероятно, знал о весьма любопытной переписке между Я. П. Полонским и К. П. Победоносцевым, вдохновителем реакционной политики Александра III. Уже на другой день после приезда Тургенева в Петербург Победоносцев писал Полонскому: «Вижу по газетам, что Тургенев здесь. Некстати он появился. Вы дружны с ним: чтó бы вот по дружбе посоветовать ему не оставаться долго ни здесь, ни в Москве, а ехать скорее в деревню. Здесь он попадет в компанию „Порядка", ему закружат голову — и бог знает, до чего он доведет себя. Я применил бы к нему теперь, от лица всех простых и честных людей, слова цыган к Алеко: „Оставь нас, гордый человек"» [1].

В пространном ответе Полонский писал о «страшном» и «тяжелом» времени, которое переживает Россия, состоянии русской прессы, и в частности о тяжелом положении, в которое поставлены русские газеты и журналы.

---

[1] «Сборник Пушкинского дома на 1923 год». Пг., ГИЗ, 1922, стр. 286—287.

«Вы опасаетесь, что кружок „Порядка“ может вскружить ему голову, — писал Полонский, — но что значит „Порядок“ перед массою тех французских газет и журналов, которые он [Тургенев] читал и читает!» Победоносцев отменил свое «поручение», но он явно рассчитывал, что Полонский так или иначе передаст Тургеневу пожелания правительства [1].

И всё-таки Тургенев оставался в Петербурге около месяца. Причиною тому было не желание ослушаться почти официального распоряжения, а новое обострение болезни. Писателя навещали тогда Г. И. Успенский и С. Н. Кривенко. «...Говорили, помнится, больше о текущих делах и событиях и множестве всевозможных слухов, которые в то время ходили в Петербурге, — вспоминал Кривенко. — Время тогда было очень смутное, никто не знал, что будет и чему верить, невероятное осуществлялось, ни с чем несообразное казалось возможным, а потому самые разнообразные слухи циркулировали в великом изобилии» [2].

24 мая 1881 года Тургенев уехал в Спасское. Там его навестили семья Полонских и Савина. 26 августа он возвратился в столицу, остановившись в Европейской гостинице. Через день Тургенев уехал в Париж. Это было последнее посещение Тургеневым России и Петербурга.

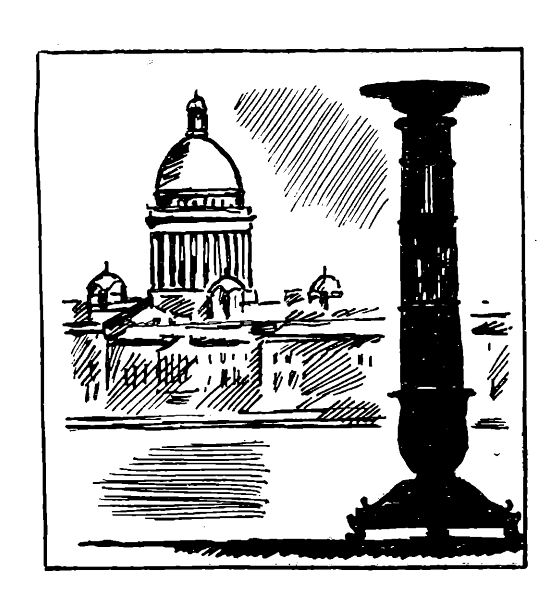
---

[1] «Сборник Пушкинского дома на 1923 год». Пг., ГИЗ, 1922, стр. 287—290.

[2] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 234.

Похороны Тургенева

Тургенев умер 22 августа 1883 года в Буживале, близ Парижа, — умер от рака спинного мозга, в страшных мучениях, продолжавшихся около года. Во время кратких облегчений он мечтал еще раз приехать в Россию, но этому не суждено было сбыться.

В России с тревогой следили за состоянием здоровья Тургенева. Русские, навещавшие писателя в 1882 и 1883 годах, привозили всё более неутешительные известия, которые перепечатывались в газетах. Конца ждали, и тем не менее он был неожиданным. «Смерть Тургенева произвела потрясающее впечатление на русское общество...

Смерть Тургенева — горе общее, всенародное», — писала газета «Новости»[1]. «За скорбной вестью, прилетевшею из-за границы, стушевывается и бледнеет остальное» — так объясняла «Петербургская газета» отсутствие обычных сообщений, помещавшихся в разделе «Ежедневная беседа»[2]. Многие газеты вышли в траурной рамке. На несколько месяцев статьи о Тургеневе, воспоминания о нем, некрологи, сообщения о похоронах вытеснили на страницах русской прессы другие злободневные известия.

Тургенев завещал похоронить себя в Петербурге, на Волковом кладбище, там, где покоилось тело Белинского. На организацию похорон потребовался целый месяц. Власти боялись, что в день похорон Тургенева могут возникнуть беспорядки в столице. Недаром Александр III, узнав о смерти Тургенева, сказал: «Одним нигилистом меньше!»[3]. Принимались срочные полицейские меры.

Обстановка накалилась после того, как 22 августа 1883 года в парижской газете «Justice» было напечатано письмо П. Лаврова, в котором сообщалось, что Тургенев оказывал материальную помощь нелегальному русскому журналу «Вперед!». Две недели спустя, 10 сентября, «Московские ведомости» Каткова, единственная, пожалуй, русская газета, демонстративно не поместившая некролога Тургеневу, перепечатала письмо Лаврова, вызвав тем самым целый поток статей, заметок и опровержений.

С опровержением выступили и друзья Тургенева М. М. Стасюлевич и Я. П. Полонский. Либеральная часть русского общества склонна была даже подвергнуть сомнению достоверность утверждения Лаврова, или же, веря сообщенному им факту, высказывала мнение, что Турге-

---

[1] «Новости», 1883, 26 августа.

[2] «Петербургская газета», 1883, 24 августа.

[3] Это свидетельство содержится в дневнике юриста и историка литературы В. П. Гаевского («Красный архив», 1940, № 3, стр. 231).

нев оказывал помощь лично редактору «Вперед!». Испуг либералов был тем сильнее, что Катков настойчиво повторял свои давние утверждения о сочувствии Тургенева не только деятелям революционных партий в России, но и их целям.

«Над незарытой еще могилой поэта, у его свежего трупа происходит настоящая свалка» — так начиналась известная прокламация П. Ф. Якубовича, ярче многих статей определившая истинное значение творчества умершего писателя. В этой прокламации говорилось и о трусливости русских либералов, которые, ополчившись на Лаврова, «клянутся всеми существующими клятвами в чистоте своих помыслов и намерений». Якубович писал: «Гг. Стасюлевичами, Я. Полонскими и комп., якобы друзьями покойного, опубликованы как письменные, так и устные мнения И. С. Тургенева о русской революции, в которую он будто бы не верил и которой не служил. Но мы и не утверждаем, что он верил. Нет, он сомневался в ее близости и осуществимости путем геройских схваток с правительством; быть может, он даже не желал ее и был искренним постепеновцем, — это для нас безразлично. Для нас важно, что он служил русской революции сердечным смыслом своих произведений, что он любил революционную молодежь, признавал ее „святой" и самоотверженной... Катков с нами согласен. Согласно и правительство, разославшее 17-го сентября всем петербургским редакциям циркуляры следующего содержания: „Не сообщать решительно ничего о полицейских распоряжениях, предпринимаемых по случаю погребения И. С. Тургенева, ограничиваясь сообщением лишь тех сведений по этому предмету, которые будут опубликованы в официальных изданиях"» [1].

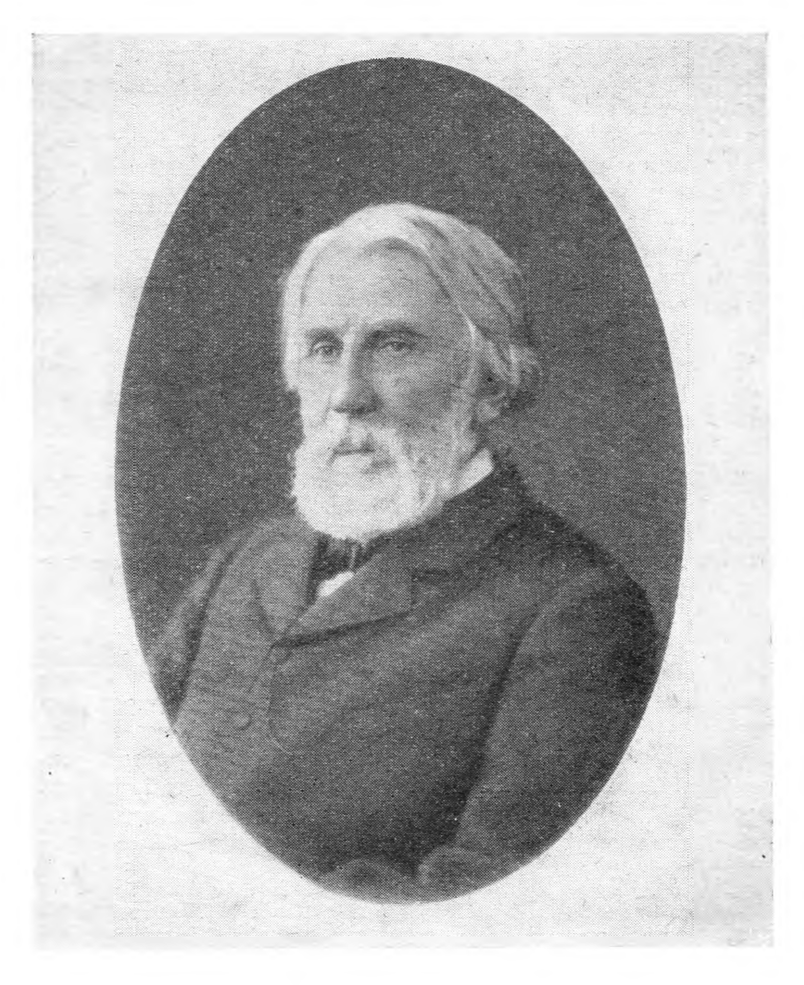
[1] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 3, 7—8.

Якубович недаром говорил о полицейских мерах: подготовка к похоронам Тургенева в Петербурге проходила под неусыпным надзором полиции. «Мертвый Тургенев продолжает пугать министров и полицию, — записал В. П. Гаевский в своем дневнике. — Сегодня объявлено в комиссии распоряжение министра внутренних дел, чтоб не было никаких речей, а министр юстиции переполошился от намерения присяжных поверенных участвовать в процессии» [1]. Подобных фактов было очень много в сентябрьские дни 1883 года. Власти опасались политической демонстрации в день похорон.

Как только стало известно о смерти Тургенева, 24 августа состоялось экстренное заседание петербургской городской думы, на котором городской голова, издатель сочинений Тургенева, И. И. Глазунов произнес речь, закончившуюся словами: «Тургенев — наш петербуржец, по преимуществу: он в Петербурге воспитывался, в Петербурге вышли из-под его пера лучшие его произведения, в Петербурге его гениальные труды появились в печати и, наконец, в Петербурге он пожелал быть похороненным. Поэтому петербургской думе и должна принадлежать честь идти впереди России в чествовании памяти великого писателя» [2]. После этих слов историк и издатель «Русской старины» М. И. Семевский предложил принять участие в похоронах Тургенева депутацией от думы во главе с городским головой, учредить в Петербургском университете стипендии имени Тургенева и основать в столице городское училище, которое бы носило имя Тургенева. Вскоре дума постановила взять на себя расходы по организации похорон. Однако все эти намерения вызвали резкое недовольство правительства и лично Александра III.

---

[1] «Красный архив», 1940, № 3, стр. 231.
[2] «Литературное наследство», т. 76, стр. 646—647.

И. С. Тургенев.
Фотография К. А. Шапиро. 1879 год.

Постановление думы о выделении средств было опротестовано градоначальником П. А. Грессером, потом попало в Сенат, где пролежало около 12 лет, после чего дело было прекращено.

Но правительство было обеспокоено не только решениями петербургской думы, которая, по его понятиям, намеревалась устроить похороны, по торжественности своей подобающие разве что коронованным особам. Еще больше оно было обеспокоено тем, что самые разнообразные слои населения России принимали решения об участии в похоронах, собирали средства на венки и на памятник писателю, который предлагалось установить в самом центре Петербурга, в Александровском саду. Высказывались мнения о необходимости учреждения различных стипендий имени писателя, о переименовании улиц и площадей и т. д. Возникла даже вероятность приостановки работы на некоторых заводах и фабриках в Петербурге. Не исключено было, что рабочие примут участие в похоронах. Этого полиция боялась особенно. Народовольцы организовывали чтения произведений писателя среди рабочих, разъясняя «значение Тургенева для народа и освободительного движения»[1]. 26 августа на Невском проспекте в витрине фотографии К. А. Шапиро, тесно связанного с народническими организациями, появился траурный портрет Тургенева. Через день, по распоряжению полиции, портрет был снят. Факт этот получил широкую огласку. Английская газета «Times», комментируя его, писала в корреспонденции из Петербурга: «Здесь много говорят о том, что на похоронах Тургенева возможны демонстрации политического характера»[2].

---

[1] И. И. Попов. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет, ч. 1. Детство и годы борьбы. Л., «Колос», 1924, стр. 109—110.

[2] «Литературное наследство», т. 76, стр. 655.

В достоверности этого сообщения не приходилось сомневаться. Полиции были известны многочисленные факты, свидетельствовавшие о революционном возбуждении молодежи. Вскоре после похорон выяснилось, что у того же Шапиро состоялась сходка студентов Петербургского университета, на которой решался вопрос о возможной демонстрации 27 сентября.

3 и 10 сентября состоялись панихиды по Тургеневу в Казанском соборе, на которых присутствовали многие русские и иностранные ученые и литераторы, «но из лиц высшей администрации — никого». Это было тоже не случайно. 11 сентября стало известно о запрещении студентам университета и чинам гвардейского корпуса принимать участие в подписке на венок и даже — в похоронной процессии. 17 сентября, под давлением общественного мнения, запрещение студентам было отменено. Но 22 сентября юрист В. Д. Спасович, один из распорядителей комиссии, созданной Литературным фондом для организации похорон, с тревогой сообщил о том, что «по требованию министра юстиции из числа депутации [от юристов] исключены мировые судьи и присяжные поверенные»[1].

Полиция тщательно разработала план всей церемонии погребения Тургенева; предусмотрены были мельчайшие подробности. Был определен маршрут траурного шествия: Варшавский мост, Измайловский проспект, 4-я Рота (ныне 4-я Красноармейская улица), Забалканский проспект (ныне Московский), Клинский проспект, Рузовская улица, Загородный проспект, Звенигородская улица, Обводный канал, Лиговка, Расстанная улица, Волково кладбище.

Особая забота была проявлена о том, чтобы не допустить антиправительственных речей. В плане церемонии

[1] «Красный архив», 1940, № 3, стр. 230, 232.

предусматривалось: «Предполагаемые к произнесению речи должны быть заявлены предварительно г. градоначальнику, и затем комитет обязан не допускать произношения каких-либо других речей, кроме заявленных». Газетам и журналам запрещено было оглашать эти распоряжения. Несмотря на всё желание придать плану вид меры, необходимой для поддержания порядка, в документе чувствовалась боязнь волнений и манифестаций.

Кроме этого документа было также выработано специальное «Распоряжение со стороны полиции», в котором говорилось: «Особый наряд на вокзал от полиции и жандармов. Часть этого наряда сопровождает шествие, и, кроме того, по пути следования усиленный наряд полиции. Волково кладбище с утра будет очищено от публики, и затем усиленные наряды полиции займут посты около двух входных ворот и у Новой церкви, близ которой приготовлена могила. Кроме того, в шествии будут находиться 100 человек наблюдательной охраны, а на кладбище 130 человек наблюдательных агентов. На случай потребности в усилении наряда, в помещении Ямской команды будет находиться полицейский резерв». Далее предусматривалось после похорон, в течение двух дней, посылать на кладбище наряд полиции и «наблюдательных агентов» [1].

Все эти распоряжения были выполнены в точности. Но несмотря на это, похороны Тургенева в Петербурге вылились в волнующую демонстрацию.

19 сентября (1 октября) состоялись торжественные проводы тела Тургенева на Северном вокзале в Париже в присутствии многих русских и французских знакомых и почитателей писателя. Среди них были Э. Золя, Э. Ожье, А. Доде и другие. Был П. Лавров с группой русских ре-

---

[1] Цит. по статье: Ю. Никольский. Дело о похоронах И. С. Тургенева. — «Былое», 1917, № 4, стр. 150—151.

волюционных эмигрантов. Пришли и сановные люди, например русский посланник в Париже граф А. Ф. Орлов, который был немало шокирован тем, что оказался в неподходящей для него компании русских «рефюжье». Речи произнесли французский философ Э. Ренан, художник А. П. Боголюбов, французский писатель Э. Абу, русский философ Г. Н. Вырубов.

23 сентября траурный вагон пересек русскую границу и, задержавшись на пограничной станции Вержболово на три дня, во вторник 27 сентября в 10 часов 20 минут прибыл наконец на Варшавский вокзал в Петербурге. На платформе вокзала находились только священники, распорядители и некоторые из наиболее близких Тургеневу людей. Но зато возле вокзала начала похоронной процессии ожидала многотысячная толпа. Здесь были известные литераторы, артисты, студенты, учителя, рабочие, мастеровые, гимназисты. Некоторые газеты сообщали даже явно преувеличенную цифру — 400 тысяч человек. Не было ни военных, ни представителей официальной администрации. Лишь градоначальник Грессер лично наблюдал за церемонией, появляясь в самых опасных местах.

Процессия тронулась в 11 часов, в строгом порядке, по плану, составленному распорядителями. Впереди несли венок от бывших крестьян Тургенева, далее шли 176 депутаций, заранее заявивших о своем желании участвовать в процессии. Шествие растянулось на две версты и проходило сквозь многотысячную толпу, занявшую тротуары и мостовые на всем пути похоронной процессии от Варшавского вокзала до Расстанной улицы; многие наблюдали из окон домов. «Везде, на всем протяжении пройденного нами пространства, толпа облегала улицы сплошными шпалерами, — писал один из очевидцев. — Крыши, заборы, деревья, балконы, подъезды, фонарные столбы, рогатки, которыми были загорожены боковые улицы, —

всё это было унизано народом. ...Толпа вела себя безукоризненно. В ее минорном, печальном настроении, в ее несколько экзальтированном, но вместе с тем и благоговейном отношении чуялось нечто величественное...»[1].

Другой участник похорон, корреспондент нелегальной газеты «Общее дело», издававшейся в Женеве, так передал свои впечатления: «Вот Расстанная улица, ведущая к Волкову кладбищу. Одна сторона ее заставлена спешившимися казаками: они стоят лицом к процессии, „вольно", чтобы не дать повода думать, что призваны для отдачи почести телу. За рядами людей вдоль домов стоят ряды лошадей головами к домам. Вход на Волково кладбище узок; с одной стороны могилы, с другой — домики сторожей. Между домиками, как в засаде, виднеются полицейские. Они отличаются той напряженной вежливостью, в которой так и слышится: „Чуть что р-р-азнесу!" Они раздражены от утомления и беспокойства. Люди, напором массы неожиданно втиснутые в их толпу, слышат, как они сердито ворчат: „Всё социалисты эти... только пикни... увидят, что будет... казаки в нагайки... стреляй!" Теснота всюду ужасная. Прилегающие к кладбищу улицы запружены более чем стотысячной толпой, и среди этой давки — казаки, стоящие начеку, и полиция, нервно ждущая чего-то». Тот же корреспондент сообщал такие подробности: «Были аресты. Два моряка: Прибытков (флотский офицер), издатель сатирического листка Ребуа и морской артиллерист Надсон оказались на похоронах. Вина их была небольшая: они не знали о существовании запретительного приказа, потому что он был послан в Кронштадт в то время, как они находились в Петербурге, но имена их были все записаны плац-майором, как ослушников»[2].

---

[1] «Литературное наследство», т. 76, стр. 683—684.

[2] «Общее дело», [Женева], 1883, № 56, стр. 14—15,

Похороны Тургенева. Процессия на Измайловском проспекте.
Рисунок С. Л. Шамоты. 1883 год.

В начале третьего часа процессия достигла Волкова кладбища. В три часа дня началась гражданская панихида. Речи произносили: ректор Петербургского университета А. Н. Бекетов, либеральный профессор Московского университета С. А. Муромцев, Д. В. Григорович и А. Н. Плещеев, прочитавший свое стихотворение, посвященное памяти Тургенева, в котором были такие строки об авторе «Записок охотника»:

Когда, исполненный смиренья,
Народ наш в рабстве изнывал,
Великий день освобожденья
К нему ты страстно призывал.

Было в этом стихотворении упомянуто и имя Белинского, рядом с которым Тургенев хотел быть похороненным, о чем он не раз говорил в предчувствии смерти. «Таких похорон еще не бывало в России, да и едва ли будет, — записал В. П. Гаевский. — Замечательно отсутствие всякой официальности: ни одного военного мундира, ни одного не только министра, но сколько-нибудь высокопоставленного лица. Администрация, видимо, была напугана. На кладбище послано было, независимо от полиции, 500 казаков, а на дворах домов и в казармах по пути шествия находились войска в походной форме. Думал ли бедный Тургенев, самый миролюбивый из людей, что он будет так страшен по смерти!» [1].

Газеты вынуждены были ограничиться только сообщениями о внешней стороне неслыханной «посмертной овации» [2] писателю в столице Российской империи. П. Лавров имел все основания сказать: «Мертвый Тургенев, окруженный пением православных попов, которых он ненавидел, и многочисленными делегациями групп, в политическую состоятельность которых он не верил, продолжал бессознательно дело своей жизни, выполнение „аннибаловой клятвы". Как его чисто художественные типы, так и его покрытый бесчисленными венками гроб были ступенями, по которым неудержимо и неотразимо шла к своей цели русская революция» [3].

Неудивительно, что ее деятели приняли непосредственное участие в похоронах писателя. М. М. Ковалевский, например, вспоминал, что «полицмейстер Грессер вырвал из рук каких-то двух дам небольшой венок с надписью

---

[1] «Красный архив», 1940, № 3, стр. 233.

[2] Слова передовой статьи в петербургской французской газете «Journal de St.-Pétersbourg» — См. «Литературное наследство», т. 76, стр. 686.

[3] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 79.

„От заживо погребенных“»[1]. Другой мемуарист свидетельствовал, что «среди множества венков был один с надписью „От умерших — бессмертному!“. И многие толковали эту надпись так: от повешенных и всячески казненных»[2]. Понятно, что такие факты на страницы легальных газет не попали.

Партия «Народная воля» отказалась от мысли о политической демонстрации на похоронах Тургенева и даже — от возложения венка. Но обойти молчанием кончину великого писателя она не сочла возможным. Тогда возникла мысль о выпуске уже упоминавшейся прокламации. Она была написана П. Ф. Якубовичем и распространялась во время похорон. От имени революционной России Якубович говорил о значении творчества Тургенева для русской молодежи: «Образы Рудина, Инсарова, Елены, Базарова, Нежданова и Маркелова, — писал он, — не только живые и выхваченные из жизни образы, но, как ни странным покажется это с первого взгляда, — это типы, которым подражала молодежь и которые сами создавали жизнь»[3].

В сентябрьском номере «Отечественных записок» Тургеневу посвящена была большая статья Н. К. Михайловского, которая заканчивалась поэтической картиной прощания героев Тургенева с их почившим создателем: «...Они пришли поклониться его праху. Вот группа полюбивших девушек с рыданиями целует мертвые руки, изобразившие их такими возвышенными чертами. К ним пристроилась и Машурина. Она не целует рук, но она пришла сюда: покойник признал за ней честность и готовность

---

[1] М. М. Ковалевский. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века. — «Вестник Европы», 1910, № 5, стр. 207.

[2] «Общее дело», [Женева], 1883, № 56, стр. 15.

[3] «И. С. Тургенев в воспоминаниях», стр. 7.

Могила Тургенева. Бюст писателя работы Ж. А. Полонской.
Современная фотография.

жертвовать собой, а что до поэтического ореола, а тем более красоты, так ведь она меньше всего об этом думает. Гамлетик — Нежданов, безвольный Санин и другие с стыдливой грустью смотрят на труп того, кто призвал на их несчастные головы столько участия и жалости. Шубин, косясь на сурового и тусклого Инсарова, с нервно подергивающимися от приступа слез губами, дрожащими руками готовит материал для маски, которую он сейчас будет снимать с покойника. В стороне стоит Базаров, с презрительно-жесткой миной поглядывающий на всех. Для него безразлично, какого об нем мнения был покойник, любил он его или нет; он сделал свое дело, стараясь до последней возможности поддержать жизнь в этом теле. И сановные люди „Дыма" и „Нови" пришли: им пояснили, что нельзя не прийти, что того требует приличие, что хоронят общепризнанную русскую и даже европейскую славу. Их шокирует, что тут же вертится какой-то Паклин, что какой-то Остродумов наследил на полу тяжелыми, грязными сапогами, что какой-то Веретьев с очевидными признаками перепоя протискался к самому гробу, но нельзя... И Рудин говорит немножко туманную, но пламенную речь, от музыки которой в юных сердцах Натальи и Басистова загорается огонь любви к правде и свету» [1].

В том же номере «Отечественных записок» помещен был написанный М. Е. Салтыковым-Щедриным некролог, где дана была оценка деятельности и личности Тургенева. «...Главными, основными чертами его характера были: благосклонность и мягкосердечие, — писал автор некролога. — ...Воспроизведенные им жизненные образы были полны глубоких поучений. ...Литературная деятельность

---

[1] Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1957, стр. 287.

Тургенева имела для нашего общества руководящее значение, наравне с деятельностью Некрасова, Белинского и Добролюбова».

В устах руководителя революционно-демократического журнала приведенные строки были высшей мерой признания литературных заслуг Тургенева. Они звучали как речь на могиле, как слова прощания, которыми демократический Петербург проводил в последний путь писателя, в течение долгих лет поддерживавшего в обществе «глубокую веру в торжество света, добра и нравственной красоты» [1].

---

[1] М. Е. Салтыков (Н. Щедрин). Полн. собр. соч., т. XV, М., ГИХЛ, 1940, стр. 611—612.

Тургенев в Петербурге
Хронологический указатель

Адреса Тургенева в Петербурге

Литература

Тургенев в Петербурге

Хронологический указатель

1822, 10 — 14 мая — около 26 мая.
1834, середина июня — *1837*, июль.
1837, октябрь — *1838*, 15 мая.
1839, конец ноября — *1840*, 14—16 января.
1841, 20-е числа мая.
1842, 30 марта — 7 мая; середина июля; декабрь — *1843*, первая половина апреля.
1843, май — *1844*, середина февраля.
1844, после 5 мая — *1845*, первая половина февраля.
1845, первая половина мая; середина ноября; декабрь — *1846*, начало мая.
1846, 17—18 октября — *1847*, первая половина января.
1850, 20-е числа июня — начало июля; начало октября — 16 ноября.
1851, около 10 февраля — начало апреля; 7 ноября — *1852*, 18 мая.
1853, 9 декабря — *1854*, 10 апреля.
1854, 20-е числа мая — 18 сентября; около 26 ноября — *1855*, 1—8 января.
1855, 7 февраля — 6 апреля; 14 октября — *1856*, 3 мая.
1856, 15 июля — около 22 июля.
1858, 4—10 июня; около 10 ноября — *1859*, 20 марта.
1859, 24 апреля — 29 апреля; середина сентября; 25 ноября — *1860*, 14 января.
1860, 9 февраля — 24 апреля.
1861, 30 апреля — 5 мая; 3 сентября — около 13 сентября.
1862, 26 мая — 2 июня; 4 августа.
1864, 4 января — 21 февраля.
1865, 23—24 мая — 27 мая; около 30 июня.

1867, 25 февраля — 7 марта; 1 апреля — 4 апреля.
1868, 6 июня — 9 июня; 8 июля — 9 июля.
1870, 21 мая — 29 мая; 29 июня — 30 июня.
1871, 13 февраля — 7 марта; 22 марта.
1872, 12 мая — 19 мая; около 23 июня.
1874, 7 мая — 27 мая; 3 июля — 20 июля.
1876, 24 мая — 1 июня; 19 июля — 21 июля.
1877, 22 мая — 24 июня.
1878, 27 июля — 2 августа; 4 сентября — 6 сентября.
1879, 8 февраля — 13 февраля; 8 марта — 21 марта.
1880, 28 января — 17 апреля; 18 июня — 24 июня.
1881, 1 мая — 24 мая; 26 августа — 28 августа.

Адреса Тургенева в Петербурге

Время пребывания	Исторический адрес	Современный адрес	Состояние дома
Лето 1834 — май 1838	Угол 1-го Спасского переулка и Шестилавочной улицы, дом 6	Улица Маяковского, участок дома 52	Не сохранился
Ноябрь 1839 — январь 1840	Гагаринская улица, дом 11 (дом Ефремовой)	Улица Фурманова, дом 12	Сохранился с некоторыми перестройками
Конец марта 1842 — декабрь 1842	Угол Графского переулка и Шестилавочной улицы, дом Касовской	Угол Саперного переулка и улицы Маяковского, дом 2/33	Сохранился с некоторыми перестройками
Декабрь 1842 — май 1846	Стремянная улица, дом Гусева	Стремянная улица, участок дома 21	Не сохранился
Октябрь 1846 — январь 1847	Большая Подьяческая улица, дом Зиновьева	Большая Подьяческая улица, дом 12	Сохранился с некоторыми перестройками

Время пребывания	Исторический адрес	Современный адрес	Состояние дома
Октябрь 1850 — апрель 1851	Угол Невского проспекта и Фонтанки, дом Лопатина	Угол Невского проспекта и набережной Фонтанки, дом 68/40	Перестроен
Декабрь 1851 — май 1852	Угол Малой Морской и Гороховой улиц, дом Гиллерме	Угол улиц Гоголя и Дзержинского, дом 13/8	Перестроен
Декабрь 1853 — ноябрь 1854	Поварской переулок, дом Тулубьева	Поварской переулок, дом 13	Сохранился
Конец ноября 1854 — июль 1856	Фонтанка (близ Аничкова моста), дом Степанова	Набережная Фонтанки, дом 38	Сохранился
1851, ноябрь (?); 1858 — апрель 1860	Большая Конюшенная улица, дом Вебера	Улица Желябова, дом 13	Сохранился
1861, 1871, 1872, 1874, 1876	Набережная Мойки, гостиница Демута	Набережная Мойки, дом 40	Перестроен
1858, 1862, 1870, 1878, 1879, 1881	Михайловская улица, гостиница Клея (Европейская)	Улица Бродского, дом 1/7	Сохранился с некоторыми перестройками
1864	Большая Морская улица, гостиница „Франция“	Улица Герцена, дома 6—8 (?)	Сохранились с с некоторыми перестройками
1865, 1867, 1868	Караванная улица, дом Федорова	Улица Толмачева, дом 14	Надстроен двумя этажами

Продолжение

Время пребывания	Исторический адрес	Современный адрес	Состояние дома
1877	Большая Конюшенная улица, дом Петропавловской церкви, меблированные комнаты г-жи Булье, кв. 15	Невский проспект, дом 22 (угол улицы Желябова)	Надстроен двумя этажами
1880, январь	Большая Морская улица, дом 3, гостиница „Hôtel de la Paix“	Улица Герцена, участок дома 3/5	Не сохранился
1880, 1881	Угол Малой Морской улицы и Невского проспекта, меблированные комнаты Квернера	Невский проспект, дом 11	Перестроен

Литература

Глава I

Айзеншток И. Я. Н. В. Гоголь и Петербургский университет. — «Вестник ЛГУ», 1952, № 3, стр. 17—38.

Алексеев М. П. Письма Тургенева к А. В. Никитенко. — В кн.: «Литературный архив», т. 4. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 172—187.

Алексеев М. П. Е. Шахова — переводчица Мицкевича. — В кн.: «Адам Мицкевич в русской печати. 1825—1955. Библиографические материалы». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 497—500.

Берков П. Н. Из истории русского вертеризма (Беллетристические опыты А. В. Никитенки). — «Известия АН СССР», отд. общественных наук, серия VII, 1932, № 9, стр. 1—8.

Бугаенко П. А. Эстетические взгляды А. В. Никитенко. — «Научный ежегодник Саратовского университета», филологический факультет, отд. III. 1958, стр. 17—20.

Воспоминания Ф. А. Вальтера о Тургеневе см.: «Berliner Tageblatt», 1883, № 421; «Новости», 1883, 1 и 17 сент.

Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н. Гоголь в Петербурге. Лениздат, 1961.

Гревс И. М. Тургенев и Италия (Культурно-исторический этюд). С приложением литературной справки «Тургенев и Петербург». Л., Изд-во Брокгауз — Эфрон, 1925, стр. 105—125.

Ден Т. П. С. Н. Тургенев и его сыновья. — «Русская литература», 1967, № 2, стр. 129—135.

Егунов А. Н. Об эпиграмме Гомера. Студенческая работа Тургенева на латинском языке. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. I, стр. 200—211.

Клеман М. К. Отец Тургенева в письмах к сыновьям. — В кн.: «Тургеневский сборник» под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921, стр. 131—143.
М[алеин] А. И. Латинские кляузурные работы И. С. Тургенева. — «Гимназия», 1893, № 8-9, стр. 319—329.
Малышева И. М. Мать И. С. Тургенева и его творчество (По неизданным письмам В. П. Тургеневой к сыну). — «Русская мысль», 1915, № 6, стр. 99—111, № 12, стр. 110—120.
Малышева И. М. Письма матери (Из неизданной переписки В. П. Тургеневой с сыном). — В кн.: «Тургеневский сборник» под ред. Н. К. Пиксанова. Пг., «Огни», 1915, стр. 24—28.
Назарова Л. Н. Иван Сергеевич Тургенев. — В кн.: «Литературные памятные места Ленинграда». Лениздат, 1968, стр. 439—459.
Сб. «Пушкинский Петербург», Лениздат, 1949.
Султан-Шах М. П. Письма Тургенева к Г. С. Дестунису. — В кн.: «Литературный архив», т. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 170—171.
Тихонравов Н. С. И. С. Тургенев в Московском университете. 1833—1834. — «Вестник Европы», 1894, № 2, стр. 708—724.
Хмелевская Е. М. Рукопись «Стено». — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. I, стр. 9—14.
Шахова Е. Н. В начале жизни и на пороге вечности. — «Русская старина», 1913, № 1, стр. 162—167.
Яцевич А. Г. Пушкинский Петербург. Л., 1935.

Глава II

Алексеев А. Д., Кийко Е. И. Гончаров или Тургенев. К атрибуции «Современных заметок». — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. III, стр. 47—53.
Берг Н. В. Воспоминания об И. С. Тургеневе. — «Исторический вестник», 1883, № 11, стр. 371—372.
Бродский Н. Л. Белинский и Тургенев. — В кн.: Бродский Н. Л. Избранные труды. М., «Просвещение», 1964, стр. 197—224.
Viardot L. Souvenirs de chasses. Paris, 1846.
«Т. Н. Грановский и его переписка», тт. 1—2. М., 1897.
Гутьяр Н. М. Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907, стр. 55—58.
Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» в 40—50 гг. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934.

Зотов В. Р. Петербург в сороковых годах (Выдержки из автобиографических заметок). — «Исторический вестник», 1880, № 1—6.
Егунов А. Н. Письменные ответы Тургенева на магистерском экзамене. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. II, стр. 87—108.
Лисовский Н. М. Новые материалы для биографии И. С. Тургенева. СПб., 1892.
Модзалевский Б. Л. Полина Виардо в отзывах современницы. — «Бирюч петербургских театров», 1918, № 2, стр. 45—47.
Попов Н. А. Иван Сергеевич Тургенев. Попытка его получить степень магистра философии в 1842 г. — «Русская старина», 1880, № 5, стр. 146—147.
Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге. Лениздат, 1957.
С[емевский] М. И. Александр Васильевич Головнин. — «Русская старина», 1887, № 3, стр. 772—773.
Яхонтов А. Н. Петербургская итальянская опера в 1840-х годах. — «Русская старина», 1884, № 12, стр. 735—748.

Глава III

Благой Д. Д. Тургенев — редактор Фета. — «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 45—64.
Благой Д. Д. Тургенев — редактор Тютчева. — В кн.: «Тургенев и его время». Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. М.—Пг., ГИЗ, 1923, стр. 142—163.
«В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869». М.—Л., «Academia», 1930.
Бухштаб Б. Я. Некрасов и петербургские филантропы (К истории стихотворения Н. А. Некрасова «Филантроп»). — «Уч. зап. Горьковского университета», серия историко-филологическая, 1964, вып. 72, стр. 297—343.
Грот К. Я. Воспоминания об О. А. Тургеневой и Н. М. Еропкиной. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. I, стр. 299—303.
Дунин А. А. Ссылка И. С. Тургенева в Орловскую губернию. — «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 28—39.
Измайлов Н. В. Тургенев и С. И. Мещерская. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. II, стр. 226—248.
Инсарский В. А. Записки, ч. II. СПб., 1898, стр. 296—297.
Кийко Е. И. Белинский и «Записки охотника». — В кн.: «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Сборник статей и материалов. Орел, 1955, стр. 136—150.

Максимов С. В. Неподражаемый рассказчик (По воспоминаниям И. Ф. Горбунова). — «Русская мысль», 1896, № 12, стр. 56—57.
Назарова Л. Н. Тургенев и О. А. Тургенева. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. I, стр. 293—299.
Панаева А. Я. Воспоминания. М., Гослитиздат, 1948.
Рейсер С. А. Заметки о Некрасове. — В кн.: «Звенья», т. V. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 514—518.
Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. И. Воспоминания, т. 2. М., Гослитиздат, 1967, стр. 61—62.
Юнге Е. Ф. Среды Ф. Толстого. — В кн.: «Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века». М.—Л., «Academia», 1930, стр. 508—520.

Глава IV

Айзеншток И. Я. Тургенев і Шевченко. — «Червоний шлях», 1926, № 2, стр. 139—148.
Брянский А. М. Александр Евстафьевич Мартынов. М.—Л., «Искусство», 1941, стр. 84—90.
Бялый Г. А. Добролюбов о Тургеневе. — «Уч. зап. ЛГУ», 1952, № 158, вып. 17, стр. 164—192.
Вовчок М. [М. А. Маркович]. Статті і дослідження. Київ, 1957, стр. 112—115.
Герцен А. И. Полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, т. IX. Пг., 1919, стр. 545—550.
«И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского дома». Пг., 1923.
Жур П. В. Шевченковский Петербург. Лениздат, 1964.
Майков Л. Н. Ссора между И. А. Гончаровым и И. С. Тургеневым в 1859 и 1860 годах. — «Русская старина», 1900, № 1, стр. 5—23.
Неупокоева И. Г. Неизвестные автографы писем И. С. Тургенева. — «Вопросы литературы», 1961, № 1, стр. 206—210.
Николаев М. П. Тургенев и Чернышевский. В кн.: «Творчество И. С. Тургенева». М., Учпедгиз, 1959, стр. 344—366.
Никольский Ю. А. Тургенев и писатели Украины. — «Русская мысль», 1914, № 7, стр. 99—118.
Переселенков С. А. Из переписки И. С. Тургенева с В. Я. Карташевской. — «Голос минувшего», 1919, № 1-4, стр. 207—220.
Трубецкая О. Н. Князь В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии, т. 1, кн. 2. М., 1901, стр. 148, 150, 155.

Турьян М. А. О прототипе Бабурина. — «Русская литература», 1963, № 1, стр. 178—180.

Глава V

Алексеев М. П. Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. IV, стр. 189—204.

Батюто А. И. Парижская рукопись И. С. Тургенева «Отцы и дети». — «Русская литература», 1961, № 4, стр. 57—78.

Благовещенский Н. А. Воспоминания о Тургеневе в письме к А. К. Шеллеру. — В кн.: «И. С. Тургенев. Материалы и исследования». Сборник под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940, стр. 52—54.

Бялый Г. А. «Дым» в ряду романов Тургенева. — «Вестник ЛГУ», 1947, № 9, стр. 88—102.

Гессен С. Я. Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М., Изд-во Общества политкаторжан, 1932.

«История Императорской Военно-медицинской академии». СПб., 1898.

Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 17—233.

Лесков Н. С. Загадочный человек. — В кн.: Н. С. Лесков. Собр. соч., т. 3. М., Гослитиздат, 1957, стр. 276—381.

Муратов А. Б. «Гейдельбергские арабески» в «Дыме». — «Литературное наследство», т. 76, стр. 71—105.

Рейсер С. А. Петербургские пожары 1862 года. — «Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 79—109.

Спасович В. Д. Пятидесятилетие Петербургского университета. — «Вестник Европы», 1870, № 5, стр. 312—345.

Глава VI

Алексеева Н. В. Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе. — В кн.: «И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы». Орловское кн. изд-во, 1960, стр. 288—343.

Алчевская Х. Д. Передуманное и пережитое. М., 1912, стр. 92—103.

Батюто А. И. Роман «Новь» и «процесс пятидесяти». — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. II, стр. 195—209.

Батюто А. И., Буданова Н. Ф. [Комментарий к роману «Новь»]. — XII, 476—577.

Буданова Н. Ф. Роман «Новь» и процесс долгушинцев. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. II, стр. 182—185.
Буданова Н. Ф. Статья С. К. Брюлловой о романе «Новь». — «Литературное наследство», т. 76, стр. 277—320.
Велчев В. Тургенев в Болгарии (вторая половина XIX века). София, 1961, стр. 28—29.
«Государственные преступления в России в XIX веке». Сборник. Составлен под ред. В. Базилевского [В. Богучарского], т. II. Ростов-на-Дону, [б. г.], стр. 334—351.
Градовский Г. К. Итоги (1862—1907). Киев, 1908, стр. 359—363.
Ег[ор]ов А. И. С. Тургенев и князь А. М. Горчаков. 1876 г. — «Русская старина», 1883, № 11, стр. 423—425.
Лаврентьева С. И. Знакомство с И. С. Тургеневым. — «Исторический вестник», 1896, № 9, стр. 684—689.
Мостовская Н. Н. Из журнальной полемики вокруг «Нови» до опубликования романа (Забытые воспоминания А. В. Половцова). — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. II, стр. 185—191.
Назарова Л. Н. И. С. Тургенев и Ю. П. Вревская. — «Русская литература», 1958, № 3, стр. 185—192.
Нелидова Л. Ф. [Маклакова]. Памяти И. С. Тургенева. — «Вестник Европы», 1909, № 9, стр. 207—241.
Никитина Н. С. «Крокет в Виндзоре». Первое издание стихотворения. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. III, стр. 149—153.
Николаева Л. А. Тургенев и революционная молодежь. — В кн.: Ленинградский альманах, кн. 15. Лениздат, 1958, стр. 103—210.
Николаева Л. А. Проблема «злободневности» в русском политическом романе 70-х годов. — В кн.: «Проблемы реализма русской литературы XIX века». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 400—405.
Орнатская Т. И. [Письма А. А. Мещерского к Тургеневу]. — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. III, стр. 367—373.
П. В. [Васильев П. П.]. Описание торжеств, происходивших в честь И. С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 года. Казань, 1880.
Плещеев А. А. Что вспомнилось. Актеры и писатели, т. III. СПб., 1914, стр. 257—258, 267—270.
Пумпянский Л. В. «Новь». Историко-литературный очерк. —

В кн.: И. С. Тургенев. Сочинения, т. IX. М.—Л., ГИЗ, 1930, стр. 157—159.
Розенберг И. С. Варламов — о Тургеневе (Записано со слов покойного артиста). — «Бирюч петроградских театров», 1918, № 2, стр. 40—42.
Р[озенберг И. С.]. Четыре встречи с И. С. Тургеневым (Беседа с профессором С. А. Венгеровым). — «Бирюч петроградских театров», 1918, № 2, стр. 42—44.
Степанова Г. В. Первые отклики печати на роман «Новь». — В кн.: «Тургеневский сборник», вып. II, стр. 192—195.
«Тургенев и граф Толстой». — «Общее дело», [Женева], 1883, № 56.
Цейтлин А. Г. «Новь». — «Литературное наследство», т. 76, стр. 106—146.
«Южнороссийский союз рабочих». Сборник материалов и статей. [Николаев], 1924.
Z*** [Майков Л. Н.]. Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г. — «Русская старина», 1883, № 10, стр. 201—216.

Глава VII

Брамсон М. В. Отрывок из воспоминаний (1881—1886). — В кн.: «Народовольцы после 1-го марта 1881 года». М., 1928, стр. 81 и др.
Г[линский] Б. Похороны Тургенева (Страничка из воспоминаний). — «Исторический вестник», 1908, № 9, стр. 931—941.
Дубовиков А. Н. Герман Лопатин о Тургеневе. Неизданные материалы. — «Литературное наследство», т. 76, стр. 234—254.
Зильберштейн И. С. Последний дневник Тургенева. — «Литературное наследство», т. 73, кн. 1, стр. 365—424.
Кони А. Ф. Похороны Тургенева. Воспоминания. — В кн.: «Тургеневский сборник» под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921, стр. 57—85.
Ланский Л. Р. Последний путь. Отклики русской и зарубежной печати на смерть и похороны Тургенева. — «Литературное наследство», т. 76, стр. 633—701.
Попов Б. Г. Похороны Тургенева. — «Исторический вестник», 1908, № 9, стр. 931—941.
«М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III. СПб., 1912, стр. 230—250.
Утевский Л. С. Смерть Тургенева. Пг., «Атеней», 1923.

Оглавление

Григорий Абрамович Бялый,
Аскольд Борисович Муратов

ТУРГЕНЕВ В ПЕТЕРБУРГЕ

Редактор И. А. Орлова
Художник Н. А. Кошельков
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор Т. А. Шермушенко
Корректор И. В. Левтонова

Сдано в набор 12/VI 1969 г.
Подписано к печати 11/XI 1969 г.
Формат бумаги $70\times108^{1}/_{32}$
Бумага типографская № 2
Усл. печ. л. 16,45. Уч.-изд. л. 15,98+вкл.
Тираж 33 000 экз. М-34794. Заказ № 803/л

Лениздат, Ленинград,
Фонтанка, 59
Типография им. Володарского
Лениздата, Фонтанка, 57

Цена 70 коп.

70 коп.